

Вячеслав КИЛЕСА

**ОГЛЯНУТЬСЯ,
ОСТАНОВИТЬСЯ**

ОГЛЯНУТЬСЯ, ОСТАНОВИТЬСЯ

АННОТАЦИЯ

Книга «Оглянуться, остановиться» состоит из романа «Наша вся жизнь» и повести «Письма влюбленного наставника», написанных автором в грустные и не очень вечера своей жизни.

Роман «Наша вся жизнь» был создан в 1977 -78 годах и рассказывает о времени, когда наиболее талантливая и думающая часть молодежи оказывалась перед выбором: стать диссидентом или охранителем существующего правопорядка, - и от этого решения зависела не только судьба каждого из них, но и жизнь близких им людей. Это роман о стоящей на распутье юности, когда все пути возможны, а двери – открыты, и будущее зависит от того, какую дверь выберешь.

Одинаковых людей нет: даже близнецы в чем-то отличаются и поэтому все попытки государства нивелировать своих граждан, подстричь под одну гребенку оказываются напрасными - и в храме человек молится не тому богу, перед которым преклонил колени его сосед. Именно эта сумятица, столкновение единоличных, государственных и общественных интересов порождает действительность: то, чем мы живем каждую секунду, и что позже сами назовем Историей. Роман прошел школу выживания в Самиздате СССР, в печатном варианте был издан в 1997 и в 2007 годах.

Повесть «Письма влюбленного наставника» дает образ оставшегося в далеком прошлом поколения, о котором скоро можно будет прочитать только в книжках. Впервые была издана в 1997 году.

Художники: Рамиз Нетовкин, Игорь Костыря, Людмила Полежай (г. Белогорск), Жанна Будакова (село Апери острова Карпатос, Греция). Зера Акимова (обложка).

НАША ВСЯ ЖИЗНЬ

Действие романа "Наша вся жизнь" происходит в семидесятые годы двадцатого столетия в городах Николаеве и Одессе и участвуют в них молодые ребята, ощутившие разлом эпохи и - в желании сохранить целостность души - мечущиеся по зеркалам и Зазеркальям существующего, но уже переставшего существовать социального поля СССР. И, как во всех подобных случаях (когда корабль горит, а шлюпок не хватает), каждый из них проходит через свои Дантовы круги, требующие ответить поступком, кем должен он стать: слабым или сильным? богатым или нищим? палачом или жертвой? И они выбирают, - а мы с Вами, читатель, смотрим и думаем, как поступили бы на месте каждого из них. Действительно: как?

Вячеслав Килеса

*«История души человеческой,
хотя бы самой мелкой души,
едва ли не любопытнее и
не полезнее истории целого народа»*

*М. Ю. ЛЕРМОНТОВ
"Герой нашего времени".*

В Николаев автобус прибыл около полудня, точно по расписанию. Перебросив через плечо ремни дорожной сумки, я выбрался из душной автобусной коробки, поправил рубашку, отряхнул брюки и медленно направился к входной двери автовокзала.

Сентябрь уже заканчивался, но ничто вокруг не напоминало начало осени: жарко светило солнце, по-летнему, легко и приятно, дул ветер, деревья, стоявшие вдалеке, поблескивали зелеными листьями. Часть мыслей, одолевавших меня в дороге, как будто исчезла; улыбнувшись посмотревшей на меня девушке, я ускорил шаги и, потолкавшись в дверях, вошел в автовокзальное здание.

Здесь ничего не изменилось: те же стеклянные кассы, мягкие кресла, расписание, карта маршрутов Вот только автомат с газированной водой - был раньше или нет?.. Два года прошло, многое в моей жизни зачеркнулось и выбросилось, а вокзал тот же, как в ту далекую ночь ноября. И телефон-автомат на серой стене: я звонил тогда Алле, что-то говорил, слушал прощальные слова и торопился, торопился - хотя до отправления автобуса оставалась целая вечность

Двухкопеечные монеты я приготовил заранее и, бросив одну из них в щель телефона, напряженно прикинул к трубке, готовя слова приветствия. Гудки, гудки: длинные, длинные Набрал номер еще раз, еще Предвиделось все, кроме этих гудков отсутствия и, повесив трубку, я оцепенело застыл, пригвожденный чувством утраты. Так удобно, по полочкам, было все разложено, и вдруг Сдвинувшись с места, подошел к расписанию: автобус на Одессу отправлялся через два часа. Вечером я мог бы сидеть у Коли, поедать вытащенные из холодильника деликатесы и с наслаждением пить черный горячий кофе. Но - Алла, Юра? Проехать дальше и жить с ощущением оставленного позади вопроса, на который рано или поздно придется ответить? Жить вазой с искусно замазанными трещинами: все хорошо с виду и воду носить можно, а где-то внутри, в основе: напряженность памяти, дрожащей перед каждым движением Чем рискую я, кроме потери сомнений? Сам ведь выбрал когда-то путь по лезвию бритвы: какая разница, куда он привел, пусть даже и в Николаев? В худшем варианте - Юра вон вытолкает, к Алле дозвониться не удастся - переночую здесь в каком-нибудь из кресел - до первого утреннего автобуса.

Сверив свои часы с вокзальными, я вышел на улицу. Остановка троллейбусов находилась неподалеку и ждать мне пришлось недолго: две-три минуты. Троллейбус оказался наполовину пуст; я сел у окна и, прижимаясь лицом к стеклу, стал всматриваться в мелькающие дома, улицы,

все знакомое, незнакомое - как лицо друга после долгой разлуки. Хотя Николаев был скорее знакомым, чем другом - я провел в нем два месяца на сборах офицеров-двухгодичников, а до этого часто бывал проездом из Симферополя или Одессы, и сам город почти не знал, - но мы всегда, как заметил еще лермонтовский Печорин, любим только то, что не знаем, - и я любил Николаев, его центральную улицу, скверик возле дома Аллы, любил теплоту воспоминаний, возникавших при названии этого города, знавшего меня двадцатитрехлетним. К тому же город - это в первую очередь люди: можно сказать, что мера близости городов определяется мерой близости нам живущих здесь людей, - а в этом городе жил друг моих студенческих лет Алла Чуркина, и еще один - то ли друг, то ли враг, - на следующей остановке мне выходить, и минут через десять я увижу его лицо и скажу: "Здравствуй, Юра!". Интересно, каким оно будет, его лицо

Выскочив из троллейбуса, я перебежал на другую сторону улицы, дошел до перекрестка, постоял, вспоминая, куда идти дальше, потом свернул в тихую улочку с вытянувшимися вдоль домов деревьями и остановился у зеленых ворот, украшенных цифрой "8". Открыл калитку, вошел. Залаяла, дергая цепь, собака. На крыльце небольшого одноэтажного домика, стоявшего в глубине двора, показалась Ольга Ильинична, мать Юры: полненькая, среднего роста, с уже начинающими сесть прядями черных волос.

- Здравствуйте! - огибая рыхлую землю огородика и подходя к крыльцу, весело сказал я. - Вы меня узнаете? Я - Стасик.

Ольга Ильинична медленно улыбнулась: "Да, конечно. Вы к Юре?"

Когда-то она говорила мне "ты". Но времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, и мудр тот, кто никогда об этом не забывает.

- К нему, - кивнул я головой. Кто еще мог интересоваться меня в этом доме?! - Он у себя в комнате?

- Нет, Юра в школе, на педсовете. Но он должен скоро прийти - так же неторопливо растягивая слова и как бы присматриваясь ко мне, проговорила Ольга Ильинична. - Выходит, старый друг лучше новых двух, не так ли?

- Так точно! - по-уставному ответил я, приняв на мгновение положение при команде "Смирно!". Было что-то неприятное в нашем разговоре и мною начала овладевать та форма смущения, которая выражает себя или иронией, или откровенной грубостью.

Ольга Ильинична вежливо сымитировала улыбку, оценивая мой казарменный юмор и, прикрикнув на захлебывающуюся лаем собаку, предложила: "Может быть, подождете Юру в доме?"

- Хорошо! - согласился я и вслед за Ольгой Ильиничной нырнул в полутемный прохладный коридорчик, одна из дверей которого вела в комнату Юры.

Попросив меня располагаться, Ольга Ильинична удалилась. Я поставил на стул сумку, открыл ее, вытащил третий том "Наука логики" Гегеля и, усевшись на диван, попробовал погрузиться в проблемы абстрагирования понятия. Читалось с трудом: я отвлекался, посматривал на дверь, ожидая

Юру, бродил взглядом по загроможденной мебелью комнате; наконец, со вздохом бросив "Науку логики" в сумку, откинулся на спинку дивана, расслабился и, задумавшись, стал вспоминать ту цепь событий, которые привели меня в этот дом, так мало обрадовавшийся моему приезду.

Все началось с того дня, когда был организован КНМ - "коллективный научный мозг". Идею предложил Юра: соединить усилия нескольких человек, решивших посвятить себя науке. На одной из станций Большого Фонтана я, Юра и примкнувшие к нам Гриша и Коля арендовали маленький домик (в день новоселья мы окрестили его пышным именем "дворец"), поставили кровати, столик, этажерку и стали жить разношерстной, но сплоченной коммуной, объединенной общей собственностью на книги, деньги, идеи и маячившей на горизонте несомненной мировой славой. Мы хотели перевернуть науку, открыв новые, неведомые людям истины, - и до полуночи, а иногда и до утра засиживались над разбором и конспектированием произведений великих мыслителей. Занятия в университете - я учился на четвертом, а ребята на третьем курсе исторического факультета - были пущены на самотек; четверки и даже тройки, появившиеся в зачетках, воспринимались все с большим равнодушием: линии нашей жизни, выйдя из трафаретной колеи, требовали новых норм аксиологии. И они, эти нормы, появились

Способствовало этому "доброжелательное" любопытство сокурсников, заинтересовавшихся необычным союзом таких противоречивых натур, как Гриша и Коля, я и Юра. Мы не афишировали КНМ, - тем не менее на факультете узнали о нем на второй месяц нашего проживания во "дворце", - и тот час сюда потянулась череда визитеров, приходивших "за книжкой" или "мимоходом" и шнырявших глазами по всем углам наших двух комнатенок. Мы хохотали после их ухода, но когда однажды вечером во "дворец" нагрянули представители профкома с целью обнаружения запасов вина и развеселых женщин, наше миролюбие лопнуло и допуск посетителей во "дворец" был прекращен: английским замком на калитке, табличкой "для незваных гостей хозяев нет дома" и категорическим "нет" всем поползновениям набиться к нам "на прием". Эти меры, сохранившие нам нейроны и время для занятий, окончательно испортили нашу репутацию на факультете, превратив КНМ - по приговору общественного мнения - в "секту", "элиту" и даже "подпольную организацию". Результатом перечисленных перипетий оказалось зарождение в КНМ "культы еретичества" и осознание нами себя "изгнанниками из общества".

Юности нравится страдать: мы с наслаждением перечитывали Данэма "Герои и еретики", книги о непризнанных гениях, серию "ЖЗЛ", разыскивая похожесть в наших и чужих судьбах. Непонимание КНМ окружающими, мелочность их жизни в сравнении с нашими великими замыслами, наше интеллектуальное превосходство над сокурсниками, знавшими все ошибки философов, не прочтя ни одного из них, развивало у нас чувство превосходства, "избранности", трансформируя КНМ в обособленный кружок с оригинальным набором привычек, идеалов, принципов и четким

разделением действительности на "мы" - и все остальные. С каждым месяцем это разделение закреплялось и углублялось: знание, усваиваемое нами в абстрактно-понятийной форме, не только не приближало, но, выделяя, отдаляло от окружающих, предоставляя нам следовать своей судьбой и дорогой.

В КНМ данное явление воспринималось спокойно, разве что Гриша, комсомольский деятель факультета, заговаривал несколько раз о включении общественной жизни в сферу каэнэмовского внимания. Но дальше разговоров дело не двинулось: у нас хватало других забот, научных и бытовых, - функционирование КНМ подчинялось совместно выработанному плану и все не входящее в этот план отбрасывалось в сторону, да и позиция Юры, иронически относившегося ко всему "общественному", препятствовала реализации Гришиных предложений.

Есть своя закономерность в том, что в любой группе людей, соединенной совместной деятельностью, появляется неофициальный руководитель, лидер. Таким лидером стал в КНМ Юра, выделявшийся как своим талантом, умом, так и накопленным ранее интеллектом: он единственный из нас осилил математическую логику, первым прочитал всего Гегеля, Маркса, Ленина, его замечания обладали удивительной точностью, а выступления на еженедельных семинарах КНМ были настолько оригинальны, что я и Гриша обыкновенно их конспектировали. Мы подчинялись Юре легко и охотно: он опекал нас, заражал своей преданностью науке, своей работоспособностью, позволявшей ему, просидев всю ночь над книгой, утром как ни в чем не бывало шагать на лекции; он был стержнем, связывающим нас воедино, - нас, настолько разных, что я, например, признавая правомочность нахождения в КНМ вдумчивого и серьезного Гриши, прозванного "человеком-энциклопедией" и явно нацеленного на диссертацию, долго не мог понять, что занесло к нам весельчака и авантюриста Колю, писавшего полуэссеистские рассказы, любившего поухаживать за девушками и читавшего как приключенческий роман гегелевскую "Феноменологию духа". А почему появилась и осталась в КНМ третьекурсница филологического факультета Рита Кленова - девочка с голубыми глазами, чьи стихи то и дело читались на различных "Вечерах поэзии", оседая потом в студенческих альбомах и тетрадках.

Рита, как и Коля, была аборигеном: ее мать работала редактором газеты, а отец командовал теплоходом, - своевольная, из породы "взбалмошных", Рита все вечера и воскресенья проводила теперь во "дворце", вслушиваясь в наши дискуссии, читая литературу по эстетике и скармливая нам выпрошенные у мамы компоты. Мы привыкли к ней, а я даже стал ее другом, - тем удивительнее было услышать на июньском каэнэмовском совещании (сдав экзамены, мы разъезжались на каникулы и распределяли задания на лето), что она не считает себя членом КНМ, так как ей не нравится бездуховность и машинообразность нашей организации. На вопрос: "Что ее сюда привело?" Рита ответила: "Вы, но каждый в отдельности, а не все вместе". Реакция на Ритино заявление оказалась различной. Юра, глубоко оскорбленный, сразу,

как только Рита ушла домой, потребовал полного изгнания "ренегатки". Коля оправдывал ее, утверждая, что Кленова давно уже участник КНМ и слова ее - поза, а не позиция, поэтому нельзя на них обращать внимание: в Кленовой, как и в "гуляющей сама по себе" кошке из сказок Киплингa, велико чувство свободы и она защищает ее, отказываясь принимать формальные обязательства.

Меня Ритины слова заинтересовали по-своему: в них я увидел подтверждение одного из своих наблюдений и, поймав паузу в разговоре, небрежно бросил: "А не кажется ли вам, ребята, что наши идеи, вырастающие из нас как из почвы и ставшие нашим продолжением в мире материи, окажутся для остальных прокрустовым ложем, куда не каждый захочет ложиться? Вот Рита, как видите, не захотела. Поэтому спор ваш бессмысленен, потому что Рита не хуже или лучше наших идей, а просто вне их. Она в другом измерении, как Алиса в Зазеркалье, и нам об этом измерении ничего не известно".

Я потом пожалел о своем высказывании: ругали меня все, даже молчавший до сих пор Гриша, доказывая, что от моих слов отдают солипсизмом и если принять их за руководство к действию, то нам придется расселиться по бочкам и ни во что не вмешиваться, потому что у каждого свой мир и нечего трогать его посторонним лапам. А ведь история только потому и прогрессирует, что кто-то навязывает другим свои учения - и не всегда мирным путем, - но как иначе Россия оказалась бы без царя, а народ - без патриархальной дикости?! И мы имеем право воздействовать на Ритины взгляды ("Право Раскольникова на топор!" - перебил я насмешливо), поскольку желаем ей добра, духовного обогащения, - и нечего ей плевать в ту кормушку, которая ее кормит.

Они были правы, но я чувствовал, что и мои слова нельзя назвать ложью, - и тогда впервые во мне появилась мысль, что иногда несколько правд вполне могут сосуществовать, не надо их только стравливать: жизненная позиция сама подберет, какая из правд необходима.

В итоге победила точка зрения Гриши, предложившего не считать Кленову членом КНМ, но и не отталкивать ее: время само повернет Риту в ту или иную сторону. Как "объективное мнение объективного человека" (выражение Коли), данное предложение оказалось завершающим и обжалованию не подлежащим, что очень позабавило проведавшую об этом Риту: она потребовала "справку с печатью" и написала на нас рифмованную сатиру.

Но вопрос о Рите относился у нас к числу случайных, не главных вопросов. Мы изучали формальную и диалектическую логику, готовили выступления к каэнэмовским семинарам, читали книги, посещали лекции. Кроме общих для КНМ, каждый разрабатывал самостоятельную тему: у Гриши это была проблема отчуждения, Коля занимался нравственностью, Юра - социальным и биологическим полем истории. Меня интересовала социология сознания: отталкиваясь от положения Маркса, что "сознание есть совокупность общественных отношений", я пытался доказать полную

подчиненность сознания внешним влияниям: при целенаправленном воздействии и достаточности времени из человека на любом году жизни (а не только в детстве) можно вылепить любой тип сознания: романтический, фашистский, мещанский и т.д. Для этого необходимо, переставив акценты в соответствии с программой, переписать его прошлое и историю окружающего, внушить человеку новое понимание себя и заставить (не обязательно силой) действовать в нужном направлении: действие закрепит привнесенную ориентацию сознания, убеждая его, что оно всегда было тем, чем себя сейчас чувствует. Именно в этом, на мой взгляд, заключалась система Макаренко: объявив прошлое колонистов несчастьем, от которого надо избавиться, Макаренко трудом, дисциплиной, личным примером, а позже и коллективом воздействовал на сознание подростков, создавая из них строителей пятилеток.

Юре моя теория понравилась, но Коля встретил ее в штыки, уверяя, что я не учитываю роль самосознания, благодаря которому такие сильные воздействия, как пытки и тюрьма, не всегда сламывали сопротивление узников. "Просто неквалифицированная работа, - упирался я. - Чем-то иным ломать надо было". В пылу спора Юра предложил эксперимент: проверите теорию, хотя бы и на Рите. Я заколебался, но Гриша и Коля стали возражать, особенно Коля, обвинивший Юру в агуманизме мировоззрения.

Споры между Юрой и Колей, возникавшие чаще и чаще, на второй год казнэмовской жизни приняли характер острых разногласий, заложивших основу первой из трещин, расколовших КНМ на кусочки. Точкой отсчета оказался семинар, на котором Коля прочитал доклад "Смысл усилий истории", доказывая, что в отдельные периоды развитие истории определяется не экономическим, а нравственным фактором, и именно в таком временном отрезке мы сейчас обитаем. Началась дискуссия: Юра, взяв слово, объявил, что нравственность была, есть и будет служанкой экономики: это закономерность истории и единственный путь к прогрессу. Ему возразил Гриша: нравственность содержит понятие "счастье" - центральное в сознании человека, - попать нравственность - значит пожертвовать человеком: во имя чего?

Спор был долгий, затяжной. Юра закатил полуторачасовую речь, приводя примеры реформ Петра I, строившего империю на мужицких костях, кровавую политику "государственного мудреца" И. Грозного; он кричал, что проблема Карамазова - можно ли замучить ребенка во имя светлого будущего? - годится лишь для застольных дискуссий, это теория, которую нельзя путать с практикой, где таких замученных тысячи и миллионы, и это историческая необходимость, поэтому не пускать слюни нужно, а смотреть на вещи строго и объективно, как подобает ученым. Он еще много говорил, Юра: ярко, убедительно, - перетянув на свою сторону меня, а потом и Гришу.

Дискуссия закончилась, но Коля, отказавшись принять Юрины постулаты, не успокоился и объявил, что поскольку направленность истории смыкается для него с проблемой смысла собственной жизни, он не может отнестись к своим выводам как к обычной теоретической концепции и

вынужден, отодвинув плановые задания КНМ, погрузиться в поиски нравственной истины. Переубедить его мы не смогли; с этим чудачеством Гриша и я примирились быстро, но Юра, смотревший теперь на Колю как на пустое место, еще долго хмурился, замечая на этажерке труды Швейцера, Мильнер-Иринина, Конфуция и прочих этических наставников.

К этому времени мы установили контакт с университетской кафедрой философии, и руководитель кафедры, профессор Антонов, заинтересовавшись нашими докладами на кружке философии, предложил нам готовиться в аспирантуру, заранее переориентируясь на темы, которыми занимается кафедра. Это предложение вызвало оживление в КНМ: Юра, собрав внеочередное заседание, объявил, что нельзя отказываться от того, что плывет в руки; конечно, темы кафедры узки и поверхностны, но нам выбирать не приходится: пора устраивать свою судьбу, особенно Стасику, у которого через полгода госэкзамены, и на кой черт ему ехать в село, когда можно остаться в Одессе. Гриша, Рита и я согласились с Юрой, но поднял бунт Коля, говоря, что мы предаем идею КНМ, а это еще хуже, чем предательство людей: он вошел в КНМ для работы на благо человечества, а не для делания карьеры; на кафедре из нас быстро повыбивают безумные, но дорогие нам глупости и заставят ремесленничать, ломать себя в угоду кандидатской и докторской, а этого он не желает.

Юра вспылел, стал кричать, что ему надоели бредни и достоевщина: Коля не понимает ситуации и в наш век научно-технической революции лезет не то в князя Мышкины, не то в "подпольные человеки", - мало того, что сам бездельничает, пустяками занимается, так еще и других за собой тянет. Конечно, он, Юра, не собирается ничего навязывать и пусть каждый делает то, что хочет, но за последствия он не отвечает.

Явный расчет Юры на коллективное осуждение Колиного "инакомыслия" провалился: не только я и Рита, но и Гриша встали на защиту Коли, говоря, что он, как и все мы, может декларировать любое мнение, а не только то, которое устраивает Юру. Нами руководило не столько согласие с Колиной позицией, сколько желание противостоять авторитарной политике Юры, начавшего проявлять в последние месяцы склонность к самодержавию.

Внезапный бунт каэнэмовской "массы" Юра воспринял как удар по личному самолюбию: презрительно заявив, что наши пути в таком случае должны разойтись и он переходит на индивидуальный план деятельности, Юра собрал в портфель книги и ушел заниматься в библиотеку. Мы остались, взволнованные и озадаченные, но, посоветовавшись, решили не отступать, предоставив дальнейшее "его величеству Случаю".

С этого дня обстановка в КНМ изменилась: кончились наши семинары, ребята писали курсовые работы, я - дипломную о типах сознания. Отношения между нами оставались ровные, дружеские, вот только с Юрой мы не ладили: он исполнил свою угрозу и взял курс на открытый эгоцентризм, превращая окружающее, а значит и КНМ, в средство для собственной деятельности. Несколько раз мы устраивали совещания: Юра раздражался, слушая наши упреки, кричал, что не его вина в том, что КНМ разваливается - мы ведь не хотели выполнять его указания. Он работает один, потому что это результативно и проще, меньше противоречий и эмоциональных кризисов, забирающих время. К тому же теоретические изыскания убеждают его, что коллективная деятельность возможна только в форме мастерской, где множество ремесленников обеспечивают деятельность одного или нескольких мастеров, а все остальные формы - блеф и игра в работу. Мы возражали ему, доказывая, что результатом КНМ должны быть не только идеи, но и мы сами как личности, - но ни к чему это не приводило и мы расходились, нервничая и злясь друг на друга.

Так и жили мы, чередуя спокойствие с нервозностью, - только Рита оставалась такой же беззаботной, как раньше и, забегая в наш домик, вытаскивала нас на берег моря, читала свои стихи, чем-то похожие на цветаевские и все же ее, Ритины; приносила интересные книги или, заранее купив билеты, вела нас в кино, объясняя, что это единственный способ не дать нам засохнуть от мудрости.

С аспирантурой у меня ничего не получилось: на одном из заседаний кафедры я выступил против профессора Антонова, доказывая, что тезисы, изложенные им в докладе, по своему уровню принадлежат не только к домарксовскому, но и к догегелевскому периоду развития философии. Выступал я долго, привел массу цитат, но, хотя никто возразить мне не

сумел, чувствовать себя победителем я не мог: на кафедре решили, что это мальчишеская выходка, профессор Антонов перестал со мной здороваться, а за защиту дипломной, где я тоже ввязался в дискуссию, мне поставил "удовлетворительно". Я должен был ехать в село, в школу, но, испытывая извечный страх потомственного горожанина перед мерзостями сельского быта, предпочел на два года уйти в армию. КНМ фактически уже не существовал, хотя совместное ведение хозяйства и общность книг мы сохранили. Уезжая на военную службу - мне достался город Флорешты - свою библиотеку я оставил ребятам, договорившись, что по мере надобности необходимую литературу они будут высылать почтой. Свое обещание ребята выполняли почти полгода, но в конце апреля у меня начались окружные учения и было не до книг, а в августе я узнал из Колиного письма, что после сдачи госэкзаменов Юра, захватив каэнэмовскую библиотеку, уехал по распределению в Николаев, свой родной город. Это был подлый, но в тогдашнем Юре понятный поступок и я, написав Коле: "Комедия окончилась, и хорошо, что так быстро", мысленно поставил крест на каэнэмовском прошлом, вот только Риту жалел и не мог понять, как жить дальше. И зачем жить?!

Стремительно распахнувшаяся дверь заставила меня вздрогнуть: в комнату, широко перешагнув порог, вошел Юра. Бесстрастно окинув меня взглядом - явно отрепетированное движение, поскольку мать, конечно же, предупредила о моем присутствии, - Юра буркнул: "Привет!", зачем-то подошел к книжному шкафу, постоял и, выговорив: "Сейчас будем обедать", вышел из комнаты.

Итак, встреча состоялась: без трогательных объятий и слез, но и без мордобития. Скорее всего, не решив, как отреагировать на мой приход, Юра занял на всякий случай нейтрально-выжидательную позицию. Мне было проще: в любой момент, используя свое преимущество активной стороны, я мог, бросив на плечо сумку, сказать всем: "До свидания!" и уйти из настороженности этого дома, оставив позади - что оставив: чувство облегчения? недоумения? сожаления?.. Не все ли равно! То, с чем расстаешься, превращается в прошлое - вещь достаточно зыбкую и химерную, полностью зависимую от твоего отношения, и нужно только стараться не принимать ее всерьез, а этому легко научиться. И все так и живут, отталкиваясь от прошлого, как веслом от берега, ориентируя будущее настоящим, - это лишь мне захотелось остановиться, повернуть время вспять и сказать: "Здравствуй!" если не дням, то хотя бы людям изжитой когда-то жизни.

Встав, я прошелся по комнате, остановился у книжного шкафа. Вот они, книги, взятые Юрой: Ницше, Р. Карнап, Данэм, Тейр де Шарден, Платон. Рядом лежали стопками труды по семиотике, биологии, психологии. Многие из них когда-то покупал, бегая по магазинам, лично я, но что вспоминать об этом?

Из глубины дома донесся стук кухонной посуды, голос на что-то сердящейся Ольги Ильиничны. Дело шло к обеду! Невольно сглотнув слюну,

я пододвинул к столу стул, уселся и приготовился к ожиданию яств - у Юры всегда хорошо кормили!

Минут через десять в комнату вошли Ольга Ильинична и Юра, неся на вытянутых руках тарелки с борщом; поставили тарелки, ушли, вновь вернулись: на этот раз с жареной картошкой, котлетами и хлебом. Я предложил свою помощь - ее отвергли. Вскоре стол на две персоны - меня и Юры - был накрыт и обед начался. Ели молча, изредка поглядывая друг на друга. Ольга Ильинична сразу же удалилась на кухню, предварительно спросив, устраивает ли меня кисель и достаточно ли посолен борщ? Меня, не вшего со вчерашнего вечера, устраивало все.

После еды состоялась торжественная церемония отнесения на кухню грязной посуды. Вышагивая со стопкой тарелок, я прикидывал, изменился ли Юра за последние полтора года. Внешне, во всяком случае, нет: та же кряжистая фигура, наполненная силой и энергией, длиннообразное бледное лицо, большие глаза. Вот только движения стали нервней, лихорадочней.

Поблагодарив Ольгу Ильиничну, мы возвратились в комнату. Я немедленно плюхнулся на диван и, устроившись поудобнее, воззрился на Юру: в какое русло направит он разговор? Но Юра не торопился: постояв у окна, он попетлял по комнате и лишь потом, остановившись передо мной, спросил с нескрываемой издевкой:

- Что, Стасик, ждешь разговора? А ты уверен, что он обязателен?

Несколько растерявшись от его прямоты, я ответил:

- Жду не разговора, а ответов

- На свои заранее приготовленные вопросы, - закончил за меня Юра. - Рефлекторная реакция простейшего организма. Ты не изменился, по-прежнему не живешь, а учишься жить. И спрашиваешь у всех, как это делается. Меня тоже об этом спросишь?

- Зачем? - с равнодушным видом пожал я плечами, решив не поддаваться на явно провокационную грубость Юры. - Что от тебя можно услышать, когда ты никого, кроме себя, не слышишь?! Ты и сейчас не со мной, а с собой разговариваешь.

Несколько секунд Юра пристально и с интересом смотрел мне в лицо, потом хмыкнул, сел на стул и неожиданно просто сказал:

- Научился ты огрызаться, Стасик - в армии, да? Там из тебя многое, наверно, выбили - и хорошего, и плохого: чего больше?

- Не знаю, - увильнул я от болезненной для меня темы, мгновенно переводя разговор в другую плоскость. - Чем ты занимаешься последний год?

- Для родителей и знакомых - преподаю в школе историю. Для себя - заканчиваю работу об историческом времени: закончил ее недавно, месяц назад. Уставал так, что усталость превратилась в привычку. Теперь отдыхаю. Читаю беллетристику, гуляю вечером с собачкой. Возможно, заберут в армию. Хорошо, что на военной кафедре в университете не учился - только год служить буду, солдатом.

- Почему ты отказался от аспирантуры? - задал я один из интриговавших меня вопросов. - Так рвался к ней, и вдруг!..

- Я рвался не в аспирантуру, а к науке, - пусть и через аспирантуру! - яростно возразил Юра. - Ты прекрасно знаешь об этом, Стасик, - так же, как и то, что сейчас гуманитарной наукой легче заниматься, работая сапожником, а не ученым. Впрочем, дело не в этом: просто я поменял способ своего существования - вот и все объяснение. Скажи лучше, как собираешься жить?

- Восстановлю потерянные в армии знания и буду поступать в аспирантуру. Где - не знаю, но в Одессе.

Я не стал уточнять, что это только один из вариантов - хотя и наиболее вероятный - возможного будущего: Юра не располагал к откровенности, да и не была она ему нужна, моя откровенность. Слова об аспирантуре он встретил с ка-ким-то злобствующим удовлетворением:

- Давай-давай! Членом партии стал! Тогда все пути открыты! Гриша сидит в одесской аспирантуре, ты на московскую сориентируйся. Интеллекта у тебя хватит, пробивной силы - тоже. Так что благословляю.

И он размашисто меня перекрестил.

- Спасибо! Ты удивительно добр ко мне! - сдерживая готовую вспыхнуть обиду, сыронизировал я. Недружелюбие Юры действовало на меня угнетающе: не ждавший от встречи ничего приятного и шедший на нее, как на дуэль, я все-таки в глубине души был удивлен торжеством логики собственного расчета, - ведь позади были не только разлад, драка, ненависть, но и КНМ, университет, прогулки у моря, совместные планы и мечтания. Куда исчезло все, а если исчезло, то кто виноват в этом? Или прав был Коля, и КНМ и все наше будущее рухнуло потому, что тот, кому мы верили, оказался подонком, и никаких других причин нет, и все, что мне остается: окончательно убедиться в этом.

- Кстати, ты знаешь тему диссертации, которую пишет Гриша? - прервал я паузу.

- Никогда не интересовался, - презрительно хмыкнул Юра. - Догадываюсь, что нечто диалектическое и не особенно скользкое.

- Ты ошибаешься, тема интересная и даже актуальная: "Роль подлой личности в истории других жизней".

Я с любопытством уставился на Юру. Тот оторопело молчал, потом, скривив улыбкой рот, пристально взглянул мне в глаза:

- То, что ты врешь, это ясно, но зачем врешь, - этого я не понял. И вообще: зачем тебя сюда занесло? Я надеялся, что навсегда избавился от ваших физиономий.

- Хомо сапиенс предполагает, судьба располагает, - отвечивал я. - А сюда привели меня шиллеровская сентиментальность, несколько дней свободного времени и вопрос о каэнэмовской библиотеке.

Про библиотеку я сказал просто так, потому что больше говорить было нечего: в самом деле, зачем я приехал к Юре? Не объяснять же ему, что ищу средство для ликвидации трещины, прошедшей по моей жизни в результате каэнэмовского разлома, и что от исхода поиска зависит многое, если не все, в моей дальнейшей судьбе.

Но Юра, вероятно, ждал вопроса о библиотеке, поскольку ответ его был быстр и решителен:

- Книги я вам не отдам. Во-первых, большей их части у меня нет: мне не хватало до тысячи около двухсот рублей, пришлось продать книги. Во-вторых, те, что остались, нужны мне для работы - ты их не получишь. Если хотите, подавайте в суд, но проиграете, заранее говорю - я наводил справки.

- В суд подавать никто не будет. Послушай, а зачем тебе тысяча рублей?

- Эти деньги у меня отложены на крайний случай. Не знаю, чему тебя научила армия, но, думаю, в истинной ценности денег ты все-таки разобрался. Я когда-то сильно ошибался, думая, что достаточно иметь на плечах умную голову и можно достичь всего, что ты реально заслуживаешь. Но, как выяснилось, деньги нужнее, а если еще голова в придачу есть, то вообще хорошо. Я теперь все, что имею, перевожу в деньги.

- Честь, совесть и прочую "химеру" ты тоже в деньги переводить? - не замедлил я съязвить.

- Если это химера, - с видом, свидетельствующим, что разговор ему наскучил, проговорил Юра, - то она ни во что материальное не переводится, разве что магическим путем. А я этой областью не занимаюсь.

Мне тоже стало скучно; к тому же я почувствовал усталость. Полубессонная ночь в дороге, этот извилистый, напряженный разговор, требовавший постоянной "боевой готовности" мысли, непроницаемое лицо развалившегося на стуле Юры навалились и сдавили меня, уничтожая всякое желание продолжать выяснение отношений.

Поднявшись с дивана, я подошел к окну, пробежал взглядом по джунглям раскинувшегося огородика, закрыл на секунду глаза, собирая силы для нового во-проса, потом, обернувшись, спросил:

- Скажи, Юра, а как ты оцениваешь сейчас свое участие в КНМ?

Юра встал, сделал несколько шагов по комнате:

- Я считаю это своей первой и главной ошибкой, допущенной в университете. Мне нужно было работать самостоятельно, а я связался с дураками, тащил их куда-то. До сих пор не могу понять, что меня около вас удерживало. Одиночества боялся, что ли? Потом лишь понял, что только через одиночество и можно чего-то достичь, потому как бездарность, да еще коллективом оформленная - первый враг таланта. А вы были и остались бездарностями, и тут ничего не попишешь, - не станешь же требовать мандарин от яблонь? Я за последний год больше сделал, чем за всю каэнэмовскую эпопею.

Внутри меня вспыхнул уголек обиды, грозя разгореться пожаром: я мог спокойно выслушать все, кроме слов о своей бездарности, и Юра знал это. Он помнил все мои слабые места и бил по ним, попадая так метко, что мне подумалось: "А не фарс ли это? Не участвую ли я в спектакле, экспромтом сочиненном Юрой, в роли Стасика-простофили?"

Настороженно смерив глазами плотную фигуру Юры, я, поддавшись мстительному чувству, резко спросил:

- А какую ты сделал вторую ошибку?

И тут же мысленно схватился руками за голову: задавать этот вопрос мне более чем не хотелось, потому что ответ мог быть только один. И я его получил:

- Здесь имеется в виду Рита, - голос Юры был сух и спокоен.

Во мне что-то дрогнуло и покатилося вниз.

- А почему эта ошибка не главная? - бросил я - клин клином - следующий вопрос.

- Потому что не успела такой стать. Еще есть вопросы?

Его тело напряглось, как перед ударом.

Я опустил голову. Мне не хотелось его видеть, и я презирал себя: за то, что сижу здесь, разговариваю и в глубине души продолжаю верить, что Юра, как и два года назад, рассеет мои сомнения и передаст часть своей силы, что он объяснит мне, как жить дальше и во что верить. Я был щенком, брошенным в бурную реку, и бил лапами по воде, скуля и захлебываясь, и высматривал руку хозяина, надежную и спасительную - хотя именно она швырнула меня за ненадобностью в эту холодную воду

- Юра, ты не возражаешь, если я часа два посплю здесь на диване? - я посмотрел на него, пытаюсь улыбнуться.

- Пожалуйста! - засуетился Юра. - Сейчас принесу постель.

Положив одеяло, подушку, простыни на диван, Юра ушел. Я разделся, повесил одежду на стул и, постелив простыни, залез под одеяло. Было приятно лежать, ощущая под щекой упругую ткань подушки; я успокоился, стал собирать мысли, разбросанные, как вещи в каюте после шторма, крепить их канатом привычки и логики - и вдруг, наткнувшись на имя "Рита", дернулся, как обожженный. "Что сделало меня предателем?" - услышал я шепот своих губ и оцепенел, не в силах отвести взгляд от того апрельского дня, когда Коля, поймав меня на факультете, взволнованно объявил: "Представляешь, Юра решил влюбить в себя Кленову!", и я, опешив, от неожиданности, не нашел других слов, кроме: "Зачем ему это понадобилось? Или для эксперимента?", уловив в ответ Колино: "Не знаю".

Рита появилась в КНМ неожиданно - после окончания одного из собраний кружка философии она подошла к нашей четверке и сказала - просто и весело: "Мальчики, мне очень понравились ваши выступления. Можно с вами познакомиться?" Мы не возражали. Юра и Коля осыпали Риту вопросами: нешаблонность ее ответов мгновенно нас покорила. "Впервые слышу подобное от существа в юбке", - заметил потом Юра. Выяснилось, однако, что многих элементарных вещей Рита не знает. Мы пригласили ее во "дворец" присутствовать на каэнэмовских семинарах, снабдив пока что списком рекомендованной для чтения литературы.

Риту заинтересовал КНМ, но основное в нем - цели и программу - она отвергла. "У вас сплошной рационализм, сплошная надуманность, - твердила Рита. - А все должно быть естественно, вырастать изнутри. Разум занимает в жизни процентов двадцать, не больше, остальное - чувство, стихия. Причинные связи, социальные законы реально не существуют, они -

результаты анализа. А вы на этих фантомах, на песке абстракции хотите себя строить. Постройте - до первой бури!"

Меня Ритины слова забавляли, Юру - сердили. "Сплошной бред! - ругался он. - Смесь экзистенциализма и руссоизма: человек - существо естественное, пленник случайности, мысль есть ложь, конструируем себя на логике, а нужно, наверное, на инстинктах. Такое только филологичка сочинить может!"

А когда Рита через полгода отказалась от звания каэнэмовки, Юра окончательно махнул на нее рукой, проконстатировав, что, к сожалению, в большинстве случаев женщина и наука - понятия явно перпендикулярные.

Гришино отношение к Рите выглядело странным: то он опекал ее, заставлял конспектировать книги, объяснял философские сложности, - то, замкнувшись, обходил стороной, солидаризуясь при споре с Юриным мнением, что Кленова - кокетка и сумасбродка, гоняющаяся за оригинальным, и мы напрасно се привадили. Отстаивая данный тезис, Гриша всерьез рассорился с Колей, провозгласившим, что только подлец дурно говорит о знакомых, предварительно с ними не раззнакомившись, и часто меняет взгляды на один и тот же предмет. Ссора затянулась, и Рита с трудом настояла на примирении, однако акт этот остался для Коли и Гриши внешней формальностью.

Коля, унаследовавший от родителей - артистов одесского балета - светскость манер и одухотворенную внешность, заинтересовался вначале Ритой в чисто амурном плане, но, получив внушительный, хотя и незаметный для публики отпор, - Рита щадила его самолюбие, - проникся к ней уважением, перенес лирические замыслы на Ритину подругу и однокурсницу Алексееву Галю, - в которую, на потеху каэнэмовской братии, влюбился позже без памяти. В Колином характере, одновременно мягком и решительном, преобладали черты, сближавшие его с Ритой: страсть к риску, доброта, честность и непоколебимое чувство патриотизма - устойчивость последнего не раз подтверждалась каэнэмовскими дискуссиями, поскольку я, Юра и Гриша были космополитами. Колю восхищали Ритины стихи: искренне убежденный, что лет через десять мы будем гордиться нынешней с ней дружбой, Коля тщательно регистрировал в особой тетради все ее сочинения, поскольку Рита, как и положено вундеркиндю, к своим стихам относилась небрежно.

Мне Рита нравилась: кроме стихов, несомненно талантливых и самобытных, меня привлекала в ней смелость характера, зачастую толкавшая ее на столь отчаянные поступки, что, узнав о них, Коля, ярый любитель приключений, ахал и говорил, что в Ритином роду наверняка бывали сумасшедшие и Рита - продолжатель традиции. Ночные прогулки в опасных районах Одессы, лазание по перилам "Тещинового моста", диспут с преподавателем литературы, после которого она осталась студенткой благодаря лишь маминым хлопотам - эти и другие "подвиги" периодически вписывались в Ритину жизнь, вызывая у окружающих - в соответствии с их рассудком и возрастом - восхищение, недоумение или гнев. Кстати сказать,

эти оттенки воспринимались Ритой одинаково безразлично: "Я координирую себя законами своей, а не чужой совести" - говорила она знакомым. У нее была жизнь, которую она считала обыкновенной, и где, кроме КНМ и стихов, обитали ее подруги, университет, влюбленные в нее мальчики, литературный кружок, сложные отношения с мамой и прочее, прочее, - но для посторонних людей и мнений вход в эту жизнь был воспрещен.

Я тоже писал стихи, хотя и отрекся от титула поэта, - но Рита знала о них и, может быть, именно поэтому выделяла меня из каэнэмовской четверки: элегантно-насмешливая с Гришей и Юрой, приветливая и мягкая в разговорах с Колей, при общении со мной - особенно тет-а-тет - Рита держалась удивительно просто, с какой-то трогательной сестринской нежностью. Часто по вечерам она приглашала меня на прогулку, и мы шли в парк Шевченко, в "Гамбринус", в кафе "Мороженое" или, если цвели каштаны, на Ритину любимую Пушкинскую улицу. Мы молчали, беседовали - обо всем на свете, декламировали стихи - свои и чужие, катались на троллейбусах; устав от города и его тесноты, уходили к морю. Это была не любовь, нет: в чем-то я заменял ей брата, которого у нее не было, и родителей, отсеченных от Риты толстой стеной непонимания.

Внешне общительный, я мало доверял людям: опыт провинциального прошлого, именуемый "городом детства", научил меня осторожности. И с Ритой сближался я медленно, с трудом: ошибки страшны не своим фактом, а последствиями; к тому же дружба, подобно любви, накладывает обязательства, тогда как я привык избегать остроту контакта с кратким прилагательным "должен" - слишком уж часто данное "должен" противоречило моим интересам. Участие в КНМ, увеличив багаж знаний, отточило мой ум; я пользовался им как скальпелем и, разрезая мимирию окружающих, с горечью, а позже с презрением, убеждался в низменной и расчетливой основе их самых возвышенных, самых благородных деклараций. Вероятно, поэтому, общаясь с Ритой, искренне ей симпатизируя, я где-то в глубине души был от нее далек; я смотрел на нее, как зритель на экран телевизора: сочувственно, с интересом, но в любую минуту готовый отвлечься, забыть и заняться другими делами.

Сообщение Коли о Юриных замыслах меня удивило, поскольку Рита красотой не блистала: худенькая голубоглазая брюнетка среднего роста с короткой стрижкой и причудливыми нарядами, она заинтересовывала только после длительного знакомства, когда раскрывалась, в противовес внешности, оригинальность ее натуры, - но эта сторона Риты никогда не привлекала Юру. Да и вообще к женскому полу он был до сих пор равнодушен - так же, как и к поэзии, занимавшей в его классификации третье место после игры в карты. "Что изменило вдруг взгляды Юры?" - не мог понять я.

Долго недоумевать мне не пришлось: в тот же вечер, вызвав меня на улицу, Юра заговорил о Рите. Начал он издали: между нами существуют разногласия, он жалеет о них и хочет восстановить хорошие отношения, а вместе с ними - и КНМ. Конечно, ты, Стасик, уходишь в армию, но тебе легче будет служить, зная, что в Одессе имеются ребята, всегда готовые

помочь, а после армии есть на кого опереться, тем более что он и Гриша явно идут в аспирантуру. Правда, появилась загвоздка: сейчас ему не работается, нет новых идей - мозг иссушился, что ли? Он перепробовал все допинги, в том числе и отдых, но - безрезультатно; остается любовь, возможно - поможет. Нужен достойный партнер. Он уже смотрел варианты: лучше Риты никого нет. Себя на нее он недавно настроил: Рита ему нравится, он даже готов жениться; осталось сделать так, чтобы она его полюбила. Юра надеется на мою помощь, поскольку это реальная возможность проверить практическую эффективность моей теории о сознании: сможем ли мы, основываясь на ее постулатах, вызвать у Риты состояние влюбленности?! Нам нельзя забывать, что мы в первую очередь ученые, а потом - все остальное. Да и правильной будет, если Рита влюбится в члена КНМ, а не в какого-нибудь прекрасоликого обывателя.

Выслушав Юру, я заколебался: его речь была логична и аргументирована, и, кроме восстановления КНМ, обещала облечь плотью легковесность моей теории, - но какое-то смутное беспокойство удерживало меня от решения помогать Юре.

- Мне кажется, - медленно протянул я, - ты не учел здесь интересов Риты и то, что я, как ее друг, обязан их отстаивать.

- Интересы воспитываются и изменяются: вспомни Марксовы "Тезисы о Фейербахе", - перебил меня Юра. - Если я не учитываю теперешние интересы Риты, то только потому, что думаю о ее будущих интересах, которые мы в ней выработаем. Что касается дружбы, то - извини меня, Стасик, я долго к вам присматривался, - дружба у вас односторонняя: она с тобой дружит, а ты с ней - нет. Так что моральных обязательств ты перед ней не имеешь.

Возражать было нечего: Юра говорил правду; для приличия поупрямившись, я принял его предложение, предупредив: "Только чтоб с Ритой ничего плохого не случилось!" Юра согласно кивнул головой и, попросив держать договор в тайне, отправился на адекватные переговоры с Колей.

Позже я выпытал у Коли подробности их беседы: Юра был хмурым, взволнованным, рассказывал, что отчаянно и безответно влюбился. В любви он новичок, не знает, что делать, потому и пришел к Коле - соратнику по КНМ и своему товарищу. Пускай Коля простит прежние обиды: он, Юра, изменился, сам себя не узнает - любовь к Рите сводит его с ума: раньше он скрывал свои чувства, теперь не может. Учеба и наука уже брошены им в тартарары; туда же, вероятно, полетит вскоре и Юрина жизнь: последние дни над ним маячит призрак петли и веревки.

Колю, по его рассказу, изумило состояние Юры: впервые этот титан абстракций спустился на грешную землю, лепеча слова, над которыми раньше смеялся. Тронутый услышанной исповедью, Коля стал успокаивать Юру, говоря, что все наладится и нечего забивать голову глупостями типа самоубийства. В любви нельзя торопиться: если чувства Юры истинны, то Рита его полюбит; пусть только Юра помнит, что любовь для девушек - вершина их жизни и, падая с этой вершины, они иногда разбиваются. Кстати:

утром Галя Алексеева передала Коле свой разговор с Юрой: речь в нем шла о том, что Юра хочет влюбить в себя Риту и просит у Гали помощи; Галя ответила отказом. Почему "влюбить в себя?" Ему, Коле, это не нравится: расчет и любовь взаимоисключаемы, нужно выбирать одно, а не прыгать за журавлем и синицей

Юра насторожился при упоминании о Гале: действительно, он просил у нее помощи, но не в таком оформлении - Галя его не поняла; виноват он сам, напутал в терминологии. Сейчас ему многое приходится делать впервые - в том числе и говорить на языке лирики. Может быть, он что-то делает и говорит не так: поэтому он и ищет наставничества. Если Коля ему не верит, то беседу пора прекратить; он сожалеет об отнятом у Коли времени.

Коля всполошился, начал уверять Юру в полном доверии, обещать поддержку. Юра вяло отнекивался, говорил, что не хочет, чтобы Коля предпринимал что-нибудь наперекор сомнениям: вдруг он когда-нибудь раскается и упрекнет его, Юру, за сегодняшние свои обещания. Коля уверял, что такого не будет; на том они и расстались.

Я, учтя Колин характер, сам советовал Юре быть сентиментально-трагичным, - поэтому промолчал, узнав, что Юра изложил Коле свое отношение к Рите в иной, чем мне, форме. Правдивость - это палка о двух концах: один, потолще, пусть чаще бьет тебя по голове, вырывая из пут беспечности; другим, сообразно условиям, коли или гладь окружающих, смягчая твердь правды нежным пушком лжи

Наступление на Ритино сердце Юра вел основательно: днем, после лекций, он мчался на филологический факультет, пристраиваясь к Рите любезным и заботливым кавалером. Вечером, проводив Риту домой, садился за письменный стол, конспектируя "Темные аллеи" Бунина, сочинения Мопассана, поэтические сборники, трактаты о правилах поведения, книги Эмиля Кроткого и Козьмы Пруткова, подшивки журналов "Знание - сила", "Наука и жизнь", "Вопросы литературы".

- Главное - не повторяться! - объяснял он мне. - Каждый день Рита должна видеть меня новым, слышать что-то неизвестное и интересное. Я стараюсь приучить ее к себе, заслонить все и всех и заставить поверить, что именно во мне персонифицированы ее ожидания и требования к миру. Это, конечно, не сразу будет: она еще покрутится, к тебе, Стасик прибежит, в сомнения поиграет - но потом успокоится.

Юра оказался прав: в конце апреля Рита, зайдя в факультетский читальный зал, где я корпел над учебниками, позвала меня беседовать. Последний месяц, занятый дипломной работой, встречался я с Ритой лишь мельком. Удивившись ее осунувшемуся лицу, я нашел пустующую аудиторию, запер дверь изнутри стулом и объявил, что готов слушать. Заметно колеблясь, запинаясь, Рита начала говорить о том, что Юра, вероятно, сошел с ума: который день он кружит вокруг нее, и она не знает, что предпринять. Она всегда уважала его, считала самым умным из нас, хотя и не думала, что он может быть таким обаятельным. Но она чего-то боится, а чего - не понимает. Юра казался ей прежде очень рациональным, даже жестоким, своеобразной "мыслящей машиной", - и этот порыв чувств настолько внезапен и для него неуместен, что она сбита с толку. Коля ей клялся, что Юра искренен, что любовь изменила его, и если это так - а друзья не могут обманывать, правда?! - то у нее в руках судьба человека: какая это огромная тяжесть, не говоря уже об ответственности. Мама волнуется: почему дочь мучается, ночами не спит, думает, виной - курсовая работа, - тогда как Рита не может решить, как быть с Юрой

Мысленно поаплодировав Юре за пронизательность, я принялся успокаивать Риту: ее ошеломила неожиданность Юриной влюбленности, она и нас, каэнэмовцев, поразила, - хотя если разобраться, в том и суть неожиданности, чтобы ошеломлять: нужно просто привыкнуть к ситуации, и все станет на свои места. Что с того, что Юра рационалист: даже кибернетические машины, соответственно запрограммированные, сочиняют лирические стихи - и чем хуже их белковый организм по имени "Юра"?! Любви покорны все возрасты, национальности и типы личностей: во всех романах об этом пишут! В Юре, как и в любом человеке, масса явных и

скрытых свойств: раньше она знала одни из них, сейчас знакомится с другими, а какие свойства главнее - определять ей самой: человек измеряет других мерой собственной индивидуальности и подменить его в этом никто не сможет. Впрочем, если Рита желает, я скажу Юре, чтобы он от нее отцепился - хотя и не верю, что он последует данному совету.

- Нет, не нужно ничего говорить - задумчиво промолвила Рита, выслушав мою речь. - Я действительно должна решать все сама. - И, помолчав, добавила, странно посмотрев на меня: "А ты обычно умел понимать не только слова, Стасик! Что с тобой сегодня?"

Я потребовал объяснений, но Рита, покачав головой, стала прощаться, торопясь на занятия литературного кружка. Она ушла, а я остался, еще долго шагая по аудитории и пытаюсь понять, отчего так муторно и беспокоино у меня на душе.

Вечером я передал Юре содержание разговора с Ритой. "Да, ход ловкий: повесить мою судьбу на Ритину шею! - восхищенно воскликнул Юра, записывая мой рассказ в блокнот с надписью "Операция "Рита". - Молодец, Коля, не ждал от него такой прыти! Кстати, сегодня он посоветовал менять тактику: исключить из моего поведения рационализм, стать "разумно неразумным" и почаще взывать к Ритиному сочувствию. Рита - девочка романтическая, а у романтиков жалость - основа основ: за униженных и оскорбленных они последний рубль отдать го-товы!"

- Почему Коля преподносит тебе подобные советы? - удивился я. - Или он перестал быть Колей?!

- А он не ведает, что творит - усмехнулся Юра. - Он ведь тоже романтик, тоже мне сострадает. Я спрашиваю, Коля объясняет, я делаю выводы - вот и вся техника! Между прочим, меня интересуют Ритины любимые писатели и поэты.

Я продиктовал список: А. Грин, А. Экзюпери, К. Паустовский, М. Анчаров, С. Черный, М. Цветаева.

- Много еще работы! - вздохнул Юра. - Надеюсь, одежда этих флибустьеров окажется мне впору А почему ты мрачный, Стасик? События развиваются нормально, теория твоя подтверждается, в КНМ восстановлены мир и согласие - чем ты недоволен?

- Я боюсь за Риту, - хмуро признался я. - Что будет с ней, когда все кончится?

- Если эксперимент удастся, я на ней женюсь! - весело ответил Юра, беря в руки портфель с книгами. И, уже уходя, бросил, - А если ничего не получится - влюбим Риту в кого-нибудь другого, хотя бы в Гришу Красновского: он, мне кажется, к ней не равнодушен.

Гриша - высокий шатен с энергичным лицом и громкой дикцией - стоял в КНМ на отшибе: вначале - из-за слабых философских знаний, мешавших равенству его участия в нашей работе, а позже, когда личное упорство и помощь Юры превратили Гришу в "человека-энциклопедию", он сам отошел от проблем КНМ, погрузившись в обязанности члена комсомольского бюро факультета и со-трудничество с университетской кафедрой философии.

Самолюбивый, с цепким практическим умом, Гриша во многом подражал Юре (бывшим длительное время его научным наставником), - однако факт этот отрицал, подчеркивая при случае свою самостоятельность поддержкой "антиюровских" выступлений. В отличие от меня и Коли, симптомы казнэмовского распада Гриша воспринял спокойно, рассматривая КНМ пройденной вехой биографии - так оно, вероятно, и было, поскольку профессор Антонов явно симпатизировал Гришиным докладам на семинарах кафедры философии. Нацеленного в аспирантуру Юру это сердило: недоумеая, как можно предпочесть остроту его, Юриного, интеллекта эрудированному консерватизму Гришиных "опусов", Юра стал изливать раздражение на Гришу, сменив прежнее дружеское к нему отношение вежливым холодком равнодушия. Коля - после ссоры из-за Риты - Гришу недолюбливал, считая его карьеристом, - тогда как я, соглашаясь с Колиными доводами, оставался Гришиным приятелем, видя в нем сквозь оболочку дельца упрямого деревенского парня, стремящегося ранговыми успехами доказать родственникам, односельчанам и всем-всем свою башковитость, - и он ли, возвращенный копеечным бытом, виновен был в том, что из всех доказательств, из всех дорог и тропинок мира сумел заметить только ступеньки карьеры - путеводную звезду здравого понимания жизни.

О Юриной влюбленности Гриша узнал от меня - и поверил не сразу, заподозрив розыгрыш, - но, столкнувшись несколько раз с Ритой и Юрой на факультете - а они уже всюду ходили вместе, - помрачнел и, сидя во "дворце" над одной и той же страницей "Капитала", хмуро наблюдал по вечерам, как Юра, бодрый и веселый, конспектирует лирическую литературу. Пахло скандалом - деятельная натура Гриши не могла ограничиться молчанием, - и я не удивился, когда в один из вечеров Гриша, подойдя к Юре, изучавшему "Бегущую по волнам" А. Грина, отчетливо произнес: "Есть разговор, Юра. Ты вроде бы влюблен в Риту?..".

- А ты вроде бы этого не знаешь? - развернувшись к нему, перебил Юра. Мне показалось, что он встревожен.

- Знаю, - упрямо продолжал Гриша. - И мне это не нравится.

- Мне тоже: твое нахальство! - Юра явно свирепел. - То ты к Рите пристаешь, рассказывая, что я негодяй, теперь ко мне лезешь! Чего ты хочешь?

- Та-ак! - Гриша запнулся, будто наткнулся на стенку. - Тебе Рита все передала Не ожидал! Ну, ладно Разговор отменяется.

И, повернувшись, тяжелой, странно неуклюжей походкой побрел к выходу. Коля, напряженно следивший за ними, привстал, желая что-то сказать - но, встретив пристальный взгляд Юры, опустил голову, вздохнул и уткнулся в "Дхаммападу". Юра усмехнулся, незаметно подмигнул мне. Я отвернулся.

Ночевал Гриша, скорее всего, в общежитии. На следующий день после лекций я остановил его у дверей аудитории и начал уговаривать выбросить из головы роман Риты и Юры: в конце концов, это их личное дело!

- Личное дело: когда тебя бьют по одной щеке, а ты подставляешь другую! - обрушивая на меня жар несостоявшейся вчера ссоры, рассердился

Гриша. - А если в твоём присутствии человек пытается жить под чужим именем, то здесь не только общественная, но и государственно-уголовная история: таких судить нужно!

- Ты, наверное, тронулся! - пробормотал я. - Кого и что ты имеешь в виду?

- Юру, естественно! Я ведь понимаю, зачем он Грина и прочих читает: чтобы выступить перед Ритой в роли Грея, или капитана Блада, или еще какого-нибудь романтического героя - причем старается, чтобы Рита его, не подозревая фальсификации, за подлинник принимала.

- Ну и что? - изумился я. - Такова черта всех влюбленных - загляни в трактат «О любви» Стендаля! Каждый из влюбленных хочет выглядеть лучшим, чем есть - и иногда настолько привыкает к этой роли, что играет ее всю жизнь. Ты зря цепляешься к Юре!

- А если он устанет играть эту роль, что будет тогда? На лжи далеко не уедешь, а Юра - лгун: ты сам знаешь, что он - не романтик, и тем более - не герой.

- Ну да, герой - это, конечно, ты, - иронически улыбнулся я.

- Ну, Стасик! - Гриша сверкнул на меня глазами. - А мне казалось - ты Ритин друг!

И, нечленораздельно выругавшись, Гриша зашагал по коридору.

- Когда кажется - нужно креститься! - крикнул я ему вслед, обидевшись.

Около недели Гриша не показывался во "дворце", ночуя у знакомых, потом, успокоившись, пришел, и мы, сделав вид, что ничего не было, вновь зажили нашей, уже основательно недружной каэнэмовской семьей. Одни лишь Юра и Рита почти не разлучались: вместе обедали, в читальном зале сидели за одним сто-лом, - к этому все привыкли, а Юрины сокурсники даже осчастливили его шаржем в курсовой газете: процитировав "только влюбленный имеет право на звание человека" А. Блока, нарисовали вдохновенное лицо Юры в рамке из слов: "Чудо века: очеловечивание философа! Только у нас на курсе! Спешите видеть!.."

Несколько раз я разговаривал с Ритой; она была какой-то переменчивой: то подавленной, печальной, то веселой и жизнерадостной. На вопрос о Юре отвечала, что решила и решилась, и теперь ей легче: меньше альтернатив и раздумий, нет перекрестков, дорога одна: прямо, рядом с Юрой. У судьбы разный облик: иногда пугающий и не понятный, - нельзя бояться, надо пересилить себя и плыть за счастьем: пусть и по течению другой, мужской воли! Рита не представляет, как раньше жила без него. Он удивительный человек, и очень смелый: позавчера днем около обкома партии полез на клумбу рвать цветы и, нарвав, торжественно вручил Рите букет цветов, а подбежавшему милиционеру - десять рублей штрафа. Через год, после окончания университета Юра хочет уехать с Ритой в село, где есть лес и речка: Рита будет писать там стихи, а Юра - философские книги. Жаль, что Ритиной маме он не понравился - мама говорит: "Не похож на влюбленного". Она ошибается, конечно

Заканчивалась экзаменационная сессия - последняя для меня и потому, как все последнее, праздничная - и грустная. Наш курс разъехался: мы бродили по факультету, немножко ошалелые, задумчивые, раздавали свои адреса, чьи-то за писывали; девочки всхлипывали в платочек, а ребята пожимали без конца руки и хлопали друг друга по плечу, демонстрируя выдержку и бодрость улыбок. Даже профессор Антонов, виновник моей тройки по дипломной, заинтересовался при встрече, куда я еду и пожелал благ и здоровья.

Я уезжал в армию, в город Флорешты, и КНМ устроил мне "Вечер прощания". Во "дворце" накрыли стол, купили "шипучки", Галя и Алла приготовили жаркое, Рита принесла гитару - и вечер удался на славу! Опьяневшие Гриша и Коля, соревнуясь, выкрикивали тосты, Рита читала свои стихи, потом мы пели - что-то щемящее и печальное, бродили у моря, бросали монеты в волны, уверенные, что вернемся и через много-много лет вновь пройдем здесь: счастливые, молодые и дружные Рита шла, прижимаясь к Юре: он вел ее, обняв за талию, шептал о чем-то; чуть позади Галя, смеясь, подталкивала спотыкающегося Колю, - ей ехидно сочувствовал Гриша, сопровождая себя на гитаре Вскоре вся компания поднялась наверх, к остановке трамвая, а я остался, и, взяв Аллу за руку, повел ее на бетонный причал. Мы долго сидели там, на краешке между любовью и дружбой: я рассказывал о себе - искренне и слегка героично, декламировал стихи Рильке, Пастернака, Евтушенко, потом, решившись, стал читать свои - и ритм одного из них до сих пор кружит в моей памяти:

Уплыть бы на лодке
В открытое море.
Закрывшись от суши кормой.
Уплыть навсегда бы
От этого вздора,
Что вертит тобою и мной.
Чтоб волны плескались
И солнце светило,
И парус, наполнен, скрипел,-
И старую песню
О том, что не сбылось,
Я, вспомнив бы, снова запел:
О кладах зарытых,
О тайнах забытых,
О странах, где властвует свет.
О сказках, о были,
О людях, что гибли
За бога, которого нет,
Просторится море,
Полощется ветер,
Да вечер горит в синеве,-

И, жизнь разлюбивший,
Влюбился я б снова,
И лодку направил к земле.

Начавшиеся месяцы в армии тянулись тяжело и мучительно, пока в сентябре меня не командировали на учебные сборы офицеров-двухгодичников - и здесь, в Николаеве, вновь была Алла - учительница Алла Павловна Чуркина, напуганная первыми уроками и 8 – Б классом. Стояла осень: желтая, левитановская; она теребила листья, срывала их и гнала по улицам к Бугу. Вечером я убежал из казармы в город. Алла ждала у киоска, рядом с кинотеатром "Родина"; спрашивала, улыбаясь: "Куда прикажите маршировать, товарищ гвардии лейтенант?" Фонари, зажигаясь, высветливали ей лицо; она шла, опираясь на мою руку, загадочная и непонятно красивая; я волновался, всматривался тайком, о чем-то говорил - почти поверив тогда, что это уже надолго, если не навсегда.

На праздник седьмого ноября в Николаев прикатил Юра; я взял его в гости к Алле. Мы ужинали, пили портвейн, Юра беседовал с Аллиными родителями, смешил всех, а на следующий день сказал мне: "Дурак!" - и объяснил, почему. Я заколебался, взвешивая любовь и науку; Алла, что-то поняв, замкнулась, и лишь после моего отъезда, переписываясь, мы вновь стали друзьями. Один-два раза в месяц почта приносила письма: их ожидание составляло вторую половину тогдашней моей жизни - первую забирала служба, - но, распечатывая конверты, вчитываясь в торопливые строки, я, как ни искал, не находил в них ничего, кроме дружбы.

Из Одессы писал только Коля: о новостях на факультете, о Рите, Юре, о том, что Гриша, выйдя из КНМ, перебрался жить в общежитие, да и он, Коля, ночует теперь дома. Потом Коля смолк и в начале апреля я, не выдержав, отпросился на день в Одессу. Приехал вечером, очень поздно, и долго ждал трамвая. Открыв калитку взятым с собой ключом, медленно, стараясь не шуметь, обогнул безмолвный "дворец", подергал дверь, запертую изнутри. Представив, с каким видом Юра обнаружит утром меня в постели, знакомым путем - через форточку - отодвинул палкой задвижку, вошел на ощупь в первую из "дворцовых" комнат и включил свет. Во второй комнате закричала кровать ("Ай-яй-яй! Разбудил!" - пожалел я) и, отодвинув занавесь, в дверном проеме в одних трусах появился Юра: взлохмаченный, со страшно перекошенным лицом. "Ты?! - глухо выдохнул он. - Пошел вон отсюда!" "Что?! - я остолбенел. - Ты рехнулся, Юра? Сам пошел вон!" Я повернулся с намерением сесть на кровать - и внезапно почувствовал сильный удар в подбородок. Отлетев к стенке, я сполз вниз, однако сознание не потерял; когда Юра, нагнувшись, снова взмахнул кулаком, я успел подставить ладонь, сделав захват руки, и бросил его на пол. Все во мне перемешалось, я ничего не понимал; вскочив на ноги, изумленно крикнул: "Ты что, Юра?!" - как вдруг в углу комнаты увидел на стуле аккуратно сложенное платье и Ритину белую сумочку. В голове что-то дернулось, зашумело, как будто пружина сломалась. Юра, поднявшись, с налитыми

кровью глазами снова шел на меня. Хуком, спружинив на правую ногу, я ударил Юру в бок, а когда он скорчился, смазал его по щеке, и, подняв фуражку, выбежал из "дворца". Пешком, покачиваясь, как пьяный, добрал до вокзала, дождался утренней электрички и выехал во Флорешты.

Я заворочался в постели, отгоняя воспоминания, поднялся, вытащил из книжного шкафа "Таинственный остров" Жюль Верна, вернулся на диван. Почитал минут десять; почувствовав, что могу заснуть, положил книгу на стол и закрыл глаза.

Когда я проснулся, в комнате было темно. Включив свет, я быстро оделся, сложил постель и, сев на стул, принялся анализировать разговор с Юрой. Судя по всему, Юра идет линией, начатой в КНМ - и успешно идет! Компаньоны ему не нужны - да еще такие, как я: с двухгодичным стажем научного безделья. Так что остается выкачать из него побольше идей и мыслей и отправиться дальше.

Я криво усмехнулся: куда направиться? В Одессу? А потом? Где тот город, та "обетованная земля", куда я должен, подобно древним иудеям, брести через моря и пустыни?

Поднявшись, я зашагал по комнате. Еще в армии не давал мне покоя этот вопрос, а теперь, когда я, свободный и одинаково равнодушный к четырем сторонам горизонта, оказался на перепутье: мечта или карьера? - он стал насущной проблемой, срок решения которой приближал каждый растроченный из кошелька рубль. Работать в школе мне не хотелось: общеобразовательная система, регламентированная успеваемостью учащихся, превращала учителя в достаточно жалкое, задержанное комиссиями существо, чтобы я мог решиться погрузиться в педагогическую трясиину. Выбор других профессий зависел от случая, - в чем я, имея оставшиеся от отпускных денег 150 рублей, пока не нуждался. Подталкиваемый чудным огнем, зажженным казнэмовским прошлым, я сейчас разъезжал, отыскивая путь к науке и средство для данной цели: аспирантура? новый КНМ? каморка отшельника?.. Любое из этих средств требовало однонаправленного упорства, - тогда как я, запутавшийся в Зле и Добре, был чем-то цельным только в воображении окружающих, разве что Рита

Я остановился. Потом вновь зашагал, повторяя: "Мне нельзя о ней думать! Мне нельзя о ней думать!" Успокоившись, решительно открыл дверь и через темный коридорчик прошел на кухню.

Около широкого, накрытого клеенкой стола сидела Ольга Ильинична и чистила картошку.

- А, проснулись! - улыбнулась она.

- Проснулся, - приветливо согласился я и, взяв со стола нож, предложил:

- Не возражаете, если помогу?

- Пожалуйста! - Ольга Ильинична пододвинула мне стул.

Картошку чистил я споро - выучка многолетних скитаний по квартирам! Похвалив мою сноровку, Ольга Ильинична начала расспрашивать об армейской службе. Я отвечал бодро и мужественно - этакий бравый воин! -

стремясь заглушить в себе отзвуки так некстати свалившихся воспоминаний - и заодно вернуть то расположение, которое питала ко мне когда-то Ольга Ильинична. В период пребывания на сборах офицеров-двухгодичников я был ее частым гостем: мы беседовали о студенчестве, о Юре, обсуждали бытовые проблемы, пили чай с моим любимым клубничным вареньем. В молодости Ольга Ильинична работала в МВД; после рождения Юры стала домохозяйкой, благо зарплаты отца Юры, офицера медицинской службы, хватало с избытком. В доме Ольга Ильинична распоряжалась единовластно, с одинаковой точностью и без суеты расставляя по своим местам как кастрюли и банки, так и подчиненных ей членов семейства: Юра говорил мне однажды, что мать - единственный человек, внушающий ему страх и уважение.

Окончив чистить картошку, мы помыли ее, порезали ломтиками и уложили на сковородку.

- Сегодня ужинать позже будем, - пояснила Ольга Ильинична. - Николай Васильевич должен задержаться, у него комиссия из округа и Юра куда-то по делам отправился; он потом зайдет к отцу, так что они вместе придут.

- Как у Юры, все в порядке? - равнодушным тоном спросил я, переключаясь на сбор информации.

- А он вам ничего не рассказывал? - внимательно посмотрела на меня Ольга Ильинична. - Впрочем, он скрытный стал, не узнать! Были хлопоты, когда направления для него добивались в местную школу, а ему там не понравилось, в другую школу пришлось переводить.

Люди, прикованные к дому и хозяйству - даже самые скрытные люди! - охотно обсуждают наболевшее. Ольга Ильинична оживилась, подобрела, с разговора о Юре перешла на его отца, Николая Васильевича, которому, оказывается, второй год не присваивают полковника, - потом вновь заговорила о Юре.

На сковородке шипела и брызгалась картошка; причудливый свет электро-лампочки, пробиваясь сквозь матерчатый абажур, мягко очерчивал полненькую фигуру хлопотавшей у газовой плиты Ольги Ильиничны. Чем-то забытым, домашним повеяло на меня: подперев подбородок рукой и слушая Ольгу Ильиничну, я думал о том, что все в мире устроено правильно и на смену общепитовским столовым, обычным для "взрослой" жизни, должны иногда приходиться такие вот кухоньки, возвращающие почему-то ощущение детства.

- Скажите, а что с этой девочкой: Ритой ее звали, кажется? - внезапно спросила Ольга Ильинична.

Я ошеломленно посмотрел на нее. Ветерок, пролетев через распахнутое окно, слегка качнул абажур и в желтом витке света резко выделилось властное лицо пожилой женщины, хозяйки дома.

- Да, Ритой, - выдавил я. - Откуда вы о ней знаете?

- А Юра привозил ее прошлой весной. Худенькая такая, глаза голубые - и в брюках! Странная нынче мода: девушкам брюки носить! С запада это все - почему правительство наше позволяет?! Молодежь - она восприимчивая:

сегодня одежду переймет, завтра - идеи, а послезавтра - на улицу не выйдешь из-за бандитов и хипников.

Ольга Ильинична сердито покачала головой и, помешав ножом картошку, продолжала:

- Вы уж извините меня за откровенность, но Рита эта мне не понравилась: три дня была и ни разу пол не помыла! Борщ готовить не умеет, котлеты пережарила: только книги читала и к Юре целоваться лезла. Да еще нахальство имела сказать мне, что женой Юры себя считает. Оно и видно, что женой

Запнувшись, Ольга Ильинична остановилась, посмотрела в мою сторону:

- Вы не подумайте, что я ханжа. Конечно, я понимаю, для вашего возраста женщина - уже необходимость: физиология есть физиология! Но если ребенок будет? Не жениться же тогда, в самом деле?! Так я Юре в следующий его приезд и объяснила.

Ольга Ильинична выключила плиту, поставила сковородку на стол. Я сидел, привалившись к стене: в голове стучали слова Ольги Ильиничны:

- Юра, дурачок, возражать начал: он у нее первая любовь и девушка она интересная, стихи пишет. Ну и что? Для семьи хозяйка нужна, а не поэтесса: стихами борщ не заменишь! И одесская прописка: зачем она ему, если от аспирантуры решил отказаться? Как-никак, в Николаеве у нас и родственников много, и связи есть, да и дом собственный. На работу ходить ему недалеко, питание домашнее В общем, переубедила я Юру, хотя и не сразу.

- Вон как! - мысленно ахнул я и передо мной возникло Ритино лицо - каким оно было тогда, в мае, когда Риту, пытавшуюся отравиться, только

привезли из больницы: я стоял в ее комнате, мял фуражку, а Рита, будто не видя, смотрела мимо меня, настойчиво повторяя: "Представляешь, Стасик, в его расчеты, оказывается, вкралась ошибка, и он зря сориентировался на любовь - он это недавно выяснил. И он вычеркивает любовь из своей жизни - вместе со мной вычеркивает". Она перевела на меня взгляд, попыталась улыбнуться, произнося: "Я не знала, что есть люди, умеющие говорить такие слова" - и вдруг, словно схваченная судорогой, упала лицом на диван, захлебываясь безумным, рвущим мою душу на части, рыданием.

- За дом наш, по нынешним ценам, тысяч пятнадцать всегда дадут, - донесся откуда-то издали голос Ольги Ильиничны. - Так что Юра хорошее наследство имеет. И огород, хоть и маленький, но петрушка, лук, щавель - все свое, на рынок не ходишь Стас, вы такой скучный сидите! Извините, совсем я вас заболтала.

- Ничего, ничего, - очнувшись, пробормотал я. - Юры долго нет.

- Сейчас подойдет, - нарезав хлеб, Ольга Ильинична принялась за малосольные огурцы. - Раньше Юра все время дома сидел, писал свою работу, а последний месяц по знакомым ходит, отдыхает. Да, кстати, вы так и не сказали, где сейчас эта Рита: замуж, наверное, выскочила?

«Черт бы тебя побрал!» - с ненавистью подумал я:

- Не знаю, после университета я с ней контакт не поддерживал.

Не рассказывать же Ольге Ильиничне, что Рита за неделю до госэкзаменов уехала из Одессы в неизвестном направлении, а ее родители, когда я пришел просить Ритин адрес, выставили меня за дверь.

- Так, так, - проговорила Ольга Ильинична, явно недовольная сухостью моего ответа. - Не знаете, значит

Во дворе стукнула калитка, залаяла, повизгивая, собака. "Вот и мои мужчины!" - обрадовалась Ольга Ильинична.

Послышались голоса, шелканье рукомойника на веранде, плеск воды. Дверь распахнулась, и в кухню вошли Юра и Николай Васильевич.

- Добрый вечер, Станислав! - устремляясь к столу, бросил мне Николай Васильевич. - Ну что, мать, будем ужинать?

Ольга Ильинична уже раскладывала по тарелкам картошку. Юра принес из комнаты два стула, мы расселись и принялись за еду. Николай Васильевич выглядел озабоченным: судя по разговору, завязавшемуся между ним и Ольгой Ильиничной, комиссия из округа доставляла его санчасти немалые хлопоты. Я слушал рассеянно, занятый едой и Юрой, который после рассказа Ольги Ильиничны приобрел в моих глазах гротескную окраску: оказывается, в его мифистофелевском облике разместился гребущий удобства собственник, - и, разглядывая Юрин профиль, я злился, что обнаружил это так поздно.

Юра был весел и оживлен: усердно пережевывая картошку, он следил за беседой родителей, вмешивался в нее, давал советы, как легче обмануть членов комиссии, хохотал, представляя их одуроченные физиономии. "Ишь, разыгрался!" - невольно позавидовал я. В КНМ правилом хорошего тона

считалась серьезная деловитость, и я почти впервые видел Юру таким ребячески непосредственным.

После ужина моей особой заинтересовался Николай Васильевич, начав задавать обычные для подобных ситуаций вопросы: как живешь? что собираешься делать? и прочие разности. Я отвечал с молодцеватой готовностью, изображая, что верю в его доброжелательность и очень ею польщен. Минут через десять, исполнив обряд вежливости, Николай Васильевич поспешил к телевизору, а я, поблагодарив Ольгу Ильиничну, вышел во двор, к Юре.

Было уже поздно: на небе начали зажигаться звезды; пахло травой и цветами. Из окон дома падал свет, расчерчивая темноту двора белыми полосами. В будке, почуяв меня, заворчала собака; я подошел к устроившемуся на скамейке Юре и сел рядом.

Мы молчали. Почти физически ощущалось, как между мной и Юрой разверзается пропасть: оставалось удивляться, что я, бродивший слепцом по краю, до сих пор в нее не свалился. "Я еще думал, - усмехнулся я, - что у меня с Юрой возможно общее будущее, тогда как, оказывается, у нас и прошлое разным было. Приехал искать врача - в отравителе!".

Юра встал, подошел к окну, крикнул в форточку: "Мама, я Шарика прогуляю", и, нагнувшись к заволновавшейся собаке, снял с ошейника цепь. Схватив лежавшую вблизи палку, я изготовился к защите брюк, но Шарик, не обращая на меня внимания, радостной трусцой забежал по двору.

- Не бойся, - рассмеялся Юра, заметив мое движение. - Собаки по натуре собственники, кусают только на своей территории, около будки: если их, конечно, к другому не приучили. Хочешь пройтись?

- Да! - поспешно воскликнул я и тут же осекся, с удивлением отмечая и свою поспешность, и вспыхнувшее во мне чувство удовлетворенного облегчения. Мы вышли на улицу.

- Пойдем переулками к Бугу, потом обратно, - обернувшись, проговорил Юра. - Это мой обычный маршрут.

- Ладно, - согласился я, терзаясь самоанализом. Неужели только привычка виновна в том, что меня, наперекор доводам разума, так тянет к Юре?!

Прохожих было мало. Шарик то и дело забежал вперед, обнюхивая столбы и деревья: его переполняло, судя по повизгиванию, обилие впечатлений.

- Собак нельзя долго держать на цепи: они или дичают, или сходят с ума, - Юра высказал это возбужденно и весело.

- Точь-в-точь как люди, живущие на одном месте - дополнил я, поддаваясь его настроению.

Мы шли рядом: наши шаги гулко отдавались в пустоте переулков. Ночной воздух бодрил и освежал, унося досадные мысли. "Зачем забивать голову тем, что прошло?" - подумалось мне. Далеко в небе серебристым огнем рухнул метеорит. "Быть счастливым!" - успел загадать я и улыбнулся.

- Я не знал, Юра, что ты любишь собак.

- Я никого не люблю, кроме себя, - в тоне Юры слышалось насмешливое превосходство. - Но поскольку "я" - это не только мое тело, но и множество предметов, позволяющий существовать моему телу и сознанию, то я обязан заботиться об этом одушевленном и неодушевленном множестве.

- Разумный эгоизм из "Что делать" Чернышевского, - перебил я.

- Не совсем. Ригоризм Чернышевского основывался на морали, тогда как я в фундамент всего кладу отношения собственности. Я полностью согласен с Гегелем, что лишь посредством собственности человек утверждает свое лицо, становится разумным. Поэтому любой человек является собственником, хочет он этого или нет.

Юра воодушевлялся, говорил все громче и самозабвенней Я помнил подобные его состояния по КНМ, когда, молчавший в течение недель, он начинал вдруг выплескивать накопившиеся идеи. С моими планами это вполне совпадало, и я слушал его напряженно и внимательно.

- Собственность нужно контролировать, - ораторствовал Юра, - иначе она потеряет свой предметный смысл или перейдет в чужое владение. Среди животных такой контроль осуществляется через борьбу, в обществе - посредством государственных институтов. Каждый век создает свои правила контроля и жизни, и им подчиняются все, кроме игроков - людей, делающих ставку только на себя.

- Суперменов? - попробовал догадаться я.

- Нет! - Юра досадливо отмахнулся. - Супермены преступают за грань одних законов, чтобы лучше реализовать другие; выходя из общества, они вновь в него возвращаются: победителями или трупами. Игроки - редкость, единицы, они живут для себя и своей свободы - это их самоцель. Смерть для них столь же безразлична, как и жизнь. Пример такого игрока в истории - Леонардо да Винчи: ни одно его произведение не осталось доконченным, ни один свой замысел он не реализовал. Леонардо творил для себя, а не для общества: можно только догадываться о могуществе его гения по тем крохам, которые остались и были подобраны людьми.

Юра то ускорял шаги, будто поспешая за ускользающей мыслью, то почти останавливался, стремясь точнее сформулировать фразу. Я следовал сбоку, вслушивался в его слова и невольно вспоминал, как когда-то бродил с Юрой в такие же вечера по одесским улицам. Казалось, прошлое возвратилось: светил фонарями вечер и рядом, делясь идеями, вновь шел лидер КНМ, мой старший товарищ.

- Игроки живут в обществе, но им нельзя вмешиваться в его бытие: они губят себя и приносят зло обывателям. Все великие революции истории, организованные игроками, оканчивались крахом: победоносные результаты, разваливаясь, придавливали своих творцов. Поэтому игрок замкнут на себя, его собственность не попадает в другие руки, разве что случайно: вроде рассказов Кафки. Недавно я сжег ранее написанные мною работы: они теперь здесь, в мозгу, и умрут с ним вместе. Я работаю и живу для себя - это основа моих принципов. После армии куплю дом недалеко от Москвы, буду жить,

пока не сдохну - то, что не захочу сжечь, достанется людям: пусть, как собаки, подерутся над моей могилой.

Юра захохотал: зло и язвительно, заранее наслаждаясь видом грядущей драки за обладание его рукописями. Я содрогнулся.

- А для чего тогда ты создавал КНМ?

- КНМ - ошибка, я уже говорил, хотя, может быть, именно эта ошибка вывела меня на правильную дорогу. КНМ строился на отрицании собственности и коллективизме мышления; он ориентировался на благо общества. В то время я не был игроком и мыслил шаблонно, навязанными извне штампами. Теперь я плюю на КНМ и себя прежнего: я подчиняюсь отныне только правилам игрока, одно из которых гласит: умей контролировать свою собственность. Легче всего поддаются контролю образы и знаки, с материальными предметами сложнее. Если нет опоры на юридические законы, труднее всего контролировать людей: тратишь, тратишь на них силы, а потом устанешь или какая-нибудь случайность и они уже бесконтрольны, нужно начинать сначала. Вот в КНМ: какую собачку я из Гриши вылепил! Бегала эта собачка за мной, бегала - а потом меня же и укусила. Или Рита: был уверен, что приручил ее, все постороннее из головы вытеснил, она только мной и жила: как вдруг приоткрылся однажды и чувствую, что в ней появилось такое, чего я согнуть не могу - пришлось бросить. Сейчас живу без экспериментов, хватит!

Окончание улочки упиралось в Южный Буг: Шарик первым соскочил вниз и жадно залакал воду. Вслед за Шариком осторожно спустились с невысокого, но крутого берега я и Юра. Мысли мои кружились осенними листьями: опыт армии, память прошлых предательств сплеталась с преклонением перед явным талантом Юры. Обезоруженный его красноречием, я еще попытался противиться, взволнованно произнося:

- Юра, твой эгоизм ужасен: ты отвергаешь гуманистическую культуру, о которой сам раньше говорил, что она, наряду с точным знанием, величайшее достижение цивилизации. Нельзя опираться лишь на себя, смертного и подчиненного случаю: иначе окажется, что тобой управляет прихоть плюс бессознательное. Это поход в безнадежность, Юра! Несомненно, что человечество прогрессирует, и только тот, кто посвятил себя борьбе за прогресс, борьбе за благо общества, может сделать свою жизнь полезной и целеустремленной, превратит личную субъективность в общественную необходимость.

Юра выслушал меня с презрительной досадой человека, прерванного нелепым замечанием.

- Ты оперируешь ложными категориями, - голос Юры отчетливо разносился над темными, покрытыми мелкой рябью водами Южного Буга. - Что такое прогресс и регресс? Это пустые абстракции, наполняемые смыслом в соответствии с точкой отсчета и миропроецированием субъекта-наполнителя, - а оно разным бывает. Захочу: буду измерять прогресс количеством станков, выпускаемых за год, или количеством врагов, уничтоженных за день. Не понравится! - вычерчу прогресс на статистике

разводов или качестве обуви, или по числу лиц, попадающих и непопадающих в вытрезвитель. А регресс - это все, что тебя не устраивает. Вот и вся схема - нашел, чем меня убеждать! Человек существует во времени, а не в "прогнесе-регресе", и его существование конечно. Исследования последних месяцев полностью убедили меня, что цивилизация, основанная на субстрате человека, оканчивается тупиком - и я не уверен, найдут ли люди из этого тупика выход. Опасность заключена не в атомной бомбе, а в более серьезном: в противоречии между способом человеческой деятельности и дискретностью времени.

Юра замолчал, словно спохватился, что сказал лишнее. Позвав Шарика, он начал по глинистому уступу взбираться наверх. Бросив торопливый взгляд на реку и пожалев, что так и не успел ею полюбоваться, я последовал за ним. Юра неторопливо шагал, думая о чем-то, потом вновь заговорил:

- Что касается "общественного блага", то это еще похуже "прогресса" и "регресса": те хоть на какую-то научность иногда претендуют, тогда как "благо" - приманка для простачков, воздействие на эмоции. Поверят они в данное благо - и уже на крючке! - что желаешь, то с ними и делай, куда хочешь, туда и веди. Такие простачки, когда они в герои лезут, даже исторически опасны, особенно если начинают в других стрелять и себя не жалеть.

Явная насмешка Юры над тактикой народовольцев, к которым я всегда питал уважение, меня покорила:

- Ты не прав! Все-таки

- Все-таки она вертится! - перебил меня Юра. - Я ни в чем тебя не убеждаю, думай, как хочешь: суум квиве ! И хватит об этом!

И он стал рассказывать, как в Одессе на пятом курсе университета ходил в медицинский институт на лекции по физиологии мозга. Читались лекции местной знаменитостью и попасть на них оказалось нелегко, но Юра, стянув у кого-то белый халат и белую шапочку, выдал себя за медика - и настолько успешно, что через месяц его считали "своим" и даже здоровались, особенно после того, когда на одной из лекций он единственный правильно ответил на вопрос профессора. Посещал он лекции почти полгода и наконец-то уяснил, что физиологией человека управляют нервная система и гормоны, и что человеческая деятельность - не сплошной поток действий, а импульсное чередование активности и торможения.

Многого в его рассказе я не понял, но слушал внимательно, решив запомнить и позже проанализировать. В армии я пытался сохранить философское мышление: что-то читал, о чем-то писал - но это было такой ненужностью в буднях командира мотострелкового взвода, что книги по философии по окончанию службы превратились для меня в магические фолианты, наполненные загадочными письменами. Вместе со знаниями незаметно потерялся и оформленный философскими категориями (наследие КНМ) смысл жизни; поэтому, демобилизовавшись, я занялся личностным восстановлением, чтобы продолжить затем того себя, который когда-то уходил в армию. Так началась моя поездка в прошлое: к тем людям, которые

создавали его сплетением моей и своих судеб - и, вдумываясь в Юрины идеи, я, забыв недавнюю неприязнь, был рад, что первым на моем пути оказался он, Юра, наполняющий меня сейчас бодростью и уверенностью каэнэмовского периода. Мне хотелось немедленно читать, работать; с восторгом улавливал я названия упоминаемых Юрой книг, схватывал памятью те цели, на которые необходимо себя ориентировать. Черт с ним, Юрой: пусть живет игроком, монахом или еще кем-нибудь - я тоже не пропаду, я знаю, что делать в будущих днях!

Обратно шли не торопясь: забрели в парк, посидели на скамейке. Юра рассказывал о политической ситуации, о новостях науки, ругал мораль, объяснял физиологическую подкладку любви, - вероятно, невзирая на провозглашенные принципы игрока, он соскучился по собеседнику, по внимающей и преклоняющейся аудитории - а я вполне подходил ему в этом качестве.

Когда мы добрались до Юриного дома, все спали. Юра посадил на цепь Шарика, проводил меня в комнату и откланялся. Постельные принадлежности лежали на диване; записав в дневник сегодняшние впечатления, я разложил постель, разделся, забрался под одеяло и быстро уснул.

Разбудил меня лай Шарика. Несколько секунд, еще не вполне проснувшись, я соображал, где нахожусь, - вспомнив, вяло оделся, сложил постель и вышел во двор. Утро было хмурое, осеннее; тучи, беспросветные и однообразные, придавливали небо к земле. Около веранды в майке и трусах прыгал Юра; Шарик аккомпанировал ему сердитым лаем. Поздоровавшись, я помахал руками, имитируя гимнастику и, прогнав сонливость, отправился к умывальнику.

Завтракали на кухне. Николай Васильевич нервничал, ел быстро и, почти на ходу выпив молоко, поспешил на службу. Подождав, пока он уйдет - мне не хотелось составлять ему компанию даже до троллейбусной остановки, - начал прощаться и я.

- Не забывайте, заезжайте, - пригласила Ольга Ильинична.

- Обязательно! - пообещал я, уверенный, что нахожусь здесь в последний раз.

Мое вчерашнее бодрое настроение исчезло: я чувствовал себя чужим человеком в чужом доме; все во мне торопилось уйти.

Юра проводил меня до калитки.

- Ну что ж, всего хорошего! - сказал я и, слегка заколебавшись, протянул ему руку. Он молча пожал ее, кивнул головой. Звякнув, калитка захлопнулась.

Я шел медленно; мне было грустно. С семнадцати лет, когда я уехал из дома в Одессу - думая, что надолго, а получилось навсегда, - судьба несла меня от человека к человеку, нигде не останавливая и никем не задерживая. В юности я искал дружбу, но друзья оказывались людьми, соединенными со мной учебой, работой или развлечениями: с исчезновением этих звеньев оканчивалась и дружба. Любимые девушки любили только свою любовь и

жертвы, которые я приносил их самолюбию и капризу; случайность, нелепая размолвка легко превращали любовь в ненависть - в этой метаморфозе была настойчивая закономерность, заставлявшая страдать меня, впрочем, лишь на первых порах; позже я стал находить ее даже забавной. Постепенно - изо дня в день, из года в год - я научился терять: это не самая легкая из наук! - и привык к одиночеству, как к своей второй тени.

Каэнэмовский период был для меня Ренессансом: он перепахал мою жизнь, сориентировав ее на служение науке и дав средство для этой цели: блестящую интеллектуальную подготовку. Он разбудил во мне юношеские мечты, заставив поверить в счастье коллективного творчества и незыблемость опоры на моих каэнэмовских соратников. И вот сейчас я уходил из дома одного из них, зная, что ухожу навсегда, а до этого подгнившим деревом рухнула дружба с Гришей; только Коля оставался прежним - в письмах и при моих наездах в Одессу, - но, возможно, его удерживало от разрыва то же, что и меня: память о каэнэмовском времени.

Приехав на вокзал, я позвонил Алле. Видеть ее мне не хотелось: я устал от Николаева и от этого возвращения в прошлое, - если Алла дома, скажу, что здесь проездом и тороплюсь в Одессу, поболтаю немного, если ее нет, то тем лучше: скорчу в ближайшем письме скорбную мину и поплачусь на неудачливость: был и не застал!

Трубку взяли после первого гудка, и мне в ухо отчетливо прозвенел Аллин голос: "Алло! Слушаю!"

- Алла! - почему-то заволновался я. - Это Стасик говорит. Узнаешь?

- Стасик? Ты здесь, в Николаеве?! Немедленно приезжай ко мне! - в голосе Аллы звучала радость.

Осуществляя намеченный план, я начал отнекиваться. Выслушав мои путаные объяснения, Алла тихо сказала:

- Стасик, завтра у меня день рождения. Может быть, все-таки останешься?

- Хорошо, - растерялся я. Как это я забыл про ее день рождения?!

Уточнив, каким троллейбусом быстрее добираться, я повесил трубку. Потом взял сумку и побрел обратно к троллейбусной остановке, раздумывая, не сваял ли я дурака, поддавшись Аллиным уговорам. Сейчас вновь начнутся сложности, разговоры, а я этим был уже сыт по горло. Мир велик: где-то есть люди, ждущие знакомства со мной, стремящимся за чем-то продолжить те предложения, после которых время и события поставили нестираемые точки. Прошлое не вернешь, оно не повторяется, и не зря писал Гераклит, что в одну воду дважды не входят. Слишком много напридумывал я, готовя поездку в Николаев и собираясь, подобно глупому библейскому хозяину, найти рожь там, где были посеяны камни.

На остановке толпился народ; первый троллейбус я пропустил, но следующий оказался тоже заполнен и мне пришлось, преодолевая сопротивление конкурентов и собственную воспитанность, ринуться в борьбу за сомнительное счастье проехать "селедкой в бочке". Выиграв схватку - помогло отсутствие багажа и спортивная подготовка! - я

протолкался в угол, вцепился рукой в поручень. Дверцы захлопнулись, троллейбус качнулся и поехал, каждым оборотом колес приближая меня к встрече с Аллой

Я помню вечер, когда первый раз познакомился с Чуркиной. "Первый", потому что было и второе знакомство, но о нем позже, а сейчас на календаре заканчивается декабрь, я и Красновский Гриша сидим за столиком студенческой столовой, вокруг серпантин, вата на нитках через весь зал, гремит музыка, дергаются в шейке пары, пугая прижавшуюся к углу елочку, нетанцующие пьют лимонад (шампанское уже выпито) и остроумничают. Я и Гриша - одинокие и покинутые: от нас только что сбежали дамы, не выдержав расспросов о смысле жизни и затеянной мной литературно-исторической викторины; мы скорбим и горько рассуждаем о том, что новогодний вечер, устроенный совместными силами третьих курсов (Гриша - второкурсник, я привел его сюда "для компании") филологического и исторического факультетов, явно не удался и десять рублей, брошенных нами в "общий котел", пропали без пользы.

Музыка смолкает, и Витя Демин, мой курсовой комсорг и главный ведущий вечера, объявляет аттракцион: коллектив каждого столика должен предоставить на суд жюри номер художественной самодеятельности. Победитель получит награду: плюшевого медвежонка - Витя показал приз зашумевшему залу.

- Что будем делать? - повернулся я к Грише. "Подсядем к кому-нибудь" - предложил Гриша. Захватив лимонад и стулья, мы перебрались к соседнему столику, где две филфаковки и двое ребят с моего курса готовились петь "Ладу". Секстет оказался удачным: пели мы старательно и после аплодисментов стали даже рассчитывать на приз, тем более что последующие выступления были отнюдь не лучше нашего. Витя Демин в окружении жюри медленно передвигался от столика к столику; вскоре он остановился возле сидевших неподалеку от нас двух девушек, оставшихся почему-то без кавалеров: девушки отказывались от выступления, а Витя, сияя радушием и улыбкой, уговаривал их не нарушать правил коллективной игры. Наконец одна из девушек встала и подошла к эстраде. Взяв в руки микрофон, она объявила: "Иосиф Бродский. Рождественский романс".

Плывет в тоске необъяснимой
Среди кирпичного надсада
Ночной кораблик негасимый
Из Александровского сада,
Ночной фонарик нелюдимый,
На розу желтую похожий,
Над головой своих любимых
У ног прохожих.

Плывет в тоске необъяснимой
Пчелиный хор сомнамбул, пьяниц,

В ночной столице фотоснимок
Печалью сделал иностранец,
И выезжает на Ордынку
Такси с больными седоками,
И мертвецы стоят в обнимку
С особняками.

Плывет в тоске необъяснимой
Певец печальный по столице,
Стоит у лавки керосинной
Печальный дворник круглолицый,
Спешит по улице невзрачной
Любовник старый и красивый,
Полночный поезд новобрачный
Плывет в тоске необъяснимой

читала девушка. В зале постепенно установилась тишина, и голос девушки звенел над недоуменно застывшими лицами, пытавшимися понять, что происходит и почему так тоскливы стихи, декламируемые этой чтицей. Жюри растерянно переглядывалось; около двери кто-то хихикнул и запнулся. Тень легла на освещенное электролампочками и взбодренное шампанским праздничное настроение присутствующих: так бывает, когда в разгул свадьбы до слуха пирующих вдруг доносится издалека мелодия траурного марша.

Плывет во мгле замоскворецкой,
Плывет в несчастье случайный,
Блуждает выговор еврейский
На желтой лестнице печальной,
И от любви до невеселья
Под Новый год, под воскресенье,
Плывет красotka записная,
Своей тоской не объясняя.

Плывет в глазах холодный вечер,
Дрожат снежинки на вагоне,
Морозный ветер, бледный ветер
Обтянет красные ладони,
И льется мед огней вечерних,
И пахнет сладкою халвою,
Ночной пирог несет Сочельник
Над головою.

Твой Новый год по темно-синей
Волне среди моря городского
Плывет в тоске необъяснимой,

Как будто жизнь начнется снова,
Как будто будет свет и слава,
Удачный день и вдоволь хлеба,
Как будто жизнь качнется вправо,
Качнувшись влево.

Девушка отдала микрофон остолбенело стоявшему около нее Вите Демину и пошла к своему столу. Все сидели неподвижно; было слышно, как постукивают о пол каблуки ее туфель, - и тогда я начал аплодировать. Меня поддержали несколько человек; остальные переговаривались, пожимали плечами. Витя Демин заторопился к следующему столу, потом передумал, объявил по микрофону, что приз присуждается танцевальной паре со столика № 5, вручил им медвежонка и подал знак оркестру. Грянул веселый и разухабистый ритм шейка.

- Кто это? - взволнованно спросил я у соседок-филфаковок.

- Алла Чуркина с нашего курса, - ответила одна из них, насмешливо посмотрев на меня. И, обращаясь к своей подруге, добавила. - Интересно, что это на нее нашло? Никогда раньше за ней такого не замечала.

- Чего "такого"? - с вызовом спросил я, задетый ее взглядом, но, почувствовав Гришин толчок в бок, презрительно махнул рукой:

- А, ладно Спасибо за компанию! Нам пора к своему столу!

Стихотворение поразило меня, и не столько музыкальностью и образностью содержания, сколько созвучием моему мироощущению: поэт Иосиф Бродский, о котором я слышал впервые, сумел словами высказать то, что смутно беспокоило меня последний год. Открывавшееся мне противоречие пропаганды и действительности создавало дилемму: служить или прислуживаться, и я не мог решить, какое из направлений выбрать. Честность и книжные идеалы толкали к служению "делу, а не лицам", но это уводило вниз по лестнице карьеры и было обидно заранее знать, что будущее ограничится учительством в захудалой деревушке, - поэтому я все чаще задумывался о втором направлении, и такая двойственность, метания рождали ту тоску, которая так ясно прозвучала в "Рождественском романсе".

- Сейчас пойдем знакомиться с Чуркиной, - сказал я Грише, когда мы уселись за стол.

- Зачем? - удивился он.

- Надо, - коротко ответил я, не желая объяснять, что представление о Чуркиной слилось во мне со смыслом прочитанного ею стихотворения, и я хотел ближе узнать девушку, чьи мысли и чувства, по всей вероятности, во многом совпадали с моими.

Чуркина разговаривала с подругой, когда мы подошли к ее столику.

- Разрешите пригласить вас на танец? - склонился я в полупоклоне.

- Извините, мы уходим, - ответила она, равнодушно окинув нас взглядом.

Я растерялся, но тут же предложил:

- Мы вас проводим, если не возражаете.

- Пожалуйста, - приподнимаясь со стула, вежливо сказала Чуркина, и вместе с подругой, которую она называла Людой, направилась в гардероб.

Вечер был морозный, под ногами поскрипывал снег; ветви деревьев, освещенные фонарями, напоминали сталагмитовые сосульки. Девушки шли молча; я попробовал разговорить их, но неудачно. Гриша тоже молчал, явно сердитый, что я вытащил его провожать этих двух надутых гусынь.

Дойдя до здания исторического факультета, мы повернули направо, потом мимо Пассажа направились вниз по Дерибасовской. Улица была полна народом: по оживленному настроению гуляющих, отрывкам разговоров, смеху чувствовалось приближение праздника.

- Нам сюда, - проговорила Люда, сворачивая в переулок, ведущий на площадь Мартыновского. - Мы в четвертом общежитии живем, на Довженко. А вы?

- Тоже в общежитии, на Островидова, - буркнул Гриша. Узнав, что предстоит ехать на другой конец города, а затем возвращаться, он стал еще мрачнее.

На остановке толпилось человек пятнадцать; троллейбус, судя по всему, ожидался с минуты на минуту. От холода мерзли пальцы ног; мы стояли, переминаясь и подпрыгивая; особенно плохо приходилось обутому в туфли Грише.

- Скажите, - обратился я к Чуркиной, - для чего прочитали вы "Рождественский романс": из любви к стихотворению или чтобы эпатировать публику?

Чуркина внимательно посмотрела на меня, медленно произнесла:

- Вызов обществу бросают неудачники и сверхчеловеки, я к ним не принадлежу и если получилось эпатирование публики, то по ее же вине. Я не навязывалась, меня просили рассказать стихотворение, я выбрала мне нравящееся. Когда передаешь что-то другим, нужно передавать лучшее, что имеешь, то, что считаешь лучшим - иначе какой смысл в общении?! Удивляюсь, почему многие, и Люда тоже, остались недовольны. Можно по-разному Новый год принимать - с улыбкой или, как Бродский, с отчаянием, - что здесь странного? Не могут же все думать одинаково - даже в праздники!

- Да, конечно, - подтвердил я, растерявшись. Открытость души - один из признаков глупости, но Алла не производила впечатление глупышки, поэтому ее искренность показалась мне неестественной.

- Почему вы так откровенно со мной говорите, вы ведь меня не знаете? - не выдержав искушения, спросил я. Фраза получилась дурацкой: я понял это, услышав, как прыснула Люда, тут же отвернувшись в сторону. Чуркина явно смутилась.

- Я просто говорю, без разделения на откровенность и неоткровенность, - резко сказала она. - И я не вам, а вашему вопросу отвечала - а его любой мог задать, знакомый или незнакомый - причем здесь вы?!

- Извините, - пробормотал я. Мы замолчали.

- Троллейбус, - подал голос Гриша. Вокруг все засуетились, уплотняясь по краю тротуара.

- Что ж, - сказала мне Чуркина и протянула руку. - Прощайте. И спасибо за провозжание.

- Как?! - удивился я, машинально пожимая ее обтянутую перчаткой ладонь. - А дальше провожать?

- Нет, нет, не надо.

- Почему? - вмешался Гриша, в котором вдруг пробудились рыцарские чувства.

- Почему? Во-первых, потому что в троллейбусе ничего с нами не случится, а до общежития идти недалеко, во-вторых, вы замерзли, в-третьих, вы рабы вежливости и это чувствуется, в-четвертых, мы вас просим нас не провожать. Всего хорошего!

Присоединившись к очереди, девушки вошли в троллейбус. Дверцы захлопнулись и "пятерка", набирая скорость, помчалась по кругу на трассу.

Через двадцать минут я и Гриша были уже в общежитии. Разогрев чай, мы сидели в своей комнате (остальные сожители отсутствовали), обсуждали сегодняшний вечер, гадали о предстоящей сессии. Про Чуркину не упоминали: Гриша, вероятно, не обратил на нее внимания, а я старался забыть смутившее меня знакомство с малопонятной девушкой. Память - это книга, которую мы пишем всю жизнь, и не стоит наполнять ее мелочами: тем, что мелькнет и исчезнет, никогда более не повторяясь.

Впрочем, через полтора года встреча с Чуркиной повторилась: обстоятельства, ей предшествовавшие, получили в КНМ название "Дело Риты". Началось все с того, что однажды вечером, в середине октября, Рита, придя в "дворец", сказала, что ее, вероятно, исключат из университета. Мы

всполошились; Юра, сосредоточенно изучавший формулы математического анализа, оставил свое занятие и, обратившись к Рите, строго потребовал: "Информируй конкретно и по существу: что, где, когда?"

Рита принялась рассказывать: вчера на семинаре по советской литературе она вступила в спор с преподавательницей Трофимовой, женщиной тупой и невежественной. Трофимова, произнеся панегирик советской литературе 30-х годов, определила ее как новую, более высокую ступень по сравнению с дооктябрьским периодом, во время которого проза и поэзия находились в упадке и разложении, и потребовала, чтобы кто-нибудь из студенток, хотя бы Кленова, доказала это на фактах. Рита начала доказывать, с отвращением вслушиваясь в свои слова, потом не выдержала и заявила, что не согласна, будто проза и поэзия до 1917 года - упадок русской литературы, наоборот, это ее взлет, после которого начинается деградация. И вообще нельзя говорить о развитии литературы словно о постройке высотного здания: один этаж, на нем другой и так все выше и выше. Развитие - не вертикаль, а скачки вверх или вниз и логической связи между ними нет, они друг друга не детерминируют. Услышав такое, Трофимова взбеленилась, стала кричать, что Кленова не соображает, о чем говорит: подобные бредни к хорошему не приведут и можно даже с таким образом мышления докатиться до отрицания классовости, партийности и прочих основ советского литературоведения.

Риту разозлили крики Трофимовой и, приняв надменный вид, она объявила, что докатилась и до этого, поскольку "классовость", по ее мнению - термин политики, а не литературы, и измерять им ценность художественного произведения - все равно что взвешивать груз сантиметрами. Партийность обязательна же только для партийной печати, это из этимологии слова вытекает, и очень странно, когда данный принцип распространяется на все общественное сознание, словно партия и общество - одно и то же.

Трофимовой едва не сделалось дурно; с ужасом глядя на Риту, она растерянно повторяла: "И это советские студенты! Мы за вас кровь проливали, войну перенесли!.. Может быть вы и Солженицына поддерживаете, да?!" Рита чувствовала что ее "занесло", но остановиться не могла и продолжала говорить, что о Солженицыне спорить не станет, поскольку его не читала, но и верить всему написанному о нем не собирается - хотя бы потому, что пять лет назад о нем писали совершенно другое. "А кровь вы не за нас, а за себя проливали, и стыдно этим хвастать: следующая война, если будет, нашу кровь заберет. И непонятно, почему вы только о войне вспоминаете, а не о "культе личности", например, когда тысячами расстреливали и в лагеря угоняли под ваши аплодисменты?!"

Тут Рита замолчала, внезапно опомнившись. В аудитории было тихо-тихо: Рите стало жутко. Трофимова, нависая над кафедрой, злобно выкрикнула: "Подите вон! Я вас на свои семинары не допускаю". Рита, собрав портфель, вышла за дверь и, оставив занятия, до вечера бродила у моря. А сегодня утром, когда она пришла на факультет, ее вызвал декан и объявил, что у него лежит докладная о попытке срыва студенткой Кленовой

путем антисоветских высказываний семинарского занятия по советской литературе. Вопрос очень серьезный: скорее всего ее, Кленову, исключат из комсомола и университета.

Взволнованные, принялись мы обсуждать, чем Рите можно помочь. Коля, размахивая руками, предлагал организовать студенческую делегацию к ректору или декану с прошением о Ритином помиловании; Гриша недоверчиво хмыкал, говорил, что это фантазерство и единственный выход: уговорить Трофимову за-рать докладную.

- Заварила ты кашу! - упрекнул я Риту, так и не придумав, как ее выручить. - И взбрело же тебе в голову собак дразнить! Сказала бы Трофимовой, что требовалось, или отвечать отказалась: зуб, мол, болит, - и не было бы неприятностей!

- Наверно, не могла я иначе, - устало проговорила Рита. - Надоело мне тогда врать, зная при этом, что врешь - как-то внезапно надоело. Я понимаю: лицемерить нужно, особенно когда идеологии касаешься, но жизнь у нас какая-то сплошь идеологическая, и получается, что каждый день не для себя живешь, а для лицемерия, для политики.

- Так ты теперь всегда правду говорить будешь? - удивленно спросил Гриша. - Тогда тебе сразу к Иисусу Христу нужно, в апостолы.

- Ладно, хватит, давайте ближе к делу, - вмешался Юра. - По моему расчету, существует три варианта, выводящих Кленову из наличной ситуации. Первый: Рита идет к Трофимовой и молит ее о прощении; второй - Рита обращается к матери и та, используя знакомства, давит на декана и Трофимову и затыкает им глотки; третий вариант - Рита находит причины для академотпуска или срочно по собственному желанию забирает документы из университета и пробует устроиться в другой институт.

- Нет, мальчики, ничего этого не надо, - сказала, вставая со стула, Рита. - Пусть будет то, что будет. Должна же я отвечать за свои слова.

- Велика важность: слова! - усмехнулся Юра. - Слова - это мое отношение к окружающему, вслух высказанное, а оно, отношение, каждый час меняться может - и слова с ним вместе!

- Смотря какое отношение! - Рита сердито взглянула Юру. - Когда бутерброд то нравится, то нет - это одно, а когда, допустим, о человеке или о любви говоришь - это другое: тут уже не слова, а себя высказываешь. А себя через каждый час, да еще в трех вариантах, только хамелеон менять умеет. До свидания, мальчики! Не огорчайтесь: все лучшему в этом лучшем из миров!

Рита улыбнулась нам, взяла в руки сумочку и вышла.

- Трудно с ней разговаривать, - проворчал Юра, возвращаясь к письменному столу. - Зачем сюда пришла, если в помощи не нуждается?!

- А куда ей идти?! - пожал плечами Коля. - Между прочим, я считаю, Рите мы обязаны помочь, желает она этого или нет.

- Ну-ну, помогите: заставьте ее стать счастливой! - презрительно рассмеялся Юра. - Вы что, не поняли: она пострадать хочет. Зачем ей в этом мешать?

- Чепуху ты несешь, Юра! - отмахнулся Коля. Чувствовалось, что он что-то задумал. - Стасик, ты хорошо знаком с Ритиной мамой?

- Беседовал с ней несколько раз, когда заходил к Рите, - ответил я, озадаченный Колиным вопросом. - Вряд ли это можно назвать: "хорошо знаком".

- Ничего, сойдет! Я слышал от Риты, что ее мать когда-то дружила с нашим ректором. Ты сходишь завтра к ней и все расскажешь. Нельзя допустить, чтобы Риту выгнали из уз университета!

Я замялся:

- А как на это отреагирует Рита, если узнает?

- Уверен: она поймет и обижаться не будет. Не можем же мы сидеть сложа руки!

Гриша поддержал Колино предложение и, поколебавшись, я согласился. На следующий вечер, чтобы Рита мне не помешала, Коля и Гриша пригласили ее в кино, а я отправил к Ангелине Васильевне, Ритиной маме.

Разговор с ней оказался краток: ректор уже звонил Ангелине Васильевне, поэтому суть происшествия она знала; я передал ей Ритин рассказ и попросил разрешения дня через три позвонить, чтобы выяснить ход дела. Ангелина Васильевна согласие дала, хотя и неохотно: ей не нравилась моя дружба с Ритой и в глубине души она наверняка предполагала, что я каким-

нибудь боком замешан в факультетском инциденте. Тем не менее, когда через три дня я позвонил в редакцию, Ангелина Васильевна информировала меня весьма подробно: дело удалось затушевать, хотя и не полностью - Риту оставляют на факультете, однако Трофимова, потрясая своими партийными заслугами, добилась решения об исключении Риты из комсомола. Последнее не страшно: через год Риту в комсомоле можно будет восстановить, если она не натворит новых глупостей. И Ангелина Васильевна попросила меня воздействовать в этом вопросе на Риту, поскольку с ней на данную тему Рита разговаривать отказывается. Я пообещал, довольный благополучным окончанием беспокоившего нас инцидента.

- Хорошо иметь мамой редактора областной газеты - позавидовал Гриша, когда я, приехав во "дворец", пересказал ребятам разговор с Ангелиной Васильевной.

- Хорошего здесь мало, - запротестовал Коля. - Работа поедает человека, особенно ответственная работа. Рита мне говорила, что ее мать домой лишь поздно вечером приходит, да и то мыслями о газете озабоченная, - поэтому они и домработницу нанимают. Разве это семья, когда мать и дочь живут, словно соседи по комнате, ничего друг о друге не зная и не желая знать?

Коля перегибал палку: ближе знакомый с семьей Кленовых, я видел, что Ангелина Васильевна любит Риту и интересуется ее жизнью, хотя в последние годы и выяснилось, что у матери и дочери разные идейные убеждения и что, невзирая на материнские права и твердость характера, Ангелина Васильевна ничего здесь поделать не может: многочисленные попытки "выполоть сорняки" из Ритиногo мировоззрения оказались безуспешными. Однако оружия Ангелина Васильевна не сложила и борьба с "Ритой испорченной" за "Риту нормальную" продолжалась, - потому-то, относясь ко мне отрицательно - я не соответствовал облику комсомольского вожака, перспективного чиновника и прочим идеалам журналистско-партийной шкалы ценностей, - Ангелина Васильевна старалась сохранить со мной мирные отношения, чтобы хоть таким путем - через Ритиных друзей - иметь влияние на свое единственное чадо. Отец Риты, добродушный и веселый моряк, был более терпим к дочери, но он плавал в Атлантическом океане, лишь изредка появляясь в Одессе, - и Рита росла одна, воспитывая себя морем, книгами и стихами.

На факультете началась проверка семинарских занятий и каэнэмовцы погрузились в зубрежку. Рита тоже была занята: мы знали от Гали Алексеевой, что Риту вызывали на педсовет, долго ругали там, потом исключали из комсомола на общем собрании курса. Несколько человек во главе с Галей пробовали во время собрания добиться оправдания Риты (сама Рита объяснить свою позицию отказалась), но парторг и комсорг курса, тыча пальцем на растущую угрозу империализма, потребовали оздоровления коллектива, и студенты, в кулуарных разговорах признававшие Ритину правоту, проголосовали "большинством" за изгнание "паршивой овцы" из комсомольского стада будущих преподавателей словесности. Оставалось утвердить решение собрания на комсомольском бюро факультета и комитете

комсомола университета, но Галя - член факультетского бюро, - уверяла, что сделают это быстро и Риту уже сейчас можно поздравить с переходом в ряды несоюзной молодежи.

- Славная у Коли жена будет: пробивная, настойчивая, - одобрительно заметил Гриша, когда Галя, сообщив новости, отправилась с Колей в кино. Действительно, характер у Гали был энергичный и во всем - даже в ее романе с Колей, длившемся уже пять месяцев - она старалась играть ведущую роль. Красивого телосложения, со смуглым, удивительно выразительным лицом, Галя очень любила Риту, свою подругу со школьных времен - они учились в одном классе и жили недалеко друг от друга, - и, скептически отвергая Ритино "инакомыслие", всегда готова была помочь ей из чувства дружбы.

Через день Галя появилась во "дворце" с вестью о чуде: факультетское бюро не утвердило решения об исключении Риты из комсомола. По Галиным словам, выглядело это так: после лекций бюро собралось по вопросу о Ритином "деле" - настолько, казалось, ясному, что никто из преподавателей на бюро не присутствовал. Для формальности - чтобы заполнить протокол - стали расспрашивать Риту об инциденте. Рита, изложив суть спора с Трофимовой, попросила бюро объяснить ей, в чем она теоретически заблуждается. Комсорг факультета принялся растолковывать - Уставом и цитатами из газетных передовиц, однако Рита отклонила его аргументы, пояснив, что по "Логике" нельзя одно целое доказывать посредством другого; тогда комсорг, решившись, пустился в рассуждения о партийности, классовости и генезисе литературы. Рита внимательно слушала, задавала ему вопросы, вносила поправки в ответы. В итоге обнаружилось, что комсорг доказывает противоположное собственным предпосылкам; поняв это, он растерялся и опять занялся цитированием Устава. Три члена бюро попробовали поддержать комсорга, но безрезультатно: Рита используя тот же сократовский прием (не опровергать противника, а помочь ему разобраться в его ошибках), быстро разгромила их шаткие теоретические позиции.

Дискуссия закончилась. "Спасибо! - поблагодарила Рита членов бюро. - Теперь я полностью уверена в своей правоте, Только как же быть с моим делом: ведь выходит, что за правду, а не за ложь меня исключаете?!"

Члены бюро притихли; тогда комсорг стукнул кулаком по столу и сердито заявил, что Кленова мутит воду, но рыбку словить ей не удастся - не на тех напала; зря они ввязались с ней в полемику - пора проголосовать и закончить заседание. Однако запротестовала одна из пятикурсниц, сказав, что у бюро нет морального права заниматься вопросом с Кленовой, поскольку Кленова в споре с бюро отстаивала свои убеждения; поэтому будет справедливо вернуть "Дело" Кленовой курсовому бюро для вторичного рассмотрения. Комсорг вспыхнул, начал возражать: между ним и пятикурсницей разгорелась словесная баталия. Бюро вместо намечавшихся двадцати минут прозаседало два часа и на итоговом голосовании оказалось, что шестью голосами против пяти победило предложение пятикурсницы: ее поддержали остальные две пятикурсницы, Галя, один долго колебавшийся

первокурсник и второкурсник, посещавший вместе с Ритой занятия литературного кружка.

- Интересный человек эта пятикурсница, - сделал вывод Коля по окончании Галиного рассказа. - Нужно с ней познакомиться.

- Так сразу и познакомиться?! - возмутилась Галя. - Зачем?

- Она может помочь оставить Риту в комсомоле, - предупреждая назревавший конфликт, вмешался я.

- И это тоже, - кивнул головой Коля, упорно думая о чем-то.

- Между прочим, Рита вовсе не обрадовалась решению бюро, - пожалала плечами Галя. - Наоборот, расстроилась. А мне потом сказала, что получилось, будто она действительно хотела замутить воду.

- Ну, для Риты такие причуды обыкновенны, - проговорил я, нахмурившись. - Так что с этой комсомолкой ты нас все-таки познакомь.

Поупрямившись, Галя согласилась. Свое обещание она исполнила быстро: через три дня, в понедельник, сидя на скамейке Воронцовского сквера, я, Гриша и Коля беседовали с заинтересовавшей нас пятикурсницей. Услышав ее имя - Алла, я, всмотревшись, неожиданно узнал в ней девушку, полтора года назад на новогоднем вечере декламировавшую "Рождественский романс" Бродского. После напоминания Алла тоже узнала меня и Гришу, сказала, смеясь: "Мир все-таки теснее, чем кажется". Разговор сразу стал оживленнее, свободнее, исчезла первоначальная скованность, тем более что Алла держала себя удивительно просто. Коля прицепился к ней с вопросами о нравственности; они долго рассуждали на эту тему, пока я, улучив момент, не заговорил о "Деле" Риты. Алла, подумав, пообещала поддерживать Риту, хотя - пояснила Алла - с идеями Кленовой она и не согласна. Но исключают Кленову напрасно, поскольку та действовала в рамках Конституции: она ведь не митинговала, а отстаивала личные убеждения, что законами разрешается, поэтому помочь ей - долг каждого честного человека.

Курсовое бюро подтвердило прежнее решение по "Делу" Риты и оно вернулось на бюро факультета. На сей раз при его обсуждении присутствовали парторг факультета, декан и Трофимова; действовали они напористо и восемью голосами против двух и одним воздержавшемся бюро одобрило решение курсового собрания. "Дело" Риты Кленовой для окончательного утверждения передали в университетский комитет комсомола; после ноябрьского праздника комитет, собравшись, единогласно исключил Риту из членов ВЛКСМ.

А число людей, приобщенных к КНМ, пополнилось Аллой Чуркиной. Бывала она у нас редко, но, зайдя, оставалась во "дворце" до позднего вечера, споря по какой-нибудь проблеме или разыскивая в книгах каэнэмовской библиотеки необходимые справочные материалы. Обрато до общежития провожал ее обычно я: Юра и Гриша к "джентельменству" относились презрительно, а Коля был занят Галей.

Мне нравилось провожать Аллу: ее речь интересовывала ощущением недосказанности, - разговор с ней, когда он заканчивался, всегда хотелось

продолжить. Я привык делить темы на бытовые - скучные и тривиальные, и философско-лирические, дающие волю воображению. Алла нарушала эти пропорции, поэтизируя житейские мелочи и отягчая бытом абстракцию размышлений. Общаться с ней было нелегко, особенно на первых порах: если с Ритой я чувствовал себя старшим товарищем, снисходительно переносящим причуды взбалмошной девчонки, то, шагая около Аллы, я выглядел иногда сдающим экзамен учеником. Это оскорбляло мое самолюбие: я пытался игнорировать Аллу, но ничего не получалось: что-то толкало меня к ней - так прилив толкает море на берег. В университете я думал, что виной здесь мое любопытство к человеческим душам; позже, в армии, я назвал это любовью.

В КНМ Аллу уважали: даже Юра, высокомерный с представителями "слабого" пола, вел себя с Аллой весьма внимательно. "Умная баба! - говорил он нам. - Мусора в голове, конечно, много, догматична насквозь и все же - умная!" Коля соглашался с Юрой, добавляя, что у Аллы интересный взгляд на этику и под ее влиянием он, Коля, пересмотрел кое-что в своей этической концепции. Несколько суше высказывался об Алле Гриша, крестьянское происхождение которого не выносило Аллиного снобизма, - однако и он не раз отмечал ее деловитость и умение выполнять обещанное. Одна только Рита, вновь зачистившая во "дворец" после окончания комсомольского "Дела", заняла относительно Аллы странную позицию: встречая ее у нас, Рита обычно мрачнела, смолкала и, посидев минут десять, быстро уходила домой. Объяснять свое поведение Рита отказывалась: мы терялись в догадках, тем более что Алла, державшаяся со всеми одинаково доброжелательно, не обращала на Ритины "демарши" никакого внимания. Впрочем, весной Рита - вероятно, под влиянием любви к Юре - вроде бы подружилась с Аллой: внешне, во всяком случае, их отношения стали почти приятельские.

После университета Алла уехала в Николаев: вначале учительствовала в школе, с грустью описывая мне в письмах "темное царство" просвещения, потом устроилась в областной газете на должность корректора. Новой работой она осталась довольна, и послания ее стали гораздо жизнерадостнее. Я писал ей - иногда в день по письму, - ждал ответа; вечером, приходя со службы домой - в комнату, которую снимал у одинокой старушки, - спрашивал с порога, нет ли писем. Чаще всего писем не было.

Весной, за три месяца до моей демобилизации, Алла сообщила, что выходит замуж. Два дня я бродил по комнате, валялся на кровати, просматривал свои дневники, думал. Слез почему-то не было. Старушка насильно кормила меня, говорила прибегавшим от комроты посыльным, будто я куда-то уехал, пробовала успокоить. Она решила, что у меня умерла невеста. Через неделю я смог написать Алле открытку с поздравлением и пожеланием счастья. Ответ пришел только в начале июня: Алла просила забыть о своем последнем письме - она отказала жениху и свадьба не состоялась. Я прочитал это с удивившим меня равнодушием: все во мне успело перегореть и по вечерам у кафе "Березка" меня встречал влюбленная

и симпатичная художница Маша. Переписка Аллой возобновилась, но главного - счастья ожидания - в ней уже не было. Погасла звезда, светившая мне донныне, я, подобно ремарковскому герою, шел теперь сквозь дни недели с холодной улыбкой одиночества.

Через несколько остановок давка в троллейбусе уменьшилась. Я поставил сумку на никелированный поручень, с облегчением вздохнул, поправил воротник рубашки. Еще минут десять - и будет моя остановка. Потом придется искать Аллин дом - к нему вели какие-то переулки, я в них всегда путался - и я у цели. "А что делает сейчас Юра? - подумалось вдруг мне. - Урок дает, наверное". Я представил строгого невозмутимого Юру, рассказывающего ученикам о мудрой политике партии, об успехах социализма - и усмехнулся: "Послушать бы и сравнить с тем, что он мне вчера выкладывал".

- Улица Гагарина - объявил по микрофону водитель.

Схватив сумку, я устремился к выходу и вслед за толстой женщиной, грузно стаскивающей свое тело на тротуар, выбрался из троллейбуса. Сейчас нужно переходить на другую сторону улицы и куда-то сворачивать. Повесив сумку на плечо, я направился к переходу и замер от неожиданности: навстречу мне, улыбаясь, шла Алла. В костюме черно-серых тонов, с бледным, без признака загара лицом, на котором выделялся непропорционально большой рот, она поразила меня несоответствием окружающему: в ее фигуре, походке, неспешности движений чувствовался аристократизм, непонятно откуда взявшийся у дочери грубого и суетливого двадцатого века.

- Добрый день, сударыня! - склонился я в поклоне.

- Здравствуй, Стасик! - Алла остановилась, какое-то мгновение, улыбаясь, рассматривала меня, потом сделала еще шаг и, поднявшись на носки туфель, чмокнула меня в щеку. Я растерялся: всегда уравновешенная и даже чопорная, Алла таких эмоций раньше не проявляла. Заметив мое смущение, Алла посерьезнела: "Я боялась, что ты не сразу найдешь мой дом. Пойдем?!".

По дороге Алла расспрашивала, какой ветер занес меня Николаев, где я провел отпуск, был ли в Одессе, рассказывала о своей летней неудаче: должна была сдавать экзамены на кандидатский минимум, но серьезно заболела мама, пришлось отказаться от экзаменов, а вместе с ними и от соискательства. Первое время огорчалась, переживала, теперь считает, что все к лучшему.

- Почему? - удивился я. - Потеря хороша тогда, когда теряешь плохое. А соискательство - это не только шанс через пять-шесть лет оказаться кандидатом наук, но и способ превратить эти годы в какую-то осмысленность целенаправленность. Ты не пробовала договориться еще раз сдать экзамены?

- Я - нет, - улыбнулась Алла.

- А кто - да?

- Профессор Мельник, мой научный руководитель. Ты его помнишь, наверное: седой, плотный, в очках, про войну любил вспоминать - он на

вашем факультете спецкурс читал. Я его чем-то заинтересовала: письмо прислал, уговаривал продолжить соискательство. Я даже растрогалась: не ожидала от него такого.

- Ну и что дальше? - нетерпеливо спросил я. Легкомысленное отношение Аллы к столь важному вопросу меня возмутило: в последний год службы я пробовал добиться соискательства, потратив массу энергии и времени, но впустую: на кафедре философии кишиневского университета никто не согласился стать моим научным руководителем. А у Аллы все образовывалось легко и быстро: то, чего я достигал, пробив головой несколько стенок, она получала, просто протянув руку. Потому-то, в отличие от меня, Алла никогда не держалась за достигнутое: что легко достается, легко и выбрасывается.

- А дальше ничего, - задумчиво ответила Алла. - Я поехала к нему, мы долго беседовали, он, кажется, не совсем меня понял, но расстались мы друзьями. Сказал на прощание, что когда мои фантазии пройдут, он вновь возьмет меня в соискатели. Нам в этот подъезд, Стасик.

- Что за фантазии? - хотел спросить я, но Алла уже вошла в подъезд; я последовал за ней.

Квартира, где жила Алла вместе с родителями, находилась на первом этаже. Дверь открыла Аллина мать Мария Тимофеевна: высокая, полная, с аккуратной прической и черными, явно подкрашенными бровями. После приветствий, приглашения завтракать и взаимных расспросов я узнал, что у Марии Тимофеевны осталось три дня отпуска и в понедельник она выходит на работу, Павел Сергеевич (Аллин отец) сейчас на заводе, придет вечером, а у Аллы "отгул" - она взяла его, чтобы сделать необходимые покупки к завтрашнему праздничному столу.

- Могу составить компанию в походах по магазинам - предложил я.

- Вот и отлично, - обрадовалась Мария Тимофеевна. - Я вам сумки дам. Стасик, ты кушать не захотел, так хоть чайку посиди, попей с Аллой. А потом и в магазин.

- Чайку так чайку, - оставив свою сумку в комнате, я помыл руки и прошел на кухню. Через несколько минут Алла присоединилась ко мне. Мария Тимофеевна суетилась, наливала чай, доставала "заветную" банку варенья. Для нее я, кроме давнего знакомства и всегда хороших отношений, был еще, вероятно, и Аллиным "женихом" - потому-то старалась она, накладывая мне в блюдце варенье и подсовывая пряники. Трудна жизнь у вас, матери дочерей "на выданье"!

Я усмехнулся: женихом я не был и не собирался им становиться. Что потеряно, то потеряно навсегда: сожженное не восстанавливается. Я - авантюрист, человек без определенного будущего, а этому дому нужен "добытчик", хозяин. Юра не зря говорил два года назад, что в такие семьи мужчина приходит только после решающих жизненных поражений, - моя же игра с судьбой еще не окончена. Попивая чай, я искоса рассматривал Аллу: ее длинную, выступающую из воротника шею, тонкие кисти рук, зачесанные назад волосы. Да, красавицей ее назвать трудно! Напридумывал я в армии

идеалов: обстановка, вероятно, подействовала, и тоска по прошлому, показавшемуся тогда утраченным раем - вот и вцепился мечтой в одного из "райских" обитателей. Хорошо все-таки, что я приехал, сижу здесь и нет во мне никакого волнения; в воскресенье утром отправлюсь в Одессу и останется позади город Николаев с его жителями, воспоминаниями и надеждами.

Кончив пить чай, Алла заторопилась, сказав, что нам нужно вернуться домой к обеду. Мария Тимофеевна принесла сумки; взяв их, мы отправились на троллейбусную остановку: Алла предложила поехать в центр, чтобы, кроме продовольственных, заглянуть в книжные магазины.

Было прохладно; тучи, плотно облежавшие небо, не пропускали солнечных лучей. "Дождь будет!" - заметил я вслух. "Вряд ли! - Алла мельком взглянула вверх. - Разве что к вечеру".

Дальше шли молча; Алла не обращала на меня внимания; казалось, она была чем-то огорчена. Вероятно, со стороны - учитывая хозяйственные сумки - мы выглядели поссорившимися супругами. "Почему она отказала жениху? - размышлял я. - И кто он такой?". Мне захотелось вдруг выяснить все об Аллиной несостоявшейся свадьбе; напрасно доказывал я себе, что нет мне до этого дела: я и Алла - просто старые знакомые и нетактично задавать такие вопросы.

- Прости за любопытство, - начал я, выдерживая спокойствие. - Что за история приключилась с тобой в конце апреля? Ты вроде замуж собиралась?

Алла задержала шаг, удивленно посмотрела на меня, потом, продолжая путь, сухо проговорила:

- Это была не история, а обычный бытовой случай: мы ошиблись друг в друге, но к счастью, выяснили это до свадьбы, а не несколько позже, как многие из моих знакомых. Расстались без сцен, вполне дружелюбно; при встречах здороваемся. Что еще тебя интересует?

- Ничего, - ответил я. - Смотри, троллейбус подошел, мы можем успеть сесть.

Алла заторопилась. Троллейбус уже трогался, когда мы вскочили в его заднюю дверь. Одно из сидений оказалось свободным; купив билеты, я сел рядом с Аллой и заболтал о пустяках, сглаживая неловкость своего вопроса о замужестве. Алла отвечала односложно, но вскоре повеселела, начала улыбаться моим шуткам и сама рассказала пару комических происшествий из редакционного быта.

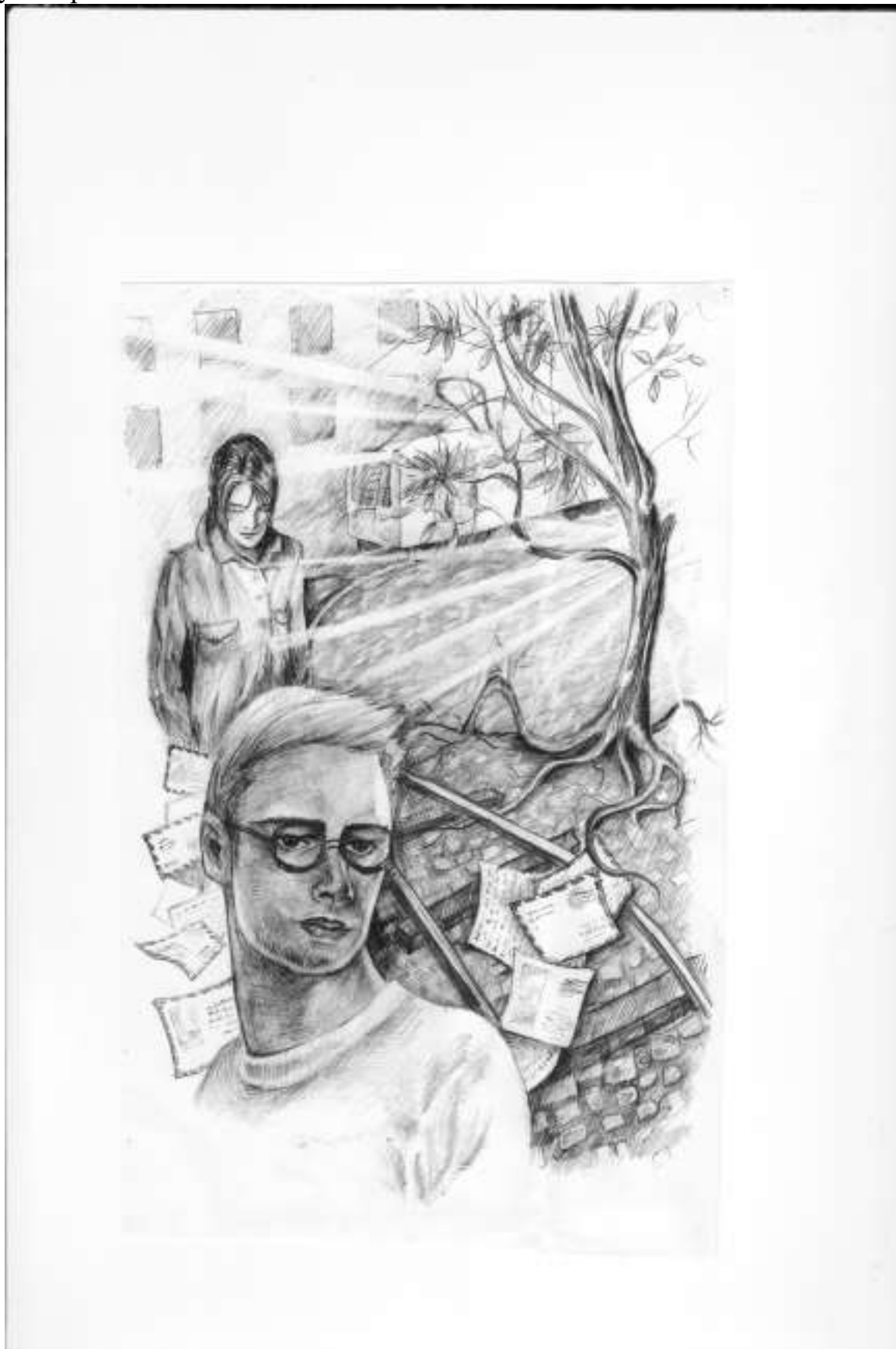
Сойдя на остановке "Советская улица", мы зашли в ближайший гастроном, купили колбасы - копченой и "Любительской", сыра, три килограмма мяса, пять банок сардин в масле, печенья. За конфетами решили идти в "Белочку" - Алла искала "Красный мак" и "Трюфеля", а здесь их не оказалось.

- Сколько человек ожидается завтра вечером? - спросил я.

- Четверо - в качестве обязательных: я, ты, мама и отец - рассмеялась Алла. - Но могут быть и "сюрпризные" гости: человек семь - десять.

- Ты что, не помнишь, кого приглашала?!

- А приглашенных нет, Стасик! Придут те, кто пожелает прийти и кого они с собой приведут. Ближайшим друзьям я сообщила неделю назад, когда, в какие часы праздную свой юбилей - соответствующие выводы всецело на их усмотрение!

- Да-а! - удивленно протянул я. - Впервые с подобным сталкиваюсь. И давно ты так отмечаешь свое появление на свет?

- Лет девять, - Алла улыбнулась. - Началось все с того, что однажды я пригласила на день рождения десять человек, а пришли только четверо. Представляешь, мы ждали остальных часа три, а когда поняли, что их не будет, я почувствовала себя обманутой и вместо праздника получился трагикомический фарс. Конечно, у всех непришедших оказались объективные причины, и довольно убедительные, но я с тех пор - даже когда нам телефон поставили - заранее никого не приглашаю, за исключением таких случаев, как с тобой.

- А если вообще никто не явится? - поинтересовался я.

Алла задумалась, припоминая: "Такого пока не случилось. В университете дни рождения праздновались всей комнатой: гостями были все желающие повеселиться. После университета, в Николаеве я в первый год нескольких человек пригласила, остальные пришли сами. Ты, кстати, был в числе приглашенных, но тебя в наряд поставили - так, кажется, называется у военных дежурством?"

- Да, так. Меня начальником караула назначили.

Я резко и отчетливо вспомнил, как бегал тогда, пытаюсь освободиться от наряда, и даже нашел ребят, готовых меня заменить, но командир учебной роты, которому я чем-то не нравился, запретил подмену дежурных. И в тот вечер я сидел в комнате начальника караула, мысленно представляя, как Алла и ее гости пьют шампанское, танцуют, веселятся - и было мне ужасно обидно, и хотелось взять автомат и стрелять, стрелять - очередь за очередью - в ненавистную харю армии.

После "Белочки" мы посетили спецмагазин "Вина"; поразмыслив, я на правах главного эксперта остановил выбор на румынском рислинге, крымском портвейне и "Столичной". Все заказанное Марией Тимофеевной было куплено, и мы отправились в книжные магазины. В "Письменных принадлежностях" и "Мистецтве" ничего интересного не нашлось, зато в "Подписных изданиях" я купил двухтомник Бэкона и "Работы разных лет" Гегеля. Алла взяла по подписке очередной том "Энциклопедии" и повела меня в "Букинистическую книгу". Здесь мы пробыли минут десять. Копаться в книгах, просматривая их, примеривая к своему вкусу - одно из любимых моих занятий. В книжный магазин я всегда вхожу с чувством мореплавателя, открывающего неведомые земли: вдруг здесь где-нибудь на полках лежит разыскиваемая мной книга, сумеющая выпрямить мою жизнь, сделать ее прекрасной - хотя бы в часы чтения. Люди, написавшие эти книги, когда-то умом и талантом сбивали вихрь своих фантазий в четкую осмысленность букв, чтобы я, неведомый им читатель, взглянул и решил, станут ли они моими друзьями. И было неприятно, просмотрев множество томов, уходить из магазина с ощущением потерянного времени и мыслью о том, что авторы данных книг писали не для меня, а, может быть, и вообще напрасно писали, - так мореплаватель, обнаружив непригодность для жизни открытого им берега, отворачивает корабль от обманувшей его "терра инкогнита".

Алла тоже любила книги: я с удовольствием наблюдал ее сосредоточенное лицо, бережные движения рук, перелистывавших страницы. Люди, равнодушные к чтению, всегда казались мне обиженными судьбой: уродами, не подозревавшими о своем уродстве. Если, знакомясь с человеком, я узнавал о его неприязни к книгам, я быстро прекращал знакомство: что привлекательного может быть в индивиде, сплюснутым пространством города и сутками настоящего?! Разговор о работе, семье, случайностях развлечения и прочем вздоре, обычный при первом знакомстве, является у таких людей единственной темой, повторяемой ими во всех беседах и встречах - а я не выношу повторений!

Часовая стрелка приближалась к цифре "два", когда мы покинули "Букинистическую книгу". Я купил К. Паустовского "Время больших ожиданий" и сборник "О современной буржуазной эстетике", Алла нашла в одном из отделов потрепанный томик "Луна и грош" Сомерсета Моэма и несколько нужных ей книг по литературоведению.

- Богатый улов! - удовлетворенно заметил я. - В Одессе "букин" тоже хорош, но у вас, в Николаеве, лучше.

- Вряд ли! - Алла скептически приподняла свою набитую книгами сумку, - продукты, как более тяжелую и громоздкую кладь, нес я. - Просто сегодня удачный день. Я иногда здесь месяц, а то и два ничего не встречаю.

Разговаривая о книгах - о том, что в последнее время они превращаются в предмет роскоши, за которыми начинает гоняться обыватель, - мы подошли к автобусной остановке: Алла сказала, что автобусом быстрее доберемся домой. Думала так, вероятно, не только она, потому что остановка была заполнена народом. Два битком набитых автобуса нам пришлось пропустить, потом подъехал "левый" автобус, без касс и таблички маршрута; схватив Аллу за руку и выставив сумку в качестве тарана, я ворвался в него одним из первых. Через пять минут автобус был укомплектован; водитель, собрав по десять копеек с "носа", предупредил, что желающие сойти должны нажать кнопку звонка. Мне и Алле удалось захватить сиденье; разместившись, я приготовился продолжить беседу, как вдруг заметил стоявшую рядом старушку. Сделав каменное лицо, я отвернулся к окну. Урча мотором, автобус подпрыгивал, словно несущийся скачками зверь; при поворотах и торможениях стоявшие пассажиры дергались и качались из стороны в сторону. "Садитесь, бабушка!" - не выдержав борьбы с собственной совестью, сказал я и уступил место. Поблагодарив, старушка уселась. Разумеется, в автобусе она оказалась единственной и, естественно, не могла найти ничего лучше, как устроиться возле моего сиденья: догадалась, наверное, что меня хорошо воспитали.

Взглянув на мое огорченное лицо, Алла улыбнулась, встала и, взяв в руки сумку, протиснулась ко мне. "Зачем это?" - удивился я. "Чтобы избежать равенства - серьезно объяснила Алла. - Не могу сидеть около старушек: мне кажется, это уравнивает нас в возрасте".

Я понял, что Алла дурачится и место оставила, чтобы мне не было скучно стоять одному. "Славная она девушка! - подумал я с благодарностью. - Жаль, что меня не любит, - хорошо, что я не люблю ее!"

Я вспомнил Машу, которой так и не сумел дать счастья, мы расстались на перроне Флорештского вокзала: она прощалась со мной, старалась не расплакаться; я обещал писать письма, говорил что-то, она кивала головой, слушала - и оба мы знали, что никогда не увидимся. Грустная штука - любовь; сколько людей пало ее жертвой, пытаюсь совместить свое "я" с эгоизмом другого человека или - при наилучшем исходе - защитить свой очаг любви от бездушия общества.

- Стасик, а как дела у Юры? - прервал мои мысли Аллин вопрос. Я поморщился: говорить о Юре мне не хотелось; я забыл о его существовании и в последние часы вспоминал о нем только один раз: когда шел с Аллой по Советской улице и неожиданно подумал, что неприятно было бы увидеть идущего навстречу Юру.

- Работает в школе, пишет работы, замкнулся на себе. А ты разве его не встречала? Все-таки в одном городе живете.

- Видела два раза, - Алла тихо рассмеялась. - В первую встречу он сделал вид, что меня не знает, в следующую я ответила ему тем же.

- Странно! Вы вроде бы никогда не ссорились.

- Но и не дружили. Юра - умный человек, по-своему очень интересен, но ужасно вульгарен, груб. Когда я с вами познакомилась, мне при беседах с Юрой всегда казалось, что я общаюсь с невоспитанной овчаркой, которая может и хвостом повилать, а может и за руку цапнуть, - и то, и другое без всякого внешнего повода.

Сравнение Юры с овчаркой меня покорило.

- У тебя точка зрения студентки пансионата благородных манер, оценивающей людей только по их лоску. Юра - человек науки, он гений, поэтому невоспитанность ему вполне простительна.

- Не согласна! - Алла сердито сжала губы. - И, кстати, почему ты считаешь Юру гением: из-за того, что он возглавлял КНМ и был умнее всех вас?

- Если бы ты прочитала написанные им работы, то убедилась бы в этом.

- Продвигайся к выходу. Следующая остановка наша, - перебила меня Алла. После звонка автобус остановился: мы сошли на тротуар.

- Хорошо, допустим, я прочитала работы Юры и они оказались гениальными, - продолжала спор Алла. - Ну и что? Это еще не доказывает, что Юра гениален!

- Не понимаю, - я действительно не понимал Аллу. - Человек и результаты его творчества - одно и то же, если не учитывать того, что человек всегда шире данных результатов.

- Творчество человека - это сплав его субъективности и окружающих условий, а последние ему не принадлежат. Поэтому любой обыватель может в принципе создать гениальное произведение - не обязательно в искусстве или науке, а в том, чем он непосредственно занимается, - но при этом так и

остаться обывателем. Пушкинский Моцарт говорил, что гений и злодейство несовместимы, - я вполне с ним согласна, добавлю только, что вполне совместимы злодейство и гениальные произведения.

- Интересно! - я задумался, вспомнив свою старую теорию о влиянии ситуации на сознание человека. Если Алла права, то возможно конструирование своеобразного "инкубатора гениальности", где, ставя людей в соответствующие условия, можно заставить их создавать гениальные произведения,

- Дело не в интересности, - Алла переложила сумку из одной руки в другую. - Просто я хочу сказать, что Юра не гений, даже если работы его гениальны, - и доказывает это Юрино поведение. Гений - это оригинальная форма человеческой жизни, становящаяся эталоном для будущих поколений. А я Юру таким эталоном не считаю - да и ты, я думаю, тоже.

- Не знаю, - заколебался я. - Наверное, нет. Но мне кажется, у тебя слишком экстравагантное определение слова "гений". Так и я могу назвать бочку колодезем и рассказывать всем, что колодезь совсем не то, что думают о нем остальные.

- Что ж, пусть будет так, - обидевшись, Алла замолчала.

«Все-таки, женщины, в любой спор, даже сугубо абстрактный, вкладывают чересчур много эмоций», - подумал я, искоса поглядывая на Аллу и разыскивая путь к примирению. Впрочем, Алла быстро остыла и, как ни в чем не бывало, начала рассказывать о своих николаевских знакомых, так что перед глазами Марии Тимофеевны мы предстали дружной, весело болтающей и слегка уставшей от сумок парой.

Обед был давно готов, и Мария Тимофеевна сразу усадила нас за стол. На первое она подала жирный наваристый борщ с огромными кусками свинины, на второе - "фирменное" блюдо Марии Тимофеевны: жареную картошку с чесноком. Вкусней этой картошки я ничего не ел! Даже пожаренная с мясом, она не имеет такого пикантного вкуса! Запив обед компотом, я блаженно откинулся на спинку стула и объявил, что Мария Тимофеевна явно ошиблась в призвании и ей следовало идти не по медицинской, а по кулинарной части. Похвалу Мария Тимофеевна выслушала с удовольствием: мало знать, что ты прекрасно готовишь, нужно, чтобы это отметили и другие.

Пообедав, Алла стала собираться в гости к старушке-родственнице, заболевшей одной из тех сложных, непонятных для врачей болезней, которыми так охотно недомогают пенсионеры. Я получил предложение сопровождать ее, но, представив запах лекарств, разговор на медицинские темы и атмосферу скуки, отказался и, взяв купленные книги, прошел в Аллину комнату. Чтобы удобней разместить книги, я, открыв свою сумку, вывалил ее содержимое на пол. В дороге могло пригодиться все: кроме электробритвы, туалетных принадлежностей и томика Гегеля, в сумке лежали: свитер - на случай ночевки в подъезде или на скамейке сквера, болоньевый плащ - в свернутом виде он занимал очень мало места, дневник, финка и "книга для развлечения" - в данном случае "Трудно быть богом" Стругатских. Страсть к путешествиям, с детства поселившаяся во мне, не раз

забрасывала меня в незнакомые города и неожиданные ситуации, требовавшие практической сметки, хладнокровия и неприхотливости, - и всюду сопровождала меня верным другом эта синяя, потрепанная сумка.

В коридоре Мария Тимофеевна уговаривала Аллу захватить плащ; поупрямившись, Алла смирилась, накинула плащ на плечи и ушла к родственнице. Мария Тимофеевна заглянула ко мне в комнату, спросила, не нужно ли чего; выслушав мой отрицательный ответ, сказала, что у нее разболелась голова, и она приляжет отдохнуть. Оставшись в одиночестве, я отложил дневник, сунул остальное в сумку; устроившись за столом, принялся записывать впечатления. Их накопилось много: утром я был у Юры, прощался с ним, а сейчас сижу в Аллиной комнате, без волнений и сентиментальных чувствований, и Алла тоже спокойна - словно и не было между нами никаких других отношений. Аллу эти годы изменили: она стала проще, разговорчивее, хотя в суждениях отчасти категорична. С ней по-прежнему интересно беседовать и остается удивляться, что такая девушка до сих пор не замужем.

Бросив дневник в сумку, я перебрался на стоявшее у окна кресло-кровать: почему не посидеть со всеми удобствами, если есть такая возможность?! В квартире царил тишина: Мария Тимофеевна, вероятно, заснула. Студентом, придя с лекций и пообедав, я обычно укладывался спать, чтобы, отдохнув, заняться философскими штудиями. Послеобеденный сон делил день на две половины: первую я тратил на изучение официальной науки, вторую - на творческое самообразование; благодаря сну я как бы проживал в сутки два дня, всецело отдаваясь в каждом соответствующему предмету, - это было выгодней дремания на лекциях - тактика Коли, экономившего таким способом энергию для вечера. Служба в армии сломала мое расписание и сейчас только усталость или приказ воли могли заставить меня спать днем. Вздохнув, я поднялся, вытащил из секретера купленную Аллой книгу Моэма и вернулся в кресло-кровать. Юра говорил когда-то, что "Луна и грош" - одна из любимых его книжек, но читать ее раньше мне не довелось. Я открыл "Луну и грош" и, заинтригованный первой же страницей, забылся мыслями в жизненной эпопее Чарльза Стрикленда, художника и эгоиста.

Читал я долго; когда, отложив книгу, я взглянул на часы, было десять минут седьмого. Давно поднявшаяся Мария Тимофеевна возилась на кухне, готовя что-то к завтрашнему вечеру. Я походил по комнате, просмотрел на полке и в секретере книги, потом через обширный "гостиный" зал (квартира была трехкомнатной) и коридор прошел в кухню.

- Начитался? - заулыбалась Мария Тимофеевна, помешивая ложкой в кастрюле. - Садись, посиди. А тебе все-таки военная форма больше к лицу, чем эта.

- А мне симпатичней нынешняя, - гордо объявил я.

- Нет, нет, не скажи. Я помню, каким ты приходил к нам два года назад.

Я тоже это помнил. Мария Тимофеевна считала меня тогда официальным претендентом на Аллину руку, делясь со мной, как с будущим зятем, многими семейными тайнами. Простосердечная, свято соблюдающая

традиции гостеприимства, Мария Тимофеевна принадлежала к числу людей, жизнь которых заполнена заботами о ком-то. Работая всего лишь старшей медсестрой, Мария Тимофеевна умудрялась доставать нуждающимся путевки в санаторий, дефицитные лекарства, "пробивать" ордера на квартиры; к ней прибегали за советом, просили о помощи, - все это Мария Тимофеевна делала с бескорыстными намерениями, хотя и не отказывалась при случае от вещественной благодарности. Подобно многим матерям, имеющим одного ребенка, Мария Тимофеевна был страстно привязана к Алле: любовь к дочери переходила зачастую в не знающее границ обожание. Дорогие платья и шубы, туристические поездки в Европу, освобождение от домашних работ и прочие разности, с детства окружавшие Аллу, превратили последнюю в тепличное, изнеженное создание: Алла призналась мне как-то, что из всех блюд умеет готовить только яичницу и картошку. Сверхнужность адекватна ненужности, и радение Марии Тимофеевны о благе дочери наталкивались в последние годы на Аллин отпор, поскольку видение счастья у матери и дочери оказалось различным.

Повспоминав старые времена - такие трогательные и приятные, когда смотришь на них издали, я и Мария Тимофея на вернулись к беспокойному сегодняшнему. Говорила в основном Мария Тимофеевна: о работе, о том, как провела отпуск и, конечно же, об Алле. По словам Марии Тимофеевны, Алла начала приобретать в Николаеве известность как автор злободневных статей; одна из них - о городских танцплощадках - даже обсуждалась на Пленуме горкома ВЛКСМ. Мария Тимофеевна показала мне штук семь газет с Аллиными публикациями: кое-что в них, действительно, было интересным.

- Все равно напрасно Алла бросила соискательство, - положив газеты на стол, сказал я. - Что помешало бы ей писать диссертацию, делая одновременно журналистскую карьеру?

- И я такого мнения, - согласилась Мария Тимофеевна. - Но разве Аллу переупрямишь?! Не посоветовалась со мной, ничего - взяла и не поехала на экзамены, а мне потом сообщила. Я прямо разболелась от этого. Совсем о здоровье матери не волнуется.

- Но Алла оставила соискательство, чтобы за вами ухаживать, - вспомнив разговор с Аллой, уточнил я. - Вы ведь болели?

- Вот после того, как Алла бросила соискательство, я и разболелась, - объяснила Мария Тимофеевна. - И до этого было плохо с давлением, но оно у меня всегда повышенное. Правда, свадьба мне еще нервы потрепала.

- Какая свадьба? - машинально спросил я, раздумывая, почему Аллино толкование причины отказа от соискательства расходится с тем, что я узнал от Марии Тимофеевны. Кто-то из них лгал, но кто и зачем?

- Как «какая»?! - Мария Тимофеевна с недоумением посмотрела на меня. - Свадьба с Андреем. Ты разве не знал о ней?

- Знал в общем, - спохватился я. И так, Аллиного жениха звали Андрей.

- Все готово было, заявление в загс отнесли - и вдруг Алла объявляет, что передумала. Стыд-то какой: где раньше ее голова была, когда заявление подавала?! На Андрея глядеть было жалко: иссох весь, неделю под окнами стоял и Аллу на свидание выпрашивал, а она: нет и нет!

Мария Тимофеевна разволновалась: происшедшее, по-видимому, очень ее уязвило.

- Ничего, не расстраивайтесь, - стараясь успокоить Марию Тимофеевну, мягко произнес я. - Алла всегда успеет замуж выйти, да и Андрей другую найдет, если уже не нашел.

Мария Тимофеевна вздохнула:

- Оно-то так, конечно, но очень жаль Андрея: симпатичный, характером положительный, работа хорошая. И Аллу любит: недавно при встрече все про нее расспрашивал.

Я незаметно усмехнулся. Алла, насколько мне помнилось, свои отношения с Андреем характеризовала иначе: ошиблись друг в друге, расстались, при встречах здороваются. Но материнские чувства Марии Тимофеевны видели все по-иному и в соответствии данному видению Андрей не мог не страдать по ее дочери.

- А где Андрей работает? - поинтересовался я.

- В милиции следователем. Зарплата - 160 рублей, квартиру имеет. Алла с ним познакомилась, когда он ее дело вел, вора ловил.

- Какого вора? - я был удивлен: в письмах Алла об этом не упоминала.

Мария Тимофеевна с готовностью и довольно связно (вероятно, я был не первым ее слушателем) начала рассказ. Его содержание сводилось к следующему: год назад Алла, отработав вечернюю смену, отправилась, как обычно, домой. Типография газеты находилась в центре города, поэтому, когда Алла сошла с трамвая, было уже одиннадцать часов вечера. Попутчиков не оказалось; пройдя пустынной улицей до сквера, Алла свернула к дому, как вдруг из-за дерева наперерез ей выскочил парень. Приставив нож к Аллиному горлу, парень потребовал деньги. Алла испугалась и растерялась, и от испуга грозно сказала: "Уберите нож, а то закричу". Парень - ему было лет двадцать - опешил и опустил руки с ножом. В Аллином кошельке лежало сто десять рублей - ее первая зарплата за работу корректором, полученная днем в редакции. Понимая, что на помощь звать бесполезно, Алла вынули из сумки кошелек и, отчеканив: "Оказывается, везет не только дуракам, но и ворам", высыпала деньги на тротуар, переступила через них и направилась к дому. Парень сделал движение остановить ее, потом передумал и принялся собирать деньги. Дома Алла полночи проплакала и не столько из-за утраты зарплаты, сколько из-за испытанного чувства унижения. Мария Тимофеевна уговорила Аллу отнести заявление в милицию: там Алла и встретила Андрея. Вора поймать не удалось, зато Андрей начал бывать частым гостем в Аллином доме. Весной он предложил Алле стать его женой, она согласилась и все было бы хорошо, если бы не эти письма

Мария Тимофеевна внезапно замолчала. "Что за письма" - быстро спросил я. Мария Тимофеевна задумалась, покачала головой и медленно проговорила: "Да так, ничего. Что тебе на ужин приготовить, Стасик?" И мы углубились в согласовывание вопроса об ужине.

Любопытство мое было задето: Мария Тимофеевна явно что-то скрывала. С Аллой на эту тему говорить не хотелось; оставался Павел Сергеевич, Аллин отец: возможно, он сумеет мне все объяснить.

Мария Тимофеевна занялась стряпанием; чтобы не мешать ей, я вернулся в Аллину комнату. Пролистав сборник репродукций Н. Рериха, я открыл "Луну и грош", но читал недолго: пришел с работы Павел Сергеевич. Узнав о моем приезде, Павел Сергеевич, умывшись и переодевшись, поспешил ко мне: женское семейное общество, по его словам, ужасно ему наскучило, и он был рад поговорить с мужчиной. Под "мужским разговором" Павел Сергеевич подразумевал сплетничанье о политике: два года назад я поразил его знанием закулисной политической жизни (эти знания были получены мной от Ритиноного знакомого Вацика, одесского диссидента, снабжавшего меня одно время "Хроникой", произведениями А. Солженицына и прочей самиздатовской писаниной); с тех пор почти все наши беседы напоминали политические семинары, где я выступал в роли обозревателя. На сей раз ничего, кроме нескольких любопытных фактов, услышанных вчера от Юры,

я сообщить не мог, поэтому Павел Сергеевич взялся пересказывать мне новости зарубежных радиостанций.

К политике Павел Сергеевич подходил однобоко: он черпал из нее материалы для подтверждения своих мыслей, сводившихся к тому, что в СССР рабочие притесняются и не имеют политических свобод, правительство обманывает народ и живет в собственное удовольствие, но есть умные люди, - в том числе и он, Павел Сергеевич, работающий простым слесарем, - которых правительству обмануть не удалось и которые прекрасно отличают газетную правду от настоящей.

Мне не нравилась такая позиция: ее основу составлял эгоизм и самодовольное невежество, - но доказывать это Павлу Сергеевичу было бесполезно, поскольку его рассуждения цементировались "примерами из жизни", против чего, как известно, бессильны любые теоретические доводы. Поэтому, когда Павел Сергеевич, разгорячившись, занялся обругиванием "правительства пенсионеров", я, поддакивая с серьезным видом, усмехнулся в душе весьма иронично, подумав, что человеческие слабости принимают самые странные формы и набор политических фактов, собираемых Павлом Сергеевичем, не отличается по сути от коллекционирования марок, рыболовства и прочих хобби, позволяющих приятно проводить часы отдыха.

Постепенно разговор перекочевал в более частные сферы: словно невзначай я задал вопрос об Аллиной свадьбе. К моему удивлению, Павел Сергеевич обвинял в случившемся Андрея, заявляя, что только растяпа способен упустить такую девушку, как Алла; мало того, что следовательно из него никудышный: вора-то так и не поймал! - еще и в качестве жениха опростоволосился! Алла правильно сделала, решив дать ему отставку.

- Не пойму: Алла любила Андрея или нет? - спросил я и почувствовал укол в сердце: впервые мне отчетливо представилось, что Алла могла кого-то любить: кого-то - не меня!

- Любила? - Павел Сергеевич сердито прищурился: в нем не улеглось воинственное настроение, вызванное предыдущей атакой на правительство. - Алла вообще, я думаю, кроме себя, никого не любит. Даже к матери, не говоря обо мне, так порой относится!

Павел Сергеевич замолчал; потом, оживившись, пристально взглянул на меня:

-А ты нравился ей больше, чем Андрей. Извини за откровенность, я по-своему говорю это. Послушай, может быть, она и Андрея потому бросила, что ты ей по-прежнему нравишься?!

Павел Сергеевич от волнения вскочил со стула и забегал по комнате. Вероятно, причина расстройств Аллиной свадьбы осталась для него загадкой и теперь он ликовал, найдя объяснение беспокоившей его головоломки.

Я смутился:

- Но Мария Тимофеевна проговорила случайно, что свадьбе помешали какие-то письма.

- Письма? - Павел Сергеевич грузно опустился на стул. - Мне она ничего не сказала. Ох, это женское скрытничанье. Впрочем, Стасик, она, наверно, твои письма в виду имела. Я сейчас спрошу у нее.

- Нет, нет, не надо! - воскликнул я, испугавшись. Ситуация складывалась весьма интимной и я не хотел ее публично-дискуссионного обсуждения. - Вы лучше Марии Тимофеевне ничего не сообщайте: она ведь случайно проговорилась и подумает теперь, что я сплетник. Пусть это будет наше мужской тайной.

Выражение "мужская тайна" имело неотразимый эффект: Павел Сергеевич полностью со мной согласился. Развалившись на стуле, он принялся смаковать вслух идею фатального влияния моих писем на Аллину личную жизнь и даже, поднатужившись, припомнил, как однажды застал Аллу очень и очень грустной: она сидела в своей комнате и перебирала пачку писем с обратным адресом на конверте "город Флорешты". Было это сразу после помолвки Аллы и Андрея, - эти-то письма, вероятно, и заставили Аллу изменить решение.

Я обрадовался, когда Мария Тимофеевна позвала Павла Сергеевича помочь ей на кухне. Оставшись один, я прикрыл дверь, заглушая шум разговора, и, подойдя к окну, облокотился на подоконник. Прямо за окном раскинулся небольшой сад, отгороженный от улицы каменной стеной. Темнело; кусочки неба, проглядывавшего сквозь деревья, были сплошь затянуты тучами. Отойдя от окна, я вновь уселся в кресло. "Неужели Алла меня любит?" - спрашивал я себя и не находил ответа. Мысли были обрывочны и тревожны; я пробовал себя успокоить, говоря, что все это ерунда и Павел Сергеевич фантазирует, а если и нет, то какое мне дело до Аллиных переживаний, - но успокоение не приходило и я слышал, как громко стучит в груди мое сердце: словно возвратились дальние октябрьские дни и я, офицер-двухгодичник, вновь собирался бежать на свидание к Алле.

В соседней комнате Павел Сергеевич включил телевизор. Отвлекаясь от головокружения мыслей, я открыл дверь, взглянул на экран. Шел документальный фильм о шахтерах.

- Садись! - предложил мне Павел Сергеевич.- Посмотрим, как народу мозги затемняют. Я сам в молодости на шахте работал, знаю, что и как. А здесь все липа!

Павел Сергеевич пренебрежительно махнул рукой в сторону экрана.

- Зачем засорять мозги липой? - хотел спросить я, но сдержался: каждый развлекается по своему. Во Флорештах у меня был знакомый учитель, смотревший телевизор только для того, чтобы разбирать по косточкам и обругивать все увиденное. Когда я приносил ему хорошую книгу, доказывая, что прочитать ее полезнее, чем тратить время на созерцание того, что он сам же считает дрянью - знакомый отрицательно тряс головой и заявлял, что лишь борясь с чем-то можно развивать свой ум, что он и делает. А мне казалось, что его ум после каждой телевизионной программы все больше и больше тупеет.

В коридоре хлопнула дверь: пришла Алла. Краска волнения залила мне лицо; отвернув голову от входной двери, я облокотился на крышку фортепиано и уставился в экран телевизора.

- Стасик смотрит телевизор?! Чудо из чудес! - услышал я изумленный голос Аллы.

- Меня Павел Сергеевич перевоспитал, - как можно беспечнее ответил я, не отрываясь от экрана. Павел Сергеевич одобрительно хохотнул.

- Вот как?! А мама вас ужинать зовет. Выключай телевизор, папа.

На ужин Мария Тимофеевна приготовила картофельное пюре, жареную утку и грушевый компот. Я ел, стараясь не смотреть на Аллу, но взгляд мой помимо воли то и дело натывался на ее смеющееся, веселое лицо: Алла рассказывала в юмористическом плане о визите к родственнице.

- Главное, что ты ее навестила, - назидательно промолвила Мария Тимофеевна. - А причуд у нее много, я знаю: на них внимания не обращай. Вот Стасик что-то грустный сидит, ты им займись. Может, тебе еще утки положить, Стасик?

Я вежливо отказался. Алла спросила, как я провел время, не скучал ли. Я пробормотал: "Нет" и пояснил, что читал Моэма и после ужина собираюсь продолжить чтение.

Поблагодарив Марию Тимофеевну, мы встали из-за стола. Павел Сергеевич вновь включил телевизор, а я вслед за Аллой поплелся в ее комнату. Уклоняясь от возможного разговора - волнение мое еще не улеглось и я боялся, что Алла его заметит, - я уселся в кресло и открыл "Луну и грош". Алла, порывшись в секретере, достала два тома сочинений А. Блока, толстую тетрадь, листки чистой бумаги и, обратившись ко мне, объявила, что займется в комнате родителей - пока она пустая - обдумыванием второй главы своей диссертации.

- Ты разве ее не бросила? - недоуменно спросил я.

- Нет. Я ее сейчас для души пишу, не для кандидатской - и, между прочим, гораздо интереснее получается, чем тогда, когда по обязанности над ней работала. Ладно, читай, мешать не буду.

Улыбнувшись мне, Алла вышла из комнаты. Минуту я неподвижно смотрел на закрытую дверь, потом вздохнул и уткнулся в книгу.

Читал я долго, внимательно. Из-за двери доносились голоса Марии Тимофеевны и Павла Сергеевича, шум телевизора. Судьба Стрикленда, описанная Моэмом, захватывала и угнетала. "Неужели только отказ от всех граней мира, кроме единственно необходимой, позволяет достичь цели?" - размышлял я, представляя, как забрасываю книги любимых поэтов, писателей, живу впроголодь в нищенской комнатенке, погруженный в философические фолианты и в создание произведений, должных перевернуть цивилизацию. Друзей у меня нет, любовь - зачем она мне? Появятся (если появятся!) ученики, последователи - хватит и этого.

Я содрогнулся: Юра, может быть, такую жизнь и выдержит, а я - вряд ли. Дочитав последнюю страницу, я закрыл книгу, поставил ее на полку секретера и прошел в зал. Мария Тимофеевна и Павел Сергеевич смотрели по

телевизору художественный фильм; я присоединился к ним. Посидел минут десять и, не выдержав бездарности сценариста, вернулся в Аллину комнату. Постоял у секретера, соображая, чем заняться, раскрыл журнал "Моды сезона".

Дверь распахнулась.

- Скучаешь? - спросила Алла и, подойдя к столу, устало положила книги. - Как тебе "Луна и грош"? Я, между прочим, на пятом курсе эту книжку конспектировала; пыталась в Стрикленде разобраться, а через него вас понять.

- Вас - то есть членов КНМ? - уточнил я. - Но кого ты могла сравнивать со Стриклендом: разве только Юру?

- Я брала вас не по отдельности, а как целое, всех вместе, - Алла поудобней устроилась на стуле, словно готовясь длительному разговору. - Не обижайся, Стасик, но сам по себе каждый из вас - обыкновенный парень: пусть умный, начитанный, в чем-то талантливый - но таких много, если вокруг посмотреть. А вот членство в КНМ выделяло вас очень сильно: помню, когда впервые с вами беседовала - в Воронцовском сквере, кажется, - сразу догадалась, что у вас есть своя жизнь, отличающаяся от обычной.

- Причем здесь Стрикленд? - перебил я Аллу, прикидывая, к чему она клонит.

- Не торопись, - остановила меня Алла. - Я хочу последовательно все объяснить: я не только тебе, но и себе рассказываю.

Промолвив эту малопонятную фразу, Алла помолчала, задумавшись, потом продолжила:

- Уяснив, что главное в вас - КНМ, я попробовала разобраться в его сути. Программа была у вас слишком абстрактной, устав отсутствовал, большая часть того, что говорилось на каэнэмовских семинарах, оставалось мне непонятным, а лезть в философские дебри, изучать язык этого ужасного Гегеля мне не хотелось. Поэтому я собиралась с вами распрощаться - ты ведь помнишь мое тогдашнее правило: что не понимаю - отвергаю! - как вдруг сообразила однажды представить КНМ литературным героем, которого нужно характеризовать.

- Неужели представила? - недоверчиво проговорил я.

- И очень даже просто, - торжествующе объявила Алла. - Я выписала в тетрадь все известные мне ваши поступки и высказывания и поставила к ним вопрос: совершил бы или сказал каждый из вас то же самое, будучи не каэнэмовцем, а обычным студентом? Там, где ответ был отрицательным, я рисовала галочку, за-тем переписала отмеченное и получила собирательный образ КНМ. А для анализа этого образа я применила принцип сравнения: взяла героев наиболее "проблемных" произведений и соотнесла с КНМ; оказалось, что ближе всех КНМ соприкасается со Стриклендом.

- Странно! - пожал я плечами. - Никогда не подумал бы! Что же у КНМ общего со Стриклендом?

- В первую очередь: обожествление цели, - Алла разгорячилась, говорила быстро, воодушевленно. - У Моэма Стрикленд полностью отождествил себя

с целью; вы до этого еще не дошли - по молодости и слабости характера, - но стремились как к идеалу: особенно Юра и Гриша в этом преуспели. Цель - не только веха горизонта, но и путь к ней, и плохо, когда человек, пройдя путь и достигнув цели, растеряет по дороге все в себе лучшее. А вы в КНМ лишь этим и занимались: меняли мечтательность на сухость, нежность - на расчетливость, сентиментальность - на цинизм, доброту - на знания. И уверяли всех и себя, что совершаете научный и человеческий подвиг.

- Но ведь это был эксперимент: мы на себе экспериментировали, - почти закричал я. - Если кто и пострадал от наших ошибок, то в первую очередь мы сами. И вообще: это наше личное дело было, чем и как мы занимались.

- Значит, лишь на себе экспериментировали? - в упор взглянула на меня Алла.

Я почувствовал, что краснею.

- Один раз не на себе, - выдавил я. - Но только один раз.

- Да, всего лишь одна человеческая судьба, - насмешливо отозвалась Алла. - И то - это ты думаешь, что одна... Стасик, мы среди людей живем, друг от друга зависим. И если ты ставишь эксперимент на себе, то в него прямо или косвенно вовлекаются другие: родственники, друзья, случайные люди. Иногда сознательно вовлекаются, иногда - сами того не понимая.

- Хорошо, а как на тебе отразилось знакомство с КНМ - жестко спросил я. В интонациях Аллы мне почудилось нечто напоминающее ненависть. "Что с ней стряслось, почему она набросилась на КНМ?" - недоумевал я.

Мой вопрос застал Аллу врасплох. Она откинулась на спинку стула, встряхнула головой и, отчетливо выговаривая слова, произнесла:

- После знакомства с вами я стала бояться умных людей. И мне кажется, это уже навсегда.

- Объясни, пожалуйста! - неторопливо попросил я.

- Попробую В юности я искала ум и знания, даже подружиться старалась с теми, кто старше и умнее. И в КНМ стремилась по той же причине. А когда разобралась, то поняла, что ум ваш опасен, потому что он безнравственен. Ум для вас был средством, которым вы прокладывали дорогу к цели, к мировой славе и научным революциям; окружающее оказывалось сырьем, люди - строительными кирпичами. И не только Рита - любой мог к вам в кирпичи попасть!

- Ого! Мы, по твоему описанию, прямо-таки нечистой силой были, какими-то дьяволами!

- А почему бы и нет! - сердито ответила Алла. - Гетевский Мефистофель и булгаковский Воланд, если взять их высказывания, принадлежат к числу наиболее интеллектуальных литературных героев. Сатана - это ум, которому все позволено!

- Но ведь мы разошлись, распались, - примирительно произнес я. - К чему сейчас говорить о том, что прошло?!

- Да, говорить незачем,- вздохнув, уже более спокойным тоном сказала Алла. - Хотя то, что прошло, имеет привычку повториться, так что можешь с ним завтра вдруг встретиться, со своим же прошлым.

"Рита! Это ее она имеет в виду!", - подумал я и почувствовал, как меня бросило в жар.

- Ладно, Алла, я согласен, что кое-что общее между КНМ и Стриклендом есть, - начал я, спешно меняя направление разговора. - Однако учти: Стрикленд оказался гением, его картины перевернули искусство. Так что если бы КНМ не распался, а продолжал существовать, то для цивилизации это могло быть полезным.

- Мы сегодня уже затрагивали подобную тему, - устало отозвалась Алла. - Я не верю в безнравственных гениев, не верю, что цивилизацию необходимо кромсать и переворачивать: картинами, теориями, революциями. Знание и счастье - не одно и то же, а я сейчас признаю только последнее.

- Но знание показывает путь к счастью, создает для него условия, - возразил я.

- Стасик, ответь мне на один вопрос: будешь ли ты доволен, если тебе дадут счастье, предварительно плюнув в душу?

- Что ты имеешь в виду? - растерялся я. - Не понимаю!

- А вот что: подарят тебе картину, но перед этим отнимут жену - так Стрикленд поступил с кем-то из своих знакомых?! Или другое благодеяние окажут, попиная вначале ногами. Согласен на такое счастье?

- Нет, конечно. Да и никто, я думаю, не согласится.

- Ты так думаешь? - с расстановкой, словно вслушиваясь в свои слова, проговорила Алла. - А мне иногда кажется, что многие именно таким способом счастье зарабатывают. Впрочем, каждому свое - в том числе и свое счастье!

- А какое оно в твоём представлении? - быстро спросил я. Разговор утомил меня, но было в нём что-то завлекательное, - к тому же я не часто видел Аллу столь раскрытой для беседы и не хотел упускать возможности глубже заглянуть в её душу.

- Ваше представление о счастье? - процитировала Алла, улыбнувшись. - Вопрос из анкеты Карла Маркса, да?! Стасик, моё представление о счастье - большое и расплывчатое, однако понятие борьба в нём отсутствует, это я могу сразу сказать. Так что, как видишь, я и Маркс по вопросу счастья - на разных полюсах.

- За счастье нужно бороться, само оно к людям не придет. И если его ждать, как погоды у моря, то можно и не дожждаться.

- Почему? - удивилась Алла. - Счастье - это состояние души, оно неуловимо и переменчиво, в карман его не положишь. Бороться можно за материальное: не путай счастье с удобствами. Правда, бывают, наверное, люди, для которых борьба - счастье, но это особая порода и я с ней ничего общего иметь не желаю!

- Не хочешь иметь общее с Марксом? - возмущившись переспросил я. - У тебя, однако, сверхразвитое самомнение.

- Ничуть. Для Маркса, кстати, счастье в творчестве было, а не в борьбе, - в анкете он это слово для красоты написал, я уверена в этом. А борьба: что в ней хорошего? Борьба ожесточает, приучает всюду видеть преграду или

врага, лишает спокойствия: если ты победил, то обязан удерживать победу, потерпел поражение - готовься к новой битве! Согласен?

- Не совсем, но спорить не буду. Скажи лучше, какое место в твоём огромном представлении о счастье занимает любовь?

Дискуссия начала мне надоедать: в конце концов, главное, что интересовало меня в нашей беседе - не Аллино мнение о тех или иных предметах, а ее отношение ко мне. Поэтому я решился на прямой вопрос: вдруг он поможет мне что-то выяснить.

- Любовь, - повторила Алла, на секунду задумавшись. - Не знаю, Стасик Принято, что для женщины любовь и счастье - одно и то же, но я в это не верю. По крайней мере, для меня они отдельно находятся.

- У тебя точка зрения пятидесятилетней старухи, - с досадой прокомментировал я, недовольный минорностью ответа. Когда у человека расстраивается свадьба, не обязательно облачаться в тогу отчаяния. - Если любовь не является для тебя счастьем, то она несчастье: так по логике?

- Нет, не так. Любовь - это дверь к счастью или несчастью, куда именно - узнаешь, когда откроешь дверь и идешь дальше: иногда месяцы идешь, иногда годы - и постепенно все выясняется. Впрочем, здесь важно еще, какая форма любви тобой владеет.

- Ты имеешь в виду сексуальную и платоническую любовь? - уточнил я, ужаснувшись мысленно своей грубости: способна ли Алла выдержать слово "сексуальную"?

- Нет! - протестующе взмахнула рукой Алла. - Речь не об этом: сексуальное и платоническое в единстве и образуют человеческую любовь; если только одна из сторон присутствует, то получается любовь животного или поэта. А у человека любовь может быть или жертвой: когда он полностью передает себя в любимые руки, или захватом: когда, наоборот, он сам вплетает в свою судьбу другую жизнь, или подвигом: когда, не теряя своей сути и не лишая ее другого человека, он старается все дни и годы быть для этого другого верой, надеждой и спасением.

- Лю-бо-пыт-но! - протянул я, заинтересованный Аллиным разделением любви. - Но не совсем понятно: объясни подробнее.

- Попробую. Я такие обобщения сделала при чтении литературы, поэтому на нее же буду ссылаться. Допустим, любовь-жертва - самая страстная форма любви: обычно она разрывает все общественные рамки и условности и поэтому хорошо не кончается: вспомни женщину, которая влюбилась в Стрикленда и покончила с собой, когда он ее бросил - это пример довольно наглядный. Любовь-жертва чаще всего трагична - и в жизни, и в литературе; редко кто, отдав себя в руки другого и оказавшись брошенным, умеет восстановиться и начать жизнь сызнова: обычно или кончают самоубийством, или доживают свой век обломком кораблекрушения. Любовь-захват мне тоже не нравится: она разделяет влюбленных на слабых и сильных, рабов и хозяев. Рабство может быть добровольным, но от этого оно не перестает быть рабством.

- А если, например, умный мужчина берет в жены глупую женщину, которую он тем не менее любит, и старается сделать ее умнее, доразвить до своего уровня - разве это плохо? - перебил я. - "Насилие - повивальная бабка истории" - говорил Энгельс. И в любви насилие тоже необходимо и оправдано.

- Насилие лишает человека свободы, то есть права выбора, - возмутившись, Алла даже вскочила со стула и остановилась передо мной, сердито сверкая глазами. - А без выбора нет ни жизни, ни любви. Жизнь и любовь только тогда привлекательны, когда ты выбираешь их сама, когда от тебя зависит, быть им или нет.

- Ты хочешь сказать, что человеку интересно жить лишь перед лицом смерти?

- Не совсем так. Если смерть неизбежна, то нет выбора: тогда появляется страх, а это хуже смерти. Чтобы понять меня, вспомни индийских йогов: они умели по своему желанию останавливать сердце. Мне кажется, такое осознанное балансирование на лезвии жизни и смерти и делало их минуты гораздо более наполненными, чем дни и месяцы у европейцев. Что касается любви, то когда она нежная и хрупкая, и любое грубое движение может ее уничтожить - все, в том числе и ты, будут оберегать ее, словно хрустальный сосуд.

- Я - вряд ли! - уныло покачал я головой. - Всю жизнь молиться на любовь - я бы этого не выдержал!.. Ты садись, Алла! И вообще, мы отвлеклись: досказывай про третью форму любви.

Алла обиженно поморщилась, потом рассмеялась и, опустившись на стул, лукаво заметила:

- Действительно, отвлеклась А любовь-подвиг, Стасик, - это то, о чем мечтает каждая умная женщина: когда любовь из единичного чувства превращается в коллективную семейную любовь. В такой любви страсти мало, иногда ее совсем нет, зато много терпения, доброты, заботы друг о друге. Все здесь естественно, как в природе: надрывы и метания отсутствуют. Любовь невесты и жениха умирает, вырастает любовь жены и мужа, затем - любовь родителей к своим детям.

Алла замолчала, задумалась. Я стоял неподвижно, прислонившись к стенке секретера. То, что я услышал от Аллы и что, вероятно, было для нее очень серьезным, осталось для меня словесным рассуждением. Над проблемой любви я никогда не думал; мои любовные знания ограничивались поцелуями, мечтами и тем смутным фрейдовским либидо, что влечет всех мужчин к "слабому полу". В той жизни, которую я собирался вести, любовь могла быть или захватом - если, следовать Аллиной терминологии, - или чем-то мимолетным, ласкающим: как мелодия, долетающая из окна ночью на тихой пустынной улице. Лишь отношение к Алле не укладывалось во мне в определенный стереотип, но я надеялся, что эта поездка и эти разговоры распутают клубок моих чувств, и я вновь стану цельным, живущим наукой и собой, человеком.

- Пора спать! - Алла поднялась, улыбнулась мне - почему-то печально. - Ты будешь в моей комнате ночевать, я сейчас постелю.

- Да, да! - закивал я головой и, помассировав затекшую ногу, направился чистить зубы.

Телевизор в зале был выключен: я и не заметил, когда Аллины родители легли спать. На диване белела разобранная постель: вероятно, Мария Тимофеевна приготовила ее для Аллы. Другую постель - для меня - Алла вынимала из шкафа.

Когда я вернулся в комнату, все было готово ко сну. "Спокойной ночи!" - пожелала мне Алла и, захватив с секретера сборник рассказов О'Генри, вышла в зал.

- Спокойной ночи! - отозвался я. Спать, впрочем, не хотелось. Я был взбудоражен и взвинчен. Электрическими проводами гудели в мозгу события дня. Легкий стук привлек мое внимание; закрыв дверь в зал, чтобы не мешать Алле раздеваться, я подошел к окну. В стороне от дома горел фонарь и было видно, как шевелятся, вздрагивая от удара капель, листья деревьев. "Странный дождь! - подумалось мне. - То ли последний летний, то ли первый осенний. Что-то он мне напоминает, но что?". Приоткрыв форточку, я высунул руку наружу, поймал не-сколько капель - прохладных, влажных. Да, конечно! Такой же дождь был в Одессе в тот день, когда я выскочил из электрички "Кишинев - Одесса" и стоял в вокзальном портике, ожидая, когда окончится этот удивительно холодный для июля ливень и можно будет пройти к остановке троллейбуса. Чемодан я сдал в камеру хранения, в правом кармане топорщился билет на завтрашний поезд "Одесса - Симферополь" и чувствовал я себя легко и раскованно: армия осталась позади и я уже два дня был вольным, штатским человеком.

Я невесело усмехнулся, закрыл форточку и, отойдя от окна, плюхнулся в кресло. Кого я первым тогда встретил? Ах, да - Алексею Галю. Она сидела в кабинете философии, недалеко от двери, и делала выписки из книги. В кабинет я заглянул, надеясь отыскать Гришу Красновского: на кафедре сказали, что видели его недавно, но где он сейчас - не знали.

- Галя, здравствуй! - воскликнул я, подходя к ней. - Сколько лет, сколько зим?!

- Здравствуй! - она приподняла голову, приветливо улыбнулась. - Откуда ты появился? Дождь уже закончился?

- Да, полчаса назад. Я с вокзала: как только дождь перестал, я на троллейбус - и сюда! - Болтал я, оживленный и обрадованный встречей. - А чем ты здесь занимаешься? Никогда не думал, что у тебя появится интерес к философии. Что конспектируешь?

Галя показала книгу - "Материалы 24 съезда КПСС", пояснила, что сдает экзамены в аспирантуру. Два уже сдала - на "отлично", остался спецпредмет: советская литература.

- Тогда ты не то учишь, - удивился я. - Тут, наверное, и слова такого нет: литература.

- Тонкий расчет! - Галя весело рассмеялась. - Принимает экзамен Трофимова, а она в основном по "Материалам" гоняет и партбилет спрашивает. Если он при тебе - значит, ты любишь партию и настоящий коммунист, если его нет - то человек сомнительный.

- А ты разве член КПСС?

- Нет, кандидат, но скоро будут принимать. Слушай, мы тут мешаем другим, пойдем в коридор.

Два года, которые мы не виделись, превратили Галю в красавицу: ее лицо, всегда отличавшееся выразительностью, приобрело мягкий, мерцающий блеск. С изумлением посматривал я на прическу "гарсон", элегантное платье, подчеркивающее стройность ее фигуры, гордую осанку, неспешные движения - та ли это Галя, не умевшая отличить Канта от Конта, на которую я, как истый, философски образованный каэнэмовец, когда-то взирал сверху вниз?! "Да, идут годы, идут! Счастливчик Коля! Маше такую красоту - никогда бы ней не расстался!" - вздохнул я украдкой.

Около кафедры философии коридор резко расширялся, образуя нечто вроде небольшого сквозного холла. Мы направились туда: здесь в углу за стендом находилось самое уединенное место на факультете. Устроившись поудобнее, начали задавать друг другу вопросы. Я узнал, что Галя работает в школе № 10, где директором ее отец, так что Гале там неплохо, хотя ученики, конечно, сущие разбойники. Но вскоре она от них избавится: Трофимова - ее научный руководитель, поэтому экзамен по спецпредмету должен быть легким. В свою очередь, я рассказал о службе, поделился планами на будущее, затем спросил, каковы дела у Коли и Гриши.

Галя нахмурилась: "О Коле - спроси у него, а с Гришей - все в порядке". "Наверное, поссорились с Колей" - подумал я и, меняя тему, пожаловался, что не могу найти Гришу и никто не знает, где он сейчас находится.

- Почему никто: я знаю! - пожала плечами Галя. - Гриша в политехническом институте, здесь будет после обеда, часа в три.

- Откуда у тебя эти сведения? - любопытствовал я. - Ты его видела недавно?

- Но ведь я его жена - как же мне не знать?! - обиженно произнесла Галя.

Я остолбенел:

- Ты - жена Гриши?!

- Да, да, в мае была свадьба, - засмеялась Галя. - Так что можешь поздравить.

- Поздравляю, - пролепетал я машинально, все еще не веря услышанному.

- А как же Коля?

Галя неприязненно взглянула на меня:

- Я ведь говорила: спроси у него.

- Конечно. Извини, пожалуйста, - я тупо смотрел в стенку. "Гриша и Галя - супруги", - это в меня не вмещалось.

Мы молчали. Потом Галя проговорила - сухо, почти официально:

- Я пойду, пожалуй. Нужно учить, - и повернулась по направлению к кабинету.

- Постой! - я схватил ее за руку. - Не сердись! Объясни хоть, почему у вас так получилось? Ты ведь любила Колю, я помню.

Что-то дрогнуло в Галином лице; освободив свою руку, она оперлась на батарею, тихо произнесла: "Наверное, любила", - затем, обернувшись ко мне, резко спросила:

- Ну и что?! Любовь и семья - вещи разные: влюбиться можно в кого угодно, а выходить замуж, делать спутником жизни только одного-единственного. Меня пример Риты многому научил.

- Но Коля - не Юра! Чем он плох?! - обиженно воскликнул я.

- А чем хорош? - сердито бросила Галя, но, спохватившись, добавила более мягко, - конечно, как человек он интересен, добр, порядочен, но для семьи, Стасик, этого мало. Семья - штука серьезная, на ней государство и общество держатся, да и все отношения между людьми тоже первоначально в семье возникают. Коля - эгоист, он только о себе старается. В любви такое можно простить, но для семьи это катастрофа, потому что - да будет тебе известно! - в семье еще и дети вырастают, о них нужно думать.

Взволнованная, Галя отвернулась. Помолчав минуту, я осторожно спросил:

- Галь, ты что, замуж без любви вышла, да?

Краска негодования вспыхнула на ее щеках:

- Почему ты так решил? Гриша - очень умный парень, красивый, честный.

- И аспирант к тому же! - невинным голосом отметил я.

Секунду Галя разглядывала меня, будто прикидывая, каким способом уничтожить, потом, презрительно усмехнувшись, сказала:

- А ты, Стасик, злобствующий завистник, да и подлец, я думаю, - но только тайный, скрытый: не только от других - от себя это скрываешь, чистеньким прикидываешься. Сам ни на что не способен, даже на аспирантуру ума не хватило, вот и ходишь, фыркаешь на тех, кому повезло. Впрочем, что с тобой говорить?!

Галя окинула меня пренебрежительным взглядом, - я оторопело молчал, чувствуя, как начинают алеть мои уши - и, не простившись, ушла. Я постоял, приводя в порядок мысли, затем спустился на первый этаж, выбрался на улицу и зашагал прочь от факультета.

Дул ветер: колючий, порывистый. Солнце, выныривая из-за туч, бросало редкие горсти тепла на черные, вымытые дождем тротуары. Прохожие, зябко кутаясь в плащи, торопливо обходили лужи, поругивая окаянную погоду. Я брел, сам не зная куда; очнувшись на улице Островидова - около общежития, где на втором и третьем курсах жил в одной комнате с Гришей, удивился выбору своих ног, посозерцал здание, набитое абитуриентами и, повинувшись требованиям желудка, поплелся в кафе "Акация".

Студентом я бывал здесь, когда хватало наличности кошелька: ценой - и качеством блюд! - кафе превосходило столовую в полтора-два раза. Меня привлекала сюда малочисленность посетителей и атмосфера чистоты и уюта, превращавшими кафе в подобие хемингуэевского бистро. Но годы меняют - и не всегда в лучшую сторону: с грустью увидел я длинную очередь, грязное

помещение, крикливую старуху в замасленном халате, имитирующую уборку столов. Вздохнув, я вспомнил философское кредо Сенеки: "Избежать всего этого нельзя, однако можно презирать все это", - и стоически пристроился в конец очереди.

Пообедав, я вышел из кафе и, перейдя дорогу, остановился около телефонной будки: до трех часов оставалось сорок минут и я решил позвонить Коле. Вытащив записную книжку, я нашел его телефонный номер, набрал цифры, постоял, слушая длинные гудки, огорченно повесил трубку: если Коли нет не только дома, но и в городе, мне придется ночевать на вокзале. На Гришу я не рассчитывал: после того, как два письма, посланные ему в начале армейской службы, остались без ответа, он был окончательно вычеркнут из списка моих приятелей, и разговор с ним поэтому намечался сугубо деловой: о возможности моего поступления в аспирантуру кафедры философии.

Прогулявшись по Воронцовскому скверу, я отправился на факультет. Поднявшись по лестнице, свернул к помещению кафедры, постучал, открыл дверь. Гриша сидел за столом, беседуя с профессором Антоновым. Я поздоровался, они ответили. "Двадцатая аудитория пустая, иди туда - нетерпеливо бросил мне Гриша. - Я скоро освобожусь". "Ладно", - кивнул я, поворачивая обратно. Гриша, конечно, мог бы быть и повежливее, но что за счеты между старыми знакомыми?!

Войдя в аудиторию - она действительно оказалась пустой, - я побродил между рядами столов, поглазел в окно, заскучав, забрался на преподавательское место: Гриша заставлял себя ждать! Хорошие манеры создаются хорошим воспитанием - такая же редкость в селе, как и в городе. Цивилизация улучшает костюм, но не нравы: в глубине души Гриша, вероятно, остался тем же деревенским парнем, что и шесть лет назад, когда случай сделал его моим соседом по койкам. Я взял тогда над ним опеку, помогая заниматься самообразованием, пока разлад в КНМ, а позже - история с Ритой, не отдалили нас друг от друга.

Стукнула дверь, пришел Гриша. "Извини, старик, задержался, - крикнул он с порога и, быстро подойдя ко мне, уселся напротив. - Ну, выкладывай, что у тебя интересного!"

Я начал "выкладывать", стараясь говорить четче и деловитей. Выслушав меня, Гриша важно подумал и сказал:

- В этом году с аспирантурой ничего не выйдет: тут уже наметили одного, да и Антонов к тебе хреново относится. Вот что: устройся в Одессе работать, походи на наши семинары, с Антоновым помирись - тогда на следующий год попробую тебя протолкнуть. Ты - член КПСС?

- Перед демобилизацией приняли, - ответил я.

- Это хорошо. Сейчас интеллигенту только в армии и можно в партию поступить, в других местах придерживают. Меня и то с трудом приняли, - Галке же, если бы не отец, партийности не видать. А в аспирантуру, особенно по общественным дисциплинам, некоммунистов не берут, к евреям

приравнивают. Вот и выкручивайся, как сможешь! Ну ладно, хватит об этом: не знаешь, как дела у Юры?

- Откуда?! - пожал я плечами. - Я у тебя хотел спросить. Его что, в аспирантуру не приняли?

- Предлагали временно заочную - он ведь беспартийный. - Гриша хмыкнул. - Шефу моему, Антонову, нужно было темку одну разработать, он Юре ее и подсунил, а тот уперся. Дурак, конечно: разработал бы ее - Антонов кандидатскую помог бы защитить, а потом что хочешь, то и делай, вольная птица! Нет, в Николаев уехал.

Гриша сердито насупился: поступок Юры его явно раздражал.

- Тебе Юра никогда не напоминал средневекового алхимика? - задал Гриша вопрос и, не дожидаясь ответа, продолжил, - мне напоминал, и часто. Вокруг век массовой информации и коммуникации, а Юра сидит в читальном зале и выдумывает абсолютную истину, никому, кроме него, не нужную. Так всю жизнь там и просидит, без всякой пользы для общества. И упреки еще бросает: он - настоящий ученый, тогда как другие - чиновники от науки. Но позвольте: кто публикует новые книги, кто воспитывает подрастающее поколение, кто развивает общественное сознание? - не подпольные маньяки, а работники философских кафедр и институтов. Мы занимаемся реальной историей, а не выдумками; пусть и ошибаемся иногда, но не ошибается тот, кто ничего не делает.

Гриша запыхался; замолчав, он сердито махнул рукой, словно отгоняя мысль о Юре, и, посмотрев на меня, произнес:

- Какие планы на вечер имеешь?

- Пойду к Коле, если он будет дома; завтра после обеда поеду в Белогорск. Кстати, разреши тебя со свадьбой поздравить!

- Спасибо! - при упоминании о Коле Гриша нахмурился, затем лицо его разгладилось, он улыбнулся. - Вот Коля еще: нечто вроде Юры, только с обратной стороны. Впрочем, сам увидишь! Такую девчонку, как Галя, упустил, а?! Она - нормальная женщина, ей нужна семья, квартира, деньги на расходы в конце концов - а он ее в подвижники агитирует, идеями кормит. Тут любая сбежит, не выдержит: нынче рай в шалаше даже в книжках тема не модная! Семья есть семья: ячейка социального организма.

«Теперь понятно, кто Галю научил так умно о семье рассуждать!» - мысленно отметил я и спросил:

- Как у тебя семейная жизнь: получается? От науки не отвлекает?

- Н-е-т! - качнул головой Гриша. - Все в порядке! Галя прописалась в бабушкиной квартире - двухкомнатная, со всеми удобствами, - а бабушка выписалась и живет с Галиными родителями. И ей веселее и нам хорошо: квартира на Пастера находится, недалеко от факультета. Я бы тебя пригласил, но ты сегодня с Галей зачем-то поссорился, так что в следующий раз, ладно?! Относительно науки - могу похвастать: две моих работы опубликованы - одна в сборнике нашей кафедры, другая - в киевской "Философской думке". Так что успехи есть.

- Кандидатскую когда будешь защищать? - осведомился я, чувствуя укол зависти: как гладко и прочно складывалась жизнь у моего бывшего казнэмовского соратника.

- Через два года - я только что с Антоновым об этом говорил. Она у меня почти написана - я казнэмовские материалы использовал, - но пока с рецензентами договорятся, защиту организуют, - время пройдет А ты-то как? Что-то у тебя настроение, я гляжу, кислое?

- Средней кислотности! - грустно пошутил я. - У тебя все наперед известно, все ясно; у Юры и Коли, наверное, также, а я сейчас после армии - как в степи зимой. КИМ распался, в аспирантуру сразу не попадешь, нужно на работу устраиваться: куда, где - кто его знает?! В КНМ все друг за друга держались, было на кого опереться, а теперь каждый за себя, у каждого свое.

- КНМ я тоже иногда вспоминаю, - задумчиво проговорил Гриша. - Интересное было время: все рвались к финишу; а кто добежит первым - никто не знал. Ставили на фаворита, а глядь: впереди "серая лошадка", раньше неприметная. Верна все-таки моя теория: о преимуществе сельских ребят перед городскими - помнишь, я ее тебе когда-то объяснял?

- Помню, - кивнул я. Еще в доказнэмовский период, на втором курсе Гриша часто доказывал мне, что село - это нераспаханная целина, хранящая массу талантов и самородков. В селе люди ближе к природе, они вырастают самобытней и крепче, не боятся трудностей, - поэтому, попав в город, обычно выигрывают конкурентную борьбу с горожанами - если она ведется по-честному. Россия - крестьянская страна; крестьяне когда-то прогнали царя и выиграли Гражданскую войну (гегемонию пролетариата, проповедуемую историей КПСС, Гриша отрицал), и сейчас от крестьян по-прежнему зависит будущее страны: если ими продолжат пренебрегать, увлекаясь одной промышленностью, то экономика развалится и страна задохнется в продовольственных и прочих трудностях.

- Слушай, почему ты мне на письма не отвечал? - укоризненно спросил я. - Мы вроде никогда с тобой не ссорились?..

- Как тебе сказать - Гриша скептически приподнял верхнюю бровь, посмотрел куда-то в сторону. - Времени, наверно, не хватало Впрочем, что лицемерить: ты ведь тоже ставил на Юру, тоже к нему подлаживался. Конечно, я многим тебе обязан, да и Юре, но какая между нами могла быть дружба, если вы никогда не равняли меня с собой, всегда я был ниже - это и на семинарах наших чувствовалось, и в отношениях. Думали, если из деревни, значит - дурак. Да и с Ритой тогда: ты себя подло вел, нечего скрывать

- Насчет Риты ты, может быть, и прав, - сказал я, решив не ввязываться в бесполезный спор. - Ты не знаешь, где она?

- Нет, и Галка тоже. Рита тогда сорвалась, ничего никому не сказала. Матери оставила записку, чтобы не волновалась; пишет она ей сейчас или нет - не-известно: Галя спрашивала у Ангелины Васильевны, но та от ответа уклонилась - считает, вероятно, что и Галя пособником Юры была. Какими вы негодьями тогда оказались!

Гриша сжал пальцы в кулак, напряг лицо; потом, расслабившись, отвернулся к окну. Помолчав, я осторожно проговорил:

- Гриша, скажи честно: ты любил Риту?

Не оборачиваясь, Гриша произнес - медленно, слегка печально:

- Нет, наверно. Это было что-то вроде мечты, о которой знаешь, что она мечта и никогда не исполнится, да и не хочешь, чтобы исполнялась - но отказаться от нее не можешь. Был такой кинофильм "Свет далекой звезды" - я его в девятом классе смотрел и с тех пор на всю жизнь запомнил, - и Рита чем-то героиню этого фильма напоминала, тоже светила. Я понимал, конечно, что это блажь, пробовал дуреху в ней увидеть или обыкновенную бабу, - но ничего не получилось, пока Юра не вмешался. Спасибо, развеял иллюзии!

Гриша невесело усмехнулся, взглянул на меня:

- Так-то, Стасик: лучшее в этой жизни достается подонкам, - я это тогда ясно понял. И толстовством и непротивлением злу их не возьмешь, с ними драться нужно, отбивать у них то, на что право имеешь: иначе сожрут, растопчут. Ты, хоть и не из деревни, но из провинции, должен сознавать это. Жаль, что мы с тобой разошлись, - но сам виноват в этом! Помочь с аспирантурой, если на работу здесь устроишься, я попробую: меня в политехническом с зав. кафедрой хорошие отношения. Конечно, тему придется брать ту, какую дадут, но тут ничего не поделаешь, три года можно пожертвовать. Запиши мой адрес и телефон кафедры.

Я записал. Гриша взволновал меня и даже растрогал: я не ждал от него такой искренности и предложения помощи. "Как часто о человеке узнаешь, что его не знаешь!" - подумал я смущенно.

- Всего хорошего, мне пора. Передай привет Коле, хоть он на меня и дует.

Взмахнув на прощание рукой, Гриша ушел. Я посидел, раздумывая о нашем разговоре, потом отправился я улицу звонить Коле.

Этот звонок тоже оказался безрезультатным и я, чтоб не болтаться по городу, поехал в кино. В "Украине" демонстрировали "Лимонадный Джо", я успел как раз к началу сеанса. Фильм был забавный: из тех, что успокаивают нервы и настраивают на благодушное отношение к себе и к миру. Когда он закончился, на улице смеркалось, зажигались фонари. Вздохнув, я вновь набрал Колин номер и едва не подпрыгнул от радости, услышав в трубке его голос. Коля сообщил, что днем был в библиотеке имени Горького, потом - у знакомых; в квартире он один - родители уехали на гастроли Ленинград - и рад меня видеть. Я повесил трубку, дождался трамвая и через полчаса звонил в дверь Колиной квартиры.

Пока я переобувался в комнатные тапочки и мыл руки, Коля накрывал на стол. Как я и ждал, ассортимент блюд оказался великолепен: у Колиных родителей в числе знакомых были два влиятельных работника торговли, поэтому продукты сюда привозили прямо со склада. В предыдущий раз - в мае прошлого года, когда я приезжал в Одессу к Рите - Коля угощал меня клубникой, виноградом, бананами и свежим урюком. Сейчас на столе

царствовали дары моря: консервированная тресковая печень, лосось, осетровый балык, баночки с красной и черной икрой: рядом с ними убогой крестьянкой примостилась жареная картошка.

- Лукуллов пир! - воскликнул я, облизнувшись. - Коленька, когда ты меня так угощаешь, я начинаю думать, что дружу с тобой по расчету. Ей-богу, ты живешь, словно принц!

- Если жить и есть - одно и тоже, то да! - засмеялся Коля. - Прошу за стол, товарищ нищий!

Коля был энергичен и оживлен; я, предполагавший увидеть его в расстроенных из-за Гали чувствах, втайне обрадовался, что не придется выступать в роли утешителя. Ужиная, я вкратце рассказывал Коле о перипетиях последнего года службы. Коля слушал внимательно, изредка вставляя реплики и задавая вопросы; о себе он сказал, что учительство в селе Краснокаменка (Коля попал туда по распределению) оказалось неприятным, но полезным для души занятием.

- Милорд, почему ты ничего, кроме картошки, не ешь? - удивился я, вдруг заметив, что лакомства, выставленные на столе, достаются только моему желудку.

Коля засмеялся.

- Это долгий разговор", - произнес он неохотно.

- Гастрит подхватил?! - посочувствовал я. - В селе пища здоровая, но грубая, не каждому подходит.

- Нет! - поморщился Коля. - Поужинаем - объясню.

Заинтригованный, я поторопился с окончанием ужина; помыв руки, прошел в комнату и сел на диван. Коля, взяв стул, устроился напротив.

- С чего начать? - Коля задумался, потом неторопливо и размеренно заговорил. - Этот год оказался для меня в чем-то решающим. Помнишь, у Платона идеи существуют независимо от людей: когда я приехал в село, то ощутил подобное раздвоение наяву. Во мне гнездились множество идей, как жить правильно; студентом я обычно совмещал их с поступками - благодаря тому, что не участвовал в социальной практике, а только размышлял и зубрил, уверенный, что это и есть полноценное бытие. И вдруг в селе данные идеи стали лишними; я помнил о них, но жил как все - обывателем: не по своему желанию, а оттого, что иначе не получалось. К тому же я был потрясен сельским бытом: в школе - невежественные грубые ученики, с детства поработанные трудом, вином и лицемерием; учителя озабочены только личными огородиками и размером зарплаты. По вечерам население усаживается смотреть телевизор, - одна лишь молодежь, подвыпив, околачивается в клубе и на улицах. Библиотеку посещают дети и местные служащие, - на остальных любая книга, даже детективная, навеивает сон. Представляешь, в ста двадцати километрах находится город с огромной, накопленной веками культурой, - а здесь процветает патриархальность первобытного строя! И в этом имеется свой страшный смысл: при условиях жизни селян книга для них - да и вообще культура! - не только не нужна, но даже вредна, она лишь напоминала бы им про обкраденность их существования. Когда я понял это, мне стало страшно: словно действительно попал в десятый век и не знал, как из него выбраться.

Коля тяжело вздохнул. Я сидел, сжав на коленях руки: разбуженные Колиными словами, вставали передо мной мрачными видениями картины армейской службы.

- В начале зимы задумал я бросить село, школу, документы и уехать в Одессу, - продолжал Коля. - Но меня Вацик остановил: сказал, что жизнь везде одинаковая и если я спасовал сейчас, то спасую и в другом месте. Решил я тогда остаться и сделать все, чтобы вернуться к себе прежнему, к своим идеям; постараться быть человеком не только в теории, но и на практике. Мне как раз Вацик дал почитать "Жить не по лжи" Солженицына - сильная вещь, я ее потом перепечатал! - вот и принялся я действовать по ее принципам: на политзанятиях отказываюсь выступать, на уроках истории даю материал без идеологической интерпретации, на вопросы учеников отвечаю правдиво.

- Ого! - я с уважительным удивлением посмотрел на Колю. - Отчаянный ты человек - я бы никогда не решился!

- И для меня это было в начале - словно в колодезь бросаюсь! Но я себе поблажки не давал: хватит, был уже подлецом, пусть и бессознательным! - Коля побледнел, прикусил губу. "Рита!" - догадался я.

- Какой шум в школе поднялся! - Коля слегка усмехнулся. - Я - один человек, а их целый коллектив; но ничего со мной поделаться они не могли. Беседовали на педсовете, кагэбист приезжал, расспрашивал, но трудовой договор я не нарушал и ничего, кроме фактов, не говорил, так что антисоветчину мне приписать оказалось трудно. А ребята начали интересоваться моими уроками, и мне стало легче: не повинность теперь отбывал, а действительно учил. Тогда администрация распустила слух, что я сумасшедший, и принялась обращаться со мной, как с юродивым.

- Почему ты нынче не в психбольнице? - ухмыльнулся я. - Подобные случаи, если верить "Хронике", именно так кончаются.

- К этому, вероятно, шло, но школа считалась лучшей в районе и не хотела портить репутацию, - поэтому мне предложили уйти "по собственному желанию"; я поговорил с Вациком, он посоветовал согласиться. Так что сейчас я числюсь в отпуске, но заявление об уходе у директора и в августе поеду за трудовой книжкой.

- А где собираешься работать? - полубопытствовал я весело: меня Колина эпопея почему-то не столько поразила, сколько позабавила.

- Не знаю. В горно обо мне осведомлены, в школу не пустят. Наверно, пойду на мебельную фабрику, рабочим, - туда, кстати, Вацик устроился, после того как его из института выгнали.

- Да-а-а! - протянул я, представив интеллигентного, с нежными чертами лица и хрупкими руками Колю, таскающим доски или скатывающим бревна с платформы. - Родителей информировал о своих планах?

- Отчасти. - Коля смущенно улыбнулся. - Они меня более всего беспокоят, особенно мама. Но, надеюсь, убедю их как-нибудь.

- А почему ты ел сейчас только картошку? - напомнил я. - Ты обещал объяснить.

- Это смыкается с тем, о чем я рассказывал. В селе мне стало понятно следующее: преобладающая часть населения СССР питается на уровне мелкого дореволюционного мещанства. Еда, обычная для

привилегированных советских семейств - моя, кстати, тоже к ним принадлежит, хотя и благодаря знакомствам, а не социальному положению, - бывает у большинства лишь по праздникам. Поэтому еще в селе я отказался от льгот, предоставленных мне родителями, и теперь ем и одеваюсь на уровне нынешнего среднего горожанина.

- Ты действительно юродивый! - раздраженно хмыкнул я. - Кому это нужно? От твоих "подвигов" никто даже не почешется! Народничество - пройденный этап истории, а ты его воскрешаешь, да еще в худшем варианте.

- Ты не прав, - спокойно произнес Коля. - В первую очередь это необходимо мне и моим идеям. Я не хочу, чтобы люди, которых я призываю к добру и справедливости, видели во мне барина, не хочу, чтобы нас разделяли предметы, материальное.

- Идеальное, духовное разделяет еще сильнее, чем материальное, - прервал я. - У тебя есть идеи, культура - у них этого нет: да за одно это твои крестьяне, если повторится Семнадцатый год, поставят тебя к стенке.

- Так дадим им культуру - и не официальную полуграмотность, которая хуже полного невежества, - а настоящую, передовую и действенную! Старшее поколение уже ничем не проймешь, я на молодежь рассчитываю.

- Что ты им дашь, какие идеи? - я саркастически улыбнулся, возмущенный как Колиной слепотой и наивностью, так и его непоколебимым спокойствием. - Объявишь, что Ленин - авантюрист мирового масштаба, а Сталин - сиамский близнец Гитлера? Да они тебя камнями закидают и будут правы: кому они станут молиться, если ты разобьешь их идола?! Сладкая ложь всегда лучше правды, особенно горькой!

- Нет, я понимаю, сразу такие вещи говорить нельзя, - задумчиво сказал Коля, вполне серьезно стараясь ответить на мои вопросы. - Но можно начать с объяснений, что Россия - не божественная страна-мессия, а подобная прочим государствам, с адекватными проблемами; что ее история началась не с 1917 года, а гораздо раньше. Миф нужно развеять: будто развитие общества и ступеньки пятилеток - одно и то же; объяснить всем, что нельзя измерять социальный прогресс техническим: индустрия Древнего Рима, построившего пятиэтажные дома и водопровод, была в шестом веке наимогущественнейшей - но падение морали, культуры, социальная деградация превратили римлян в вырождающуюся нацию, неспособную сопротивляться технически отсталым варварам.

- Хватит! - хмуро махнул я рукой. - Я ничего не имею против твоих идей, но для тебя было бы лучше, если б ты держал их в лукошке, а не выбрасывал наружу. Сейчас пора косцов, а не сеятелей: приподнимешь голову - отрежут! Я из-за этого на пятом курсе с Вациком порвал. Я в концлагерь не тороплюсь, да и не понимаю: есть ли смысл рисковать своей свободой во имя того, чтобы двадцать дураков сделались умными?!

- Наверное, есть, - помрачнев, бросил Коля. - Вацик ведь рискует! И благодаря ему я, ты, Рита и многие другие сделались умнее. Истина - словно атомная реакция, по цепочке передается. Я не претендую на абсолютную правду своих идей, но в практике все проверится. Вацик, между прочим,

тоже моих взглядов не разделяет, у него другая позиция А как ты думаешь жить?

- Я остался верен КНМ, его идеалам. Только наука может привести человечество к коммунизму - и ничто другое! Жить обывателем не собираюсь: расшибусь, но свою теорию относительности открою! Мне сейчас двадцать пять - если протяну до пятидесяти лет, то для осуществления цели этого хватит - а потом можно и умирать! Я не хочу исчезнуть бесследно, после меня на Земле что-то должно остаться!

- Да, КНМ - понимающе промолвил Коля. - А где будешь работать? Или пойдешь в люмпены?

- Гриша предложил помочь с аспирантурой - это пока единственный вариант. У меня после армии в мозгу пусто, нужно восстанавливаться, собрать прежние знания - и идти дальше!

- Ас-пи-ран-ту-ра? - протянул Коля. - Да еще одесская Если это и выход, то наихудший. Сильнейшие гуманитарные аспирантуры находятся в Москве, только там можно знаний набраться. В Одессе из тебя пропагандиста будут выучивать, а не ученого: если заупрямишься - выгонят!

- В Москве запросто тоже не возьмут, необходимо знакомства иметь или приличный реферат - уныло произнес я. - А мне в ближайшие полгода такой реферат не осилить.

- У Вацика в Москве есть знакомые в институтах, - оживился Коля. - Ты когда уезжаешь? Завтра?! Жаль: Вацика еще два дня в Одессе не будет, он в Москву отправился. Ну, ничего, ты сюда еще приедешь, что тебе в Белогорске делать!

- Посмотрим Коля, а где сейчас Рита?

Коля уже вставал, намереваясь покончить с разговором, но, услышав мой вопрос, встрепенулся и сел на стул.

- Вацик говорит, что билет у нее был до Москвы, - а куда она дальше направилась, неизвестно.

- Откуда у него такие сведения? - изумился я. - Он что, с Ангелиной Васильевной знаком?

- Нет, он случайно Риту тогда встретил, проводил на вокзал. Дал ей несколько адресов в Москве, она взяла, но сообщить, куда едет, отказалась.

Коля помрачнел, задумался. "Переживает, - тихонько вздохнул я. - И мне эта история, когда вспомню, тоже не по душе".

- Дурака мы тогда сваяли - осторожно промолвил я. - Подлец Юра: и тебя, и меня объегорил!

Коля помолчал, поднял голову.

- Для нас это, наверно, навсегда рана. - Коля печально взглянул на меня, отвернулся. - Мне, когда я все понял, жить стало противно. Хотел тоже уйти из университета, на госэкзамене отвечать отказался - но мне тройку почему-то поставили. А потом село на меня навалилось, Галя Чуть до самоубийства не дошло.

Коля вяло усмехнулся:

- У Феликса Пита Родригеса одно стихотворение начинается:

Он не хотел стреляться.
Но порою наша
Вся жизнь - как у виска
Холодный револьвер

Я тогда бродил вечерами по комнате и повторял, повторял эти строчки
Потом как-то отвлекся, Вацик помог

- А о Юре ничего неизвестно? - яростно спросил я. - Меня иногда так и подмывало найти его и набить морду.

- Он в Николаеве, наверное Кулаком ты ему ничего не докажешь и ничего в нем не изменишь. - Коля встал, взялся руками за спинку стула. - Как ужасно, что именно Юра оказался подонком, что все рухнуло из-за него: и Рита, и КНМ!

- Ну, тебе-то что себя упрекать: ты с ним всегда спорил!

- Я не из-за спора спорил, а пытался его поправить. В его казнэмовстве мне чудилась надуманность: словно он играл - серьезно, старательно, но с сознанием, что когда-нибудь придется бросить и заняться настоящим делом. А КНМ уже был не игра, не средство нашей интеллектуализации - мы с ним судьбами срослись, личностями. Я и нравственностью вначале занимался, чтобы Юру с ее помощью переубедить: в философских дискуссиях это не удавалось, Юра меня разбивал. И любовь! - я верил, что она его изменит, даст почву для человечности: ведь личность в нем таилась гигантская!

- Все было гигантским: и ум, и подлость! - я поднялся, заканчивая разговор, подошел к книжному шкафу, потом, вспомнив, повернулся и спросил:

- Если не секрет, почему у тебя с Галей так получилось?

Коля вздрогнул, словно от удара; я пожалел о своем вопросе, но отступить было поздно: я смотрел на Колю и ждал ответа. Коля прошелся по комнате, остановился возле меня.

- Иногда я думаю, что это возмездие рока - за Риту! - Коля попробовал усмехнуться. - А в общем: выбирала и решала Галя, не я. Почему она выбрала так: не знаю, мне это до сих пор не ясно И давай на эту тему больше не говорить!

- Конечно! - закивал я головой. - Чем займемся? Читением?

- Да, мне одну книгу нужно дочитать

Я взял из Колиной библиотеки томик Сименона и уселся на диван. Коля в соседней комнате читал Корнилова "Молодые годы Михаила Бакунина". Спать легли поздно и встали часов в одиннадцать. Позавтракали, поболтали, повспоминали КНМ: как Коля уговаривал родителей, чтобы они разрешили ему жить во "дворце", как Гриша учил нас топить печку, о казнэмовских семинарах, прогулках у моря, сногшибательных идеях Потом Коля проводил меня на вокзал и утром следующего дня я трясся в автобусе, торопящемся в Белогорск - город моего детства.

Три недели я отдыхал: ездил на море в Судак, купался, перечитывал

А. Грина, Джека Лондона; затем, приведя в порядок оставшиеся от КНМ записи, взялся за философскую литературу. Родителям, недоумевающим, почему я не рыскаю в поисках работы, пришлось сказать, что в Одессе мне предложили аспирантуру и нужно теперь готовиться к вступительным экзаменам. Восторга это известие не вызвало: по мнению родителей, я должен был не уезжать за тридевять земель, а заняться обеспечением семейного благополучия и выведением "в люди" несовершеннолетних сестер, - но, после ряда крупных разговоров, меня оставили в покое.

Утром, позавтракав, я садился конспектировать литературу, вечером шел в кино или, улегшись на кушетку, слушал грамзаписи классической и эстрадной музыки. Первую неделю я, истосковавшись по систематической научной работе, занимался легко и увлеченно, потом мой пыл стал остывать и вскоре после двух часов философского штудирования я удерживал себя за столом только усилием воли. Мозг, ранее свободно усваивавший сотню прочитанных за день страниц, теперь с трудом вмещал шесть-семь листов информации. Объяснив это переутомлением, я отправился на экскурсию в Ялту, однако, возвратившись, убедился, что результаты моих книжных занятий остались на прежнем уровне; через неделю они упали к нулю. Армия расколола меня пополам: сердцевина осталась в КНМ, а скорлупа, потерявшая вкус и смысл жизни, очнулась в Белогорске, не зная, куда приткнуться гудящую от раздумий голову.

Словно в бреду, метался я в отчаянии: клял армию, просматривал, разыскивая себя прежнего, дневники, напивался, стремясь алкоголем обострить четкость мышления и понять, почему гибнет моя основная надежда. Бессонница наполняла ночи кошмаром: казалось, все кончено и прибой обстоятельств неотвратимо несет меня в повседневность - к тому берегу, от которого я пытался избавиться. Будто дамклов меч, повисло надо мной: "Быть ученым - или не быть вообще!" Выпав из жестких армейских рамок, я получил свободу: право жить не болванкой, заказываемой ситуацией, а самоопределяющимся существом, - и в свете этой свободы вдруг предстал рыхлым конгломератом, лишенным тех твердых этических норм, которые выкристаллизовывают существо в цельную личность. Штудирование давало пищу уму - не чувствам; ум, переросший чувства, оторвавшийся от них, становился изгоем, удалившимся в пустыню и чахнувшим там от самумного зноя одиночества. К цели можно было добраться только всем собой; догадавшись об этом, я вернулся памятью в КНМ, собирая по дороге брошенные ранее мечты, идеалы, стремления - то, что позволяло мне жить когда-то наукой и целью. Путь в будущее вел через прошлое и пролегал он во мне самом - и я, отложив философские книги, углубился в каэнэмовский архив, просматривая конспекты, записи, странички дневника, письма. Возникавшие проблемы пугали своей громадностью: по плечу ли мне цель? сумею ли, привыкший работать в коллективе, перейти на автаркическую деятельность? какое средство необходимо для цели: аспирантура? новое Уолденское озеро? новый КНМ?.. День за днем исписывалась бумага, чередуя стенания с бодростью проектов.

Чтобы ответить, нужно знать, на что отвечать, - однако там, позади, кроме ясных и четких, оставался еще один, туманный и беспокойный вопрос, который почему-то никак не могли схватить и сформулировать клещи логики. А без ответа на него - это ощущалось смутно, но сильно - путь в будущее для меня закрыт.

В ящике стола я обнаружил тетрадку с Ритиными стихами и фотографией: подарок Риты в "Вечер прощания", когда каэнэмовцы устроили мне проводы в армию. К Рите - после ее любовной неудачи - я относился с жалостью, смешанной с осуждением: слишком уж нерасчетливо поторопилась она полностью уступить Юре. Впрочем, чужие дела - потемки; полистав тетрадь, я бросил ее в шкафчик: проблемы, мутившие мою голову, не оставляли времени для поэзии. Но как-то ночью, когда в квартире все спали, я, страдая бессонницей, достал тетрадь и, перевернув обложку, вдруг услышал бьющийся в мелодии рифм Ритин голос. Постепенно уплыл куда-то прочь и проблемы, светило солнце, разбросалась улицами Одесса и мы, пока не знающие никаких туч, кроме небесных, вновь бредем по булыжной мостовой: Рита читает стихи, рассказывает о любви Пушкина к Собаньской - агенту Третьего отделения, о столкнувшихся весной 1914 года восемнадцатилетней Марии Денисовой и Маяковском, спасшемся тогда от самоубийства поэмой "Облако в штанах"; заводит меня, таинственно прижимая к губам палец, на лестницы старых домов, еще помнящих Олешу, Багрицкого, И. Бунина, братьев Катаевых Рита была здесь, рядом, - и, беседуя с ней, просматривая - страницу за страницей - нашу странную дружбу, я, дойдя до ее истории с Юрой, неожиданно ощутил тяжкое, нарастающее удушье стыда: словно Гриша был прав и Юра нанес Рите рану не только своими, но и моими руками.

Я думал об этом долго, почти до утра; потом, встав, спрятал тетрадь и фотографию в дальний ящик стола: ноша забот уже пригнула меня к земле и было бы глупо взваливать на плечи еще и камень вины. Рита - это то, что прошло, о чем нужно забыть и не вспоминать, потому что постыдные воспоминания - как штормовое море: в них тоже можно захлебнуться и утонуть.

Шла середина сентября, а я все еще сражался с ветряными мельницами проблем. Между тем обстановка в доме ухудшилась. Родители, и до этого посматривавшие на меня сердито и недоуменно, теперь открыто заговорили, что двести рублей, которые я отдал им по приезду, уже заканчиваются, кормить же явного бездельника им не под силу. Сестры, поощряемые молчаливым семейным одобрением, избрали меня объектом для шуток, выкрикивая по утрам: "Привет аспиранту!" и рассуждая за обеденным столом о разновидности лени, овладевшей их старшим братцем. Поняв, что пора уезжать, я запаковал вещи и книги в посылочные ящики, договорившись с родителями, что посылки мне будут высланы по указанному в письмах адресу.

Путь мой лежал в Одессу - и, если получится, в Москву; однако, поразмыслив, первой маршрутной остановкой я избрал Николаев, поскольку

именно в нем обитал Юра, создатель и разрушитель КНМ, загадочный облик которого продолжал властвовать над моей душой. Как он? - не нужны ли ему компаньоны? Вдруг он, как в доброе, старое время, поможет мне быть тем, кем я хочу стать?

Здесь же, в Николаеве, проживала Алла Чуркина. Память, оттолкнувшая меня на два года назад, упорно воскрешала Аллу такой, какой я видел ее в "Вечер прощания" - и потом, в период офицерских сборов, когда каждое свидание с ней превращалось в праздник. Напрасно я объяснял себе, что это мираж, на который нельзя обращать внимание, чтобы не сбиться с пути и не остаться в песках мечтаний, - память твердила свое и я, шагающий в прошлом, как в настоящем, уже не знал, забыть ли мне Аллу или, подобно сказочному герою, отправиться разрушать разделившие нас чары. Поездка в Николаев становилась все более необходимой - прочность воздушных замков можно испытать, только в них поселившись, - и в конце сентября я, попрощавшись с родительским домом, выехал в Симферополь, с трудом достав там билет на полночный рейс николаевского автобуса.

Резко поднявшись с кресла, я выпрямился, повернулся в сторону окна. Дождь шумел ровно и безостановочно. "При такой погоде хорошо спится: Алла, наверное, уже заснула - решил я. - Пора и мне: схожу в туалет - и в постель!" Приоткрыв дверь, я шагнул в зал и остановился: Алла не спала. Закутавшись по горло в одеяло, она лежала, подперев подбородок рукой; свет настольной лампы вырисовывал ее лицо - задумчивое и удивительно грустное. Было в ней что-то трогательное, по-детски беспомощное; я замер, стараясь не дышать, и смотрел на нее, смотрел. Наконец Алла шевельнулась, тихонько вздохнула и, протянув руку к лампе, нажала выключатель. Осторожно переставляя ноги, я вернулся в комнату, посидел у окна, разглядывая дождь и деревья, - когда Алла, по моим расчетам, заснула, прошел в туалет; возвратившись, аккуратно разделся и залез в постель. "Почему Алла такая грустная? - сонно мелькнула мысль. - Неужели из-за любви ко мне?!" Счастливо улыбнувшись, я повернулся на правый бок и, убаюканный аккомпанементом дождя, погрузился в сон.

Разбудили меня солнечные лучи: скользнув по глазам, они торопливо открыли их, поспешили дальше - по ковру на потолок, осветили угол над головой и, отразившись в трюмо, забегали зайчиками на дальней стене. Восхищенный, я наблюдал их игру, чувствуя, как душа наполняется легкостью и весельем, хочется жить - прекрасно и хорошо, и нет никаких проблем и загадок, нужно лишь раскрыть себя разлившемуся вокруг свету. Комната, безлично-обыкновенная вчера, искрилась хрустальным гротом; приподнявшись, я сел на кровать и, словно древний идолопоклонник, протянул руку к окну, откуда вливалось вместе с солнечными лучами прозрачное, обещающее день и удачу, осеннее утро.

Стук в дверь прозвучал резко и неожиданно. "Стасик! - донесся из-за двери голос Марии Тимофеевны. - Пора вставать, уже девять часов. Скоро завтракать будем".

- Сейчас, - откликнулся я, энергично подвигав руками и поприседав, я натянул на себя одежду, оправил постель и поспешил умываться.

- Доброе утро! - встретила меня на пороге Мария Тимофеевна. - Как спалось? Прости, что разбудила, но завтрак готов, и я решила

- Ничего, ничего - воскликнул я, весело улыбнувшись. - Я как раз сам вставать собирался. А спалось чудесно, точно на пуховике.

Пожелав всем доброго утра, я прошел в ванную комнату; умывшись, присоединился к сидевшим за обеденным столом Алле и Павлу Сергеевичу. Мария Тимофеевна положила в тарелки жаркое, принесла хлеб, маринованные грибы, огромную вазу с виноградом.

- Мама! Садись кушать, хватит бегать! Мы сами возьмем остальное, - недовольно произнесла Алла.. Выглядела она озабоченной; я вспомнил, какой грустной видел ее вчера ночью и почувствовал прилив жалости.

- Многоуважаемая Алла Павловна! - промолвил я торжественно. - От имени и по поручению своего сердца разрешите поздравить вас с днем рождения и пожелать быть сегодня и всегда счастливой и здоровой! За уши тянуть тебя будем?

- Нет, не надо, - заторопилась Мария Тимофеевна. - Она достаточно выросла, а то вновь платья покупать придется.

- Как же, потянешь ее за уши! - обиженно пробурчал Павел Сергеевич. - Я попробовал - так тут такой шум поднялся!

- Нужно только дотронуться до ушей, отдать дань традиции, - вспыхнула Алла. - А ты действительно растягивать их начал, словно Прокруст какой-то.

- А меня сегодня разбудило солнце, - вмешался я, переводя разговор в более мирное русло. - Есть примета: комната, посещаемая по утрам солнцем - счастливая! Так что тебе, Алла, с комнатой повезло.

Алла благодарно улыбнулась. Поощренный, я принялся рассказывать смешные истории из студенческого быта - и завтрак мы окончили в веселом, благодушном настроении. Мария Тимофеевна вместе с Аллой взялись за мытье посуды, Павел Сергеевич отправился в киоск за газетами, а я напросился подмести комнаты: вынес половики, побрызгал водой пол и с видом профессионального уборщика быстро задвигал веником. Вскоре мне на помощь пришла Алла: мы вымели сор, вытрясли половики на улице и, помыв руки, присели отдохнуть.

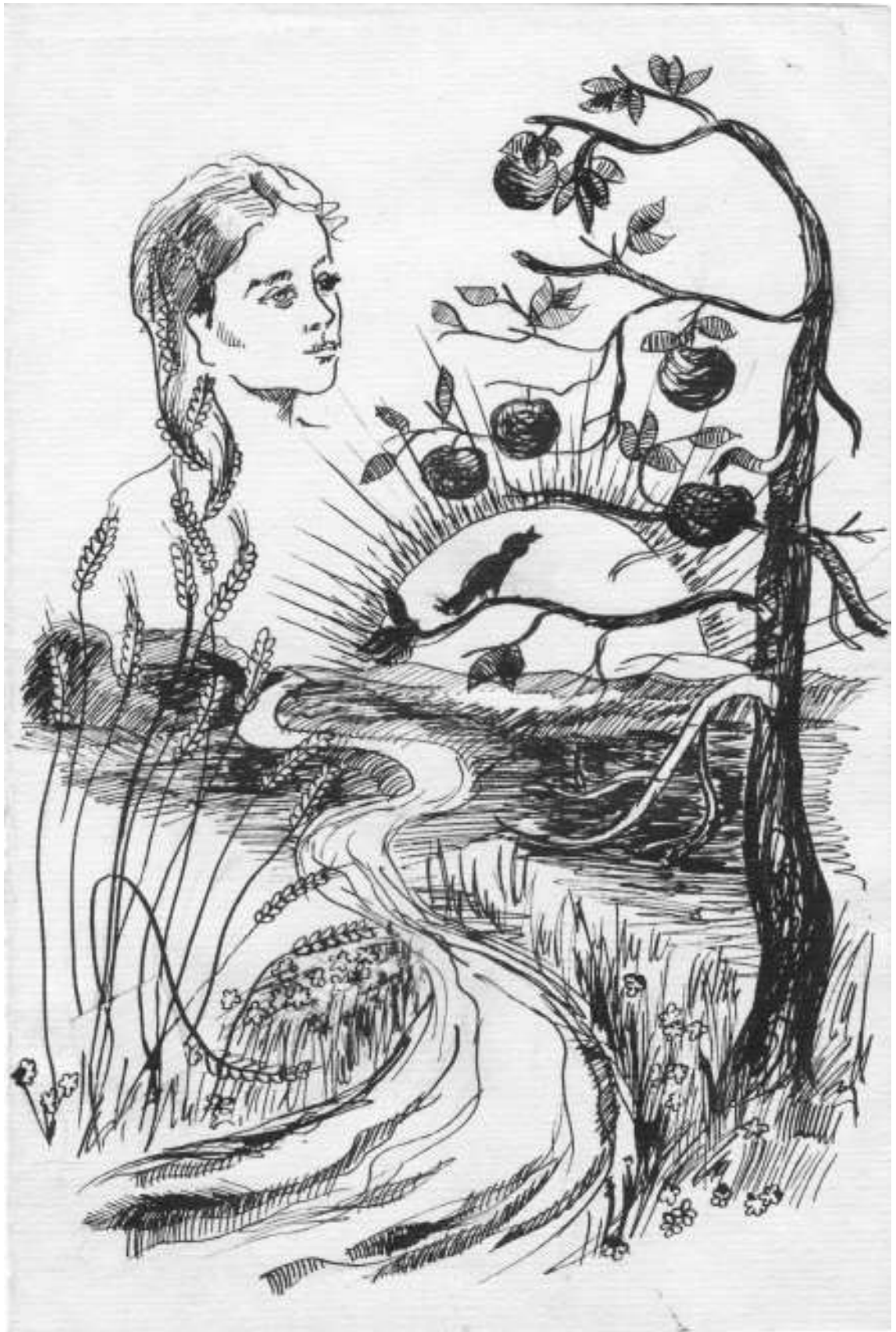
- Как два голубка сидите! - умилилась Мария Тимофеевна, зайдя в комнату. - Молодцы, хорошо убрали!

- Где? Кто голубки? - Павел Сергеевич, шуршавший у окна газетами, проворно обернулся. - А-а Давай поженим их, Маша?

Я растерянно посмотрел на Аллу. Заметив мое смущение, она ободряюще кивнула мне - мол, не обращай внимания, сердито сверкнула на отца глазами.

- Перестань, Павел! - укоризненно проговорила Мария Тимофеевна и, дотронувшись до Аллиного плеча, попросила - Аллочка, ты не сходишь в мага-зин? Нужно свежей рыбы на вечер купить.

- Хорошо, мама, я только кофту одену, - поднявшись, Алла направилась переодеваться.

- Стасик, почитай пока, телевизор включи. Хочешь винограда? - предложила Мария Тимофеевна.

- Нет, нет. Я провожу Аллу, потом на автовокзал поеду, куплю на завтра билет.

- Ну, ладно, - Мария Тимофеевна, вооружившись тряпкой, начала протирать шкаф. Присмиривший Павел Сергеевич глубокомысленно изучал газеты. Я сунул в карман кошелек, подождал Аллу и вместе с ней вышел на улицу.

На тротуарах маленькими озерцами поблескивали лужи. Солнце старательно светило, но воздух оставался прохладным и я пожалел, что не захватил плащ. Алла шла не торопясь, о чем-то думала. Я сорвал с дерева веточку, стряхнул капли воды, церемонно преподнес Алле; она молча взяла ее, поблагодарила кивком головы.

- А ведь Алла красивая! - обожгла меня мысль. - Странно, почему я вчера этого не заметил.

Стройная, изящная, с одухотворенными чертами лица, спокойными темно-серыми глазами, Алла показалась мне той воплотившейся в явь мечтой, за которой гонялся всю жизнь художник и фантазер Модильяни. Я тревожно огляделся по сторонам, вдруг представив, что все прохожие уже давно с восхищением смотрят на Аллу - и на меня, поскольку я иду рядом с ней, - и мне стало неловко и стыдно, что я беспричинно оказался в центре уличного внимания. Но прохожие двигались, глядя прямо под ноги, больше интересуясь лужами, чем нами; я опомнился, выругал себя за выдумку, покосился на Аллу - не догадалась ли она о моих мыслях? - и, сглаживая чувство досады, негромко спросил:

- Алла, отчего ты грустная, что тебя мучает?

Алла ответила сразу, ничуть не удивившись вопросу:

- Перекресток у меня. Бывает так: идешь, идешь, и вдруг - перекресток, нужно куда-то сворачивать. Стоишь, выбираешь, а время бежит, все вокруг торопятся: быстрее, быстрее, да и самой стоять надоело. А какой путь выбирать - не знаешь.

Алла вздохнула, убавила шаг:

- Мне сегодня двадцать шесть исполнилось: подумать страшно, как это много! Обычно люди свои перекрестки к такому возрасту давно преодолевают, живут ровно, предвидят, что ждет их завтра, а у меня неуверенность, сомнения И это лет шесть уже, с третьего курса. Представляешь, столько времени носить в себе перекресток и не мочь от него избавиться!

- Чего проще: решишь и иди по любому из направлений, - возразил я. - Человек не зависит от пути, который выбирает, скорее наоборот. Помнишь рассказ О'Генри "Дороги судьбы": как не петляй, судьбы не избегнешь!

- Нет, Стасик, нет, - прервала меня Алла. Чувствовалось, что разговор ее очень волнует. - Я думала об этом, часто думала. Если человек и дорога не совпадают, то человеку приходится возвращаться - что всегда трудно, если не невозможно. Ведь дорога - не просто идешь, но и поступи совершаешь:

замуж выходишь, например, или работу меняешь, или друзей врагами делаешь. Для каждого человека есть в жизни несколько дорог, по которым ему можно ходить, на остальные - проход воспрещен. Ошибешься в выборе - пропадешь: или дорога сгубит, поскольку ты к ней не приспособлен, или сам себя покалечишь с отчаяния.

- Чересчур сложно, хотя и логично, - пожал я плечами. - Это теория, а на практике ты просто ставишь цель и идешь к ней, и выбор дороги полностью определяется целью.

- Да?! - насмешливо спросила Алла. Мой скепсис явно охладил ее пыл, и она теперь не выговаривалась, а спорила. - Вспомни тогда 14 декабря 1825 года и руководителя декабристов князя Трубецкого: почему он не вышел на Сенатскую площадь? И цель была, и средства на площади в каре строились - но все чужим оказалось, не его, - ошибся он в выборе дороги. И расплатились за его ошибку: он сам, восставшие и Россия Впрочем, к чему эпические примеры - возьмем тебя: ты ведь, кажется, больше моего маешься, мечешься, хотя и цель, и средство - все у тебя известно.

- Ты хочешь сказать, что я иду не по своей дороге?! - растерялся я.

- Вполне может быть! Вбили тебе в КНМ, что ты должен стать ученым: вот и тянешься вслед за Юрой и Гришей. А тебе, возможно, в кого-то другого предназначено вырастать: пусть просто в хорошего человека - это все-таки лучше, чем оказаться плохим ученым.

Удар был чересчур силен - во мне все окаменело. Святая святых - цель моей жизни - грозила рухнуть, похоронив меня под обломками. Гнев и злость на Аллу душили меня, еще мгновение - и я бы расплакался. Остановившись, я повернулся и пошел назад.

- Стасик, стой! - Алла бегом догнала меня, шагая рядом, умоляюще проговорила:

- Прости, пожалуйста, это нечаянно получилось. Я не думала, что для тебя все так больно. Слышишь, Стасик?!

Оцепенение внутри меня прошло; я глубоко вздохнул и вновь развернулся на сто восемьдесят градусов.

- Ничего, - я сделал попытку рассмеяться. - Это ты меня прости: какие-то нервные срывы, как у кисейной барышни!

- Нет, виновна я, - Алла осторожно взяла меня под руку. - Троллейбусная остановка за домом слева, я тебя проведу туда.

Мы шагали молча. Я чувствовал тепло Аллиной руки; злость моя улетучилась и я недоумевал, как мог рассердиться на Аллу - да еще в день ее рождения!

Троллейбус ждали долго, минут десять. Сидели на скамейке, разговаривали. Алла рассказывала о своих николаевских подругах: почти все они холостые, только Нина (я видел ее два года назад у Аллы в доме) замужем, имеет восьмимесячного ребенка, но с мужем живет плохо, часто ссорятся. В редакции Алла дружит с литсотрудницей Милой и младшим корректором Наташей - вероятно, они придут на день рождения. Миле - 36 лет, в юности она была невестой летчика-испытателя, но он погиб перед

свадьбой и с тех пор она одна; Наташе - 18 лет, Алла ее опекает, дает читать книги, учит жизни

Подошел троллейбус; Алла объяснила, на какой по счету остановке мне сходить и, приветливо махнув рукой, направилась к пешеходной дорожке: рыбный магазин находился на другой стороне улицы. Прокомпостировав талон, я протиснулся поближе к выходу, на переднюю площадку; дверцы, закрываясь, шелкнули и троллейбус двинулся.

Держась за поручень, я стоял, думая об Аллиных словах. Пять лет жить мечтой о науке и вдруг - "чужая дорога"! Нелепость какая-то Я тряхнул головой, отгоняя эту мысль, но она возвращалась, настойчивая и неумолимая, и постепенно во мне появилось ощущение, что я сам - и совсем недавно! - приближался к подобной идее, но так и не смог (или не осмелился) ее сформулировать. Да, конечно - в Белогорске: тот смутный вопрос, не улавливаемый логикой Но почему "чужая дорога": разве я глупее Гриши?! Хотя равняться с Гришей, пожалуй, нельзя, он - не ученый, а служащий, популяризирующий в философской форме одобренные начальством истины. Однако и я, поступив в аспирантуру, стану таким же: чтобы не выгнали, не лишили кандидатской зарплаты и привилегий. И, как многие из моих знакомых, начну жить, жертвуя службе три года, потом еще столько же, еще: в мифической надежде когда-нибудь - при новых временах и добром царе Горохе - заняться настоящей наукой. А пока таких времен нет - буду стряпать "идеологически выдержанные" статьи, диссертации, мыслить в дозволенных пределах, витийствовать перед студентами - не замечая, что год за годом иссякает талант и моя жизнь уже давно превратилась в печальную, неисправимую ошибку.

Я расстегнул на рубашке верхнюю пуговицу: меня бросило в жар. Неужели Алла права и путь ученого мне недоступен: поскольку нет его для гуманитарных профессий, вообще нет! Куда же теперь: в штукатурки, в вахтеры? Как Юра, закрыться замком одиночества и писать для себя и тридцатого века? Но Юра - талант, у него есть воля и знания, тогда как у меня сейчас, после армии Нет, на его путь я не сверну: зачем биться головой о стену, заранее зная, что расшибешь голову. Лучше еще поискать выход, потыкаться из стороны в сторону. Вацик, например, стал "домашним" философом: печатается в журналах Самиздата. Что ж, пусть печатается Писать под угрозой тюрьмы способны только дураки и гении, для нормального человека это психически невозможно.

-Автовокзал - кому выходить! - ворвался в мое сознание голос водителя. Чуть не проехал! Я выскочил из троллейбуса, перешел дорогу и, пройдя мимо памятника, повернул к автовокзальной двери. Касса предварительной продажи билетов размещалась в правой части здания; в очереди толпилось человек десять. Выяснив, за кем мне стоять, приготовился к томительной скуке ожидания: о серьезном думать в очереди трудно - то скандалы мешают, то заволнуешься, что нет билетов, то людей пересчитываешь: сколько их осталось между тобой и кассой. Отчасти я был этим доволен: серьезность переживаний, глотаемая помногу и долго, сушит душу; обитать там, куда не

доходит солнце - удел тени, а не ее владельца. Человеку нельзя забывать, что, кроме страданий и бед, и смерти - ужасной даже на картинках, ему доступны радость и смех, природа, мгновения счастья и то удивительное состояние души, которое наши предки объединили когда-то общим созвездием "Вера, Любовь и Надежда". Рухнула цель, загнав меня в мышеловку, но светит солнце, торопятся по делам люди, - и я успокаиваюсь, понимая, что нет безвыходных ситуаций, жизнь продолжается и это самое главное.

Купив билет, я поехал на Советскую улицу, решив побродить по магазинам и поискать подарок для Аллы. Сойдя с троллейбуса, направился в ЦУМ, однако, сколько ни ходил из отдела в отдел, ничего подходящего не увидел. В "Детском мире" меня заинтересовала кукла, произносившая "мама" и кокетливо хлопавшая глазами; я долго присматривался к ней, но не сумев убедить себя, что двадцатилетняя девушка должна обрадоваться такому подарку, переключился в "Парфюмерию", где по совету продавщицы приобрел духи "Лесной ландыш". Около сквера, заполненного детьми и пенсионерами, древняя, сгорбленная старуха продавала цветы: я выбрал букет поярче. В "Ювелирном", куда я заглянул из любопытства, цены явно превышали мои возможности, и я, вздохнув, отправился в магазин "Подарки". Идти было приятно: мне нравилась улица Советская - чистая, широкая, обсаженная деревьями, с запретом на проезд транспорта, благодаря чему каждый прохожий, планирующий по ее середине - действительно, царь природы, а не законная жертва автомобиля. Тверская (Горького) в Москве, Дерибасовская в Одессе и другие подобные им улицы считаются центральными только для картографической ориентации, тогда как Советская - сердце города, куда ежевечерне стекаются тысячи николаевцев, чтобы, пройдя сквозь улицу, точно через гигантский фильтр, очистить себя от накопившейся за день скверны.

Доукомплектовав презент купленной в "Подарках" чеканкой с изображением парусного корабля, я прошел к бульвару Ушакова, постоял, глядя на мост, на сливающиеся воды Ингула и Буга, повспоминал, как два года назад ездил по этому мосту на тактические занятия, полюбился Соляными и, вернувшись в глубину аллеи, уселся на уединенную скамейку. Нужно было упорядочить мысли, наметить, что делать. Как я и предполагал в Белогорске, моя поездка в Николаев многое прояснила: уже после посещения Юры я, увидев его эгоцентризм и отталкивание от официального русла, ощутил шаткость своих стремлений; разговоры с Аллой, ее отрицанием КНМ и моего научного призвания зафиксировали ситуацию.

В Союзе путь к науке закрыт - это резюме, отбрасывая часть мучавших меня вопросов, выдвигало новые, и в первую очередь: вопрос о моем будущем. В наипростейшем варианте можно было превратить свои знания, партийность, безупречность биографии в фундамент делания карьеры: тогда аспирантура вновь выдвигалась на первый план, но не в качестве школы мудрости, а как ступенька иерархической лестницы, - однако, прикинув, до какого уровня подлости мне пришлось бы снижать свою гордость и нравственность, этот вариант я оставил на крайний случай. Более

привлекательным представлялось усвоение чьего-либо способа бытия - Аллиного, например: равнодушная к рангам, Алла явно чуждалась повседневности, а именно это должно было составить краеугольный камень моей будущей жизни.

При мысли об Алле я почувствовал волнение. Несмотря на перипетии судьбы, сжавшей мое сердце в кусок холодного льда, где-то в глубине во мне теплились остатки юношеского романтизма, порой заставлявшие измерять межчеловеческие отношения линейкой иллюзий. Когда-то я любил Аллу - это время ушло и настойчиво забывалось, но сегодня сияло чудное утро и мне показалось, что тогда, в апреле, я поверил письму, не вдумавшись в человека, и так и не понял, что правильней было не забыть, а исправить. Но на ошибках учатся - особенно на своих: если рассказ Павла Сергеевича и мои наблюдения верны, и я нравлюсь Алле, то ход событий зависит от меня, - и я постараюсь направить его по нужному руслу! Мои худшие опасения оправдались: я не смог противостоять Аллиному обаянию и любил ее с новой силой - ведь во мне, кроме рационалиста, жил романтик, а романтики то, что любили однажды - любят всегда, - но я должен, поборов обычный алогизм влюбленности, принять любовь как реальный факт и сделать ее составной частью своего плана.

Поднявшись со скамейки, я через площадь прошел на улицу Лягина и неспешно побрел наверх, к остановке "второго" троллейбуса. Офицером я часто прогуливался здесь вместе с Аллой: это была любимая Аллина улица, да и мне она нравилась тишиной, спокойствием и редкостью прохожих, благодаря чему, в отличие от параллельной Советской, мне не приходилось то и дело вытягиваться по струнке, отдавая честь празднующимся военнослужащим. Сейчас я шел другим, штатским и свободным человеком, не знающим, что делать с этой свободой, а улица простиралась пустынной и молчаливой, как два года назад, - и завтра, когда я уеду, и через много-много лет она будет так же безмятежно слушать шаги и говор посетивших ее прохожих, кивать ветками деревьев, и, заслоняясь листвой, тихо шептать влюбленным, что к старости и к разлуке нужно спешить медленно. Что ж, люди уходят, а улицы остаются; я брел по любимым местам Аллы и думал о ней: то фантазировал, представляя Аллу героиней какого-нибудь приключения, а себя - ее рыцарем и спасителем, то начинал вычислять, какие выгоды даст мне женитьба на Алле и не помешает ли она моей мечте жить в ногу с историей!

Дойдя до проспекта Ленина, я свернул к остановке и, дождавшись троллейбуса, поехал атаковать крепость по имени "Алла", размышляя, успею ли я за один день совершить то, с чем не справился раньше за два с половиной года.

Дорогой я приготовил несколько лирических фраз, должных заинтересовать Аллу моей особой, и был раздосадован, убедившись, что в квартире нет никого, кроме Марии Тимофеевны. На вопрос, куда девались остальные члены семейства, Мария Тимофеевна обстоятельно рассказала, что Павел Сергеевич отправился за покупками, а Аллу вызвал на свидание

Андрей; он позвонил по телефону, Алла долго с ним беседовала, потом надела плащ и ушла.

- Но, возможно, она просто куда-нибудь пошла, а не на свидание? - с надеждой спросил я. Меня переполняли ревность и бешенство: "Проворонил! - ругал я себя. - Нужно было раньше начинать!"

- Нет, нет! - замахала руками Мария Тимофеевна. - Именно на свидание: я стояла в соседней комнате и все слышала.

«Подслушивала, небось! - взглянув на ее довольное лицо, зло решил я. - Тогда точно: ошибиться она не могла!»

Расстроенный, поплелся я в Аллину комнату, плюхнулся в кресло. "Собрать сумку и уехать сейчас в Одессу, не дожидаясь Аллы? - размышлял я. - Или остаться? Может, это деловая встреча, не больше - мало ли что болтает Мария Тимофеевна!"

Постепенно я успокоился и уже без раздражения слушал, как в зале счастливая Мария Тимофеевна напевает какую-то песенку. Догадавшись, что она занята перестановкой мебели - торжественный ужин должен был состояться в зале, - я поспешил к ней на помощь; через двадцать минут мебель была расставлена и я, чтобы не скучать в комнате, собрался пойти погулять, - как вдруг Мария Тимофеевна заговорщицки спросила:

- Стасик, мне Алла сказала, что ты после Одессы в Москву поедешь, это правда?

- Вероятно, поеду, - удивленно ответил я. - А что!

- Мне требуется от тебя одна услуга, только чтоб никто об этом не знал! Присаживайся, я расскажу.

Заинтригованный, я уселся на диван. Слегка смущаясь, Мария Тимофеевна принялась рассказывать, что с осени прошлого года на имя Аллы стали приходить письма, оказавшие на нее странное влияние: после этих писем Алла замыкалась в себе, о чем-то думала и - самое ужасное! - начинала грубить Андрею. Мария Тимофеевна забеспокоилась, потребовала у Аллы объяснений, но ничего не добилась: Алла уклонялась от разговора, а в мае после очередного письма внезапно объявила о прекращении своей дружбы с Андреем. Письма, хоть и редко, продолжали приходить, и тогда Мария Тимофеевна, перехватив одно из писем, тайно распечатала, подержав над огнем конверт, и прочитала послание. Автором письма оказалась какая-то девица из Калинина и, насколько поняла Мария Тимофеевна, Алла собиралась в этот Калинин вскоре уехать. Зная Аллину щепетильность, Мария Тимофеевна заклеила письмо и положила обратно в почтовый ящик, но с тех пор жила как на иголках, боялась Аллиного отъезда. В августе Алла была в Одессе - и Мария Тимофеевна ночей не спала, думая, вернется ли Алла домой. Алла приехала, но Мария Тимофеевна продолжала волноваться, и когда несколько дней назад ей в руки попало письмо из Калинина, решила его распечатать. Однако ей не повезло: слишком близко поднесла письмо к огню, и оно обгорело; пришлось покупать новый конверт и переписывать адрес почерком калининской девицы. Теперь необходимо, чтобы кто-то отправил это письмо из Москвы или из мест, близких Калинин, потому что

Алла, узнав о действиях Марии Тимофеевны, рассердится и действительно уйдет из дома. Поэтому Мария Тимофеевна просит меня взять письмо и бросить в Москве в почтовый ящик.

- Согласен, - кивнул я головой. Вся эта история показалась мне чрезвычайно любопытной и загадочной. - Но что в письме: не лучше ли его просто-напросто сжечь?

- Нельзя, Алла ждет его: несколько раз меня спрашивала, нет ли из Калинина писем. Я так поняла из письма, что Алла никуда не уезжает; мне сейчас спокойней на душе стало. Вот письмо, возьми и спрячь - и не проговорись никому!

- Будьте уверены! - я взял письмо. Адрес написан слегка ковыляющими буквами - чувствуется, что Мария Тимофеевна не профессиональный копировщик, - тем не менее что-то в почерке показалось мне очень знакомым: наклон букв, размашистость и округлость линий. Обратного адреса не было. "Странно!" - повертев письмо, я спрятал его в сумку; Мария Тимофеевна, еще раз предупредив меня о молчании, удалилась на кухню, а я принялся за чтение Стивенсона. Через полчаса, сразу после Павла Сергеевича, пришла Алла; выглядела она усталой и грустной. Вручив ей подарок, я попробовал ее разговорить, но безрезультатно: выслушав экспромты, Алла улыбнулась, произнесла незначащие фразы и в конце концов прервала мой поток слов предложением пообедать.

Закончив обед, мы распределили обязанности: Павел Сергеевич опять отправился в магазин, Мария Тимофеевна осталась на кухне мыть посуду, а я и Алла начали накрывать праздничный стол: постлали скатерть, расставили вазы с фруктами, вино, водку, лимонад, положили салфетки, вилки, ложки. Алла делала все молча, о чем-то думала; несколько раз я ловил на себе ее быстрый, убегающий взгляд. Я тоже молчал, размышляя о причине Аллиной грусти, о таинственной калининской девушке; старался представить, что за разговор состоялся сегодня между Андреем и Аллой и какое значение имеет он для моих планов. Когда работа была завершена, я, поправив стулья, повернулся, чтобы уйти в комнату, как вдруг Алла тихо спросила:

- Стасик, ты на меня не обижаешься?

Растерянно остановившись, я забормотал:

- Нет, что ты! С чего ты решила?!

- Я тебя пригласила, - не слушая меня, продолжала Алла, - и оставила одного. Ты прости, пожалуйста! Как-то сразу все навалилось, завертелось, и я мечусь теперь: словно пришли гости в неурочный час и нужно успеть и дом прибрать, и гостям угодить, и дела выполнить.

- А что у тебя происходит? - с состраданием глядя на ее взволнованное лицо, спросил я. - Может быть, я могу помочь?

- Нет, к сожалению, - Алла улыбнулась: мое предложение, вероятно, ее позабавило. - Тут как в открытом море: спасение утопающего - дело рук самого утопающего; так что если и звать кого-то на помощь, то только себя. Наверное, ты читал "Чаадаева" Александра Лебедева: он пишет, что у каждого человека есть в жизни свой звездный час - время выбора судьбы.

Это, конечно, пышно очень и абстрактно, но у меня сегодня нечто подобное, - не расспрашивай ничего, я, возможно, потом сама расскажу. Просто имей это в виду и не обращай внимания, когда тебе что-нибудь не так скажу или не то сделаю - ладно?!

- Разумеется! - сейчас я мог вынести любую выходку Аллы. Ее глаза сияли чудным огнем, и я ощущал, как ширится во мне, позванивая колокольчиками, мелодия нежности. - Алла, мне кажется, тебе очень плохо, ты несчастна. Хочешь, я постараюсь тебя веселить, буду сегодня твоим шутком?

- Если шекспировским шутком - то не надо! - Алла подошла ко мне и, взяв мою руку, осторожно сжала ее. - Спасибо, Стасик! Ты добрый, только почему-то стыдишься этого и стремишься выглядеть лишь расчетливым циником. Мне, если и плохо, то всего лишь от ума и воспитания, не более, - а это болезнь всех интеллигентов. Ты лучше о себе позаботься, потому что, если кого из нас и можно назвать несчастливым, то - тебя!

- Меня?! - странная Алла: я чувствовал тепло ее руки, она стояла рядом и говорила мне ласковые слова - и называла меня несчастливым! - Ты ошибаешься, честное слово!

- Ты просто об этом не догадываешься - или таишь от себя, прячешься за самоуверенностью и службой науке. У меня подруга есть, ты с ней схож: только она свое отчаяние улыбкой скрывает и нарядными платьями - в подобном случае для девушек других путей нет. Вы - ты и она - вовремя не научились чего-то достичь в жизни, и теперь страдаете, живете не делами, а словами - и ожиданием, что кто-то возьмет и все за вас сделает. Только она уже поняла, что ожидание напрасно, а ты, наверное, нет.

Пора комплиментов кончилась - началась пора горьких и обидных слов. Впрочем, они меня не задели: я лишь сожалел, что Алла, убрав руку, вернулась к дивану.

- Слова - те же дела: особенно для интеллигенции, - мягко проговорил я: спорить мне не хотелось. - Так что языком жить не менее почетно, чем руками. Помнишь у Софокла: "В мире не действия всем правят, а слова" Ты меня познакомишь со своей подругой: любопытно поглядеть на себя в зеркале!

- Она, вероятно, придет сегодня, - в глазах у Аллы мелькнули лукавые искры. - Впрочем, я ее показывать не буду, сам угадаешь, а в конце вечера мне скажешь. Посмотрим, в какой мере ты себя знаешь!

- Или в какой мере ты не знаешь меня! - рассмеялся я.

- Аллочка! - в зал вошла Мария Тимофеевна. - Ты не сходишь в магазин: я забыла отцу сказать, что еще сливочного масла нужно купить.

- Давайте, я сбегаяю! - предложил я.

- Нет, я сама, - Алла достала из гардероба плащ. - Ты не найдешь магазин, к тому же все равно я собиралась пройтись. Ты сейчас читать будешь?

- Не знаю, - вообще-то я думал пойти вместе с Аллой, но, догадавшись по ее тону, что она хочет побыть одна, изменил намерение. - Я, наверное, посплю немного, чтобы вечером быть отдохнувшим - можно?

- Конечно, мы постараемся тебе не мешать.

Алла ушла. Зайдя в комнату, я плотно прикрыл дверь, разобрал постель, разделся; накрывшись с головой одеялом, долго лежал, считая до ста и больше, потом незаметно уснул.

Разбудил меня легкий шорох. Приоткрыв глаза, я увидел девушку лет восемнадцати: она стояла у трюмо и старательно напудривала лицо. Еще не вполне очнувшись от сна, я, с интересом рассматривал ее юбку, блузку бежевого цвета, отметил, что юбка узковата даже для тогдашней моды, но девушка, в общем, очень и очень симпатичная. Между тем незнакомка, спрятав пудреницу в сумочку, направилась к двери. "Куда! Не уходи!" - мысленно воскликнул я и, испугавшись, что она все-таки уйдет, негромко спросил:

- Скажите, вы случайно не «мимолетное виденье»?

Девушка вздрогнула, остановилась: обернувшись ко мне, смущенно произнесла:

- Добрый вечер! Извините, что я вас разбудила.

- Наоборот, я очень доволен, что меня разбудили именно вы.

- Да?! - девушка удивленно взглянула на меня, нерешительно проговорила, - я пойду. Вам, наверное, вставать пора.

- Грустный, но неоспоримый факт, - я любезно улыбнулся, однако в душе расстроился, что незнакомка оставила мой флирт без внимания.

Девушка вышла. Поднявшись, я быстро оделся, заправил постель и открыл дверь в зал. За праздничным столом на диване сидела Алла: новое голубое платье придавало ей величественный вид; она беседовала с темноволосой молодой женщиной. Рядом с ними перелистывала журнал разбудившая меня девушка. Я поздоровался. Женщина обернулась, ответила: "Здравствуйте". Лицо у нее было широкое, с темными, густыми бровями. "Познакомьтесь!" - предложила Алла. "Мила" - назвалась женщина. Девушка, оторвавшись от журнала, тихо произнесла: "Наташа".

- Вы друг о друге знаете, хотя и заочно, - улыбнулась Алла.

- Да, да, - пробормотал я.

Мила вновь заговорила с Аллой: речь шла, насколько я понял, о редакторе их газеты. Наташа уткнулась в журнал; я устроился на стуле, раздумывая, чем заняться: вмешиваться в чужой разговор мне не хотелось.

В прихожей раздался звонок, послышался бодрый голос Павла Сергеевича, женский смех; Алла, извинившись перед Милой, поднялась, вышла из-за стола. Возглавляемые Павлом Сергеевичем, в комнату ворвались четыре девушки, тотчас принявшиеся тормошить Аллу, чмокать ее в щеки и вручать подарки. Павел Сергеевич суетился, весело острил, подталкивая девушек ко мне; отрекомендовал меня Аллиным рыцарем и опасным девичьим сердцеедом. Девушки смеялись, пожимали мне руку. С одной из них - Ниной Красавиной - я был знаком, остальные представились Тоней, Верой и Таней. Мария Тимофеевна, зайдя в зал, предложила садиться за стол; началась суматоха рассаживания. Алла вернулась на диван; рядом с ней уселись Нина, Наташа и Вера. Я ждал, что Алла позовет меня сесть около

себя, но она увлеченно болтала с подругами, и я, стараясь подавить обиду, занял оставшееся место с другой стороны стола. Мария Тимофеевна начала подавать жаркое, ей помогала Тоня.

- Пора наполнить бокалы, - громогласно объявил Павел Сергеевич, взявший на себя обязанности тамады. Я принялся открывать бутылку с шампанским; хлопнула пробка, ударившись о потолок, и шипящая струя хлынула на скатерть: я быстро направил ее в чей-то бокал.

- К счастью, к счастью! - закричали девушки, засмеявшись. Я подсадовал на себя, особенно когда заметил, как ловко и красиво откупорила шампанское Таня.

- За именинницу! - провозгласил тост Павел Сергеевич. Все подняли бокалы: пили по-европейски, без чокания. Потом занялись едой. Положив себе в тарелку жаркое, я предложил свои услуги сидевшей рядом Миле: она их вежливо отклонила.

- Это нехорошо, - полушутливо, полусерьезно сказал я. - Вы не даете мне возможность почувствовать себя джентльменом.

- Да? Тогда пожалуйста, - Мила протянула тарелку. За первым тостом последовал второй, потом третий. На столе громоздились салаты, порезанная кусочками колбаса, ветчина, сыр, консервированная рыба, маринованные грибы. Такой богатый едой стол я не видел давно - и наслаждался, радуясь, что можно хорошо поесть, пообщаться с умными людьми, потанцевать. Девушки весело переговаривались, подшучивали друг над другом; я старался поддерживать общий тон, отпуская остроты и каламбуры. Несколько раз звонил телефон: Алла брала трубку, благодарила за поздравления; чувствовалось, что она довольна и счастлива.

- А все-таки жить так гораздо приятнее, чем зубрить книги, решать каверзные проблемы, рваться к сомнительным и смутным целям, - подумал я. В КНМ уставленный яствами стол считался барством: мы поклонялись аскетизму и ригоризму, уверенные, что только уклоняясь от соблазнов этого сытого и погрязшего в зле мира, можно достичь сияющих вершин славы. Чтобы чего-то добиться, нужно вначале пострадать, пожить в нужде - это христианское правило, привитое нам книгами, долго согревало меня в морозные ночи жизни, пока не выяснилось, что бедность, нужда - это почва, из которой вырастает обжорство и наглость сытых. Добродетель награждалась только в книгах: о мечтах нужно было забыть, как забывает дерево под осенним ветром о белых лепестках весеннего наряда.

В прихожей раздался звонок: Мария Тимофеевна побежала открывать дверь. "Наверно, Андрей явился", - огорчился я. Действительно, его отсутствие на Аллином юбилее было бы странным. Через несколько минут вслед за Марией Тимофеевной в комнату вошел плотный широкоплечий парень двадцати восьми - тридцати лет; в руках он держал букет цветов и набитую свертками авоську.

- Привет честной компании! - улыбаясь, закричал парень. - Где тут именинница?

Алла протиснулась к нему; парень чмокнул ее в щеку, вручил букет, начал распаковывать свертки. "Люда! - обернувшись, позвал он. - Иди скорей, требуется твоя помощь!"

- Сейчас, - отозвался из прихожей голос и в комнату вошла Никонова Люда. Последний раз я видел ее еще в университете: она училась вместе с Аллой и считалась ее подругой; позже - как говорила мне Алла - их пути разошлись и, живя в одном городе, встречались они редко.

- Какое отношение имеет Люда к Андрею? - недоуменно подумал я. Тем временем Алла подвела парня ко мне:

- Познакомьтесь: Станислав - Вася.

«Ошибся! - с облегчением вздохнул я, пожимая Васину руку. - Но почему нет Андрея?»

Люда распаковала свертки: в них оказалось три бутылки коньяка, лимоны, мандарины - все это было немедленно переправлено на стол. Мария Тимофеевна принесла два стула: я подвинулся, освобождая вновь прибывшим место. Вася, усевшись, тут же откупорил коньяк. "Дернем?!" - подтолкнув меня локтем, предложил он; я не возражал.

- Внимание! - разлив по рюмкам коньяк, закричал Вася. - Я предлагаю выпить за эмансипацию, уравнивающую женщину с мужчиной!

- И давшую женщине плюс к хозяйственным обязанностям равные с мужчиной права на грубость, тяжелую работу и хамство, - продолжил с левого края стола чей-то ехидный голос. Я повернул голову: реплика принадлежала Тане.

- И зарплату! - не растерялся Вася. - Товарищи женщины, не забывайте о зарплате: она у нас одинаковая. Кстати, можно за нее выпить, если за эмансипацию не хотите.

- Лучше просто выпить за женщин, - отозвалась Нина.

- Как прикажете! - Вася шутовски наклонил голову, подмигнул мне и опрокинул в рот рюмку с коньяком; я последовал его примеру. У меня это была четвертая рюмка; алкоголь окутывал мое настроение добротой и покоем. Лица девушек раскраснелись; они смеялись, болтали. Я попробовал поймать Аллин взгляд, но Алла смотрела в другую сторону, и я, заскучав, затеял разговор с Милой, начав объяснять зачем-то, что сейчас век прагматизма: это пришло с Запада и в СССР тоже переходят на прагматический, деловой стиль жизни. Если раньше можно было опереться на честность и хорошие отношения, то теперь единственной опорой является выгода - и оценка человека идет не по моральным качествам, а по богатству и социальному положению.

Мила слушала, вежливо кивала головой. Ободренный ее сочувствием, я пожаловался, как трудно в такой жизни устроить свою судьбу, и чем ты интеллигентнее, воспитаннее - тем труднее.

- А как вы относитесь к нашей действительности? - спросил я.

- Никак, - Мила слегка улыбнулась. - Действительность сама по себе, я - сама по себе. Когда-то, как и вы, металась, искала чего-то нездешнего; позже

успокоилась, создала свой мир: квартира, работа, друзья, книги - и живу в нем, словно черепаха в панцире.

- И вы счастливы? - удивился я.

- Не знаю, - Мила задумалась. - Да это, наверное, и не обязательно: быть счастливой. Однажды в юности счастье у меня было, потом я жила просто так или воспоминаниями о нем. Воспоминания о счастье - тоже иногда очень много: есть люди, не имеющие и этого.

- Возможно, вы правы, - согласился я. - Между прочим, ваши слова напомнили мне о теории одной моей знакомой: она считала, что человеку на всю жизнь отпускается стакан счастья, не больше. И некоторые выпивают этот стакан залпом - как вы, наверное, а другие пьют свое счастье понемногу, капельками, растягивая его на всю жизнь

- Может быть и так. Интересный человек, вероятно, ваша знакомая, - серьезно проговорила Мила.

- Да, конечно, - я замолчал, задумался. Эту теорию счастья когда-то рассказывала мне Маша. Где она, что с ней?..

Почувствовав на себе чей-то взгляд, я поднял голову: Наташа, глядевшая на меня, быстро отвернулась. "А она внешне похожа на Машу! - с удивлением отметил я. - Странно, что я это лишь сейчас понял".

- Начинаются танцы, - послышался зычный голос Павла Сергеевича. - Хватит за столом сидеть, пора ноги размять.

Павел Сергеевич включил проигрыватель, поставил пластинку. По комнате нежно и грустно поплыла мелодия "Лепестков роз". Я намеревался потанцевать с Аллой, но Павел Сергеевич объявил: "Приглашают дамы" - и я остался ждать приглашения.

- Стасик, разреши тебя ангажировать?! - подошедшая ко мне Люда кокетливо протягивала руку. Я поднялся, обнял Люду за талию. - Мы с тобой, кажется, ни разу не танцевали, - смеясь, тараторила Люда. - Давным-давно, в университете на новогоднем вечере ты подошел ко мне и Алле - но мы уже домой уходили. Помнишь, ты нас тогда провожал?

- Да! - это был вечер моего первого знакомства с Аллой и я хорошо его помнил. - Как поживаешь?

- Неплохо. После университета год работала в селе, в школе, потом приехала сюда - у меня здесь мама живет. В школу не захотела - не нравится мне учительство, устроилась инструктором в горкоме ВЛКСМ.

- Похвально! Так ты теперь специалист по идейному поощрению других к работе? - я никак не мог определить свое нынешнее отношение к Люде и поэтому иронизировал. Мы покачивались, двигаясь в такт музыке; кроме нас, танцевало еще несколько пар.

- Напрасно ты смеешься. - Люда явно рассердилась. - Мы требуем от молодежи не только хорошей работы, но и правильного поведения, повышения общей культуры. Конечно, комсомол сейчас обюрократился, с двадцатыми годами его не сравнишь, но он все-таки воспитывает, без него молодежь вообще бы по норкам разлезлась, стала аморфной массой.

«Воспитываете честную рабочую скотину!» - собрался съязвить я, но, рассудив, что ссориться с Людой мне ни к чему, покорно склонил голову:

- Каюсь, каюсь! Между прочим, если не секрет: Вася - это твоя надежда на личную жизнь?

- Как сказать - засмушалась Люда. - В общем, он за мной ухаживает. А что: профессия у него хорошая - он врачом-терапевтом работает, характер положительный.

Музыка смолкла. Я галантно подвел Люду к стулу и поспешно откланялся. Я торопился пригласить на танец Аллу и, едва поставили новую пластинку, направился к ней. Танцевала Алла легко и свободно: в студенческие времена она посещала студию современного танца. Самым прекрасным в мире Бальзак считал лошадь на галопе, фрегат под парусами и женщину, когда она танцует, - относительно последнего я с ним сейчас был согласен. Танец - это творчество, самовыражение, и женщине оно удается лучше, чем мужчине: изящней и одухотворенней.

- А мне нравятся твои подруги, - заглядывая в слегка склоненное лицо Аллы, произнес я.

- Мне тоже, - Алла улыбнулась. - Но ты не со всеми разговаривал, возможно, спешишь с выводами.

- Ничего подобного, - наставительно ответил я. - Чтобы составить представление о человеке, не обязательно с ним разговаривать - достаточно послушать, как разговаривает он. А я это уже сделал.

- Что ж, я рада за подруг. Ты доволен вечером, не жалеешь, что не уехал в Одессу?

- Нет, что ты, мне здесь очень хорошо! - с жаром заверил я. - Послушай, а кто такой Вася? Насколько я понял, он работает вместе с Марией Тимофеевной?

- Да, в одной поликлинике. Он - неплохой парень, веселый, только уж слишком меркантилен. Хочу, говорит, добиться такой жизни, чтобы деньги у меня с рубля начинались, а не с копейки. Мама меня одно время за него сватала, но я, к счастью, успела его Люде перепихнуть.

Алла засмеялась. "Интересно, как бы она отреагировала, если бы я ее сейчас поцеловал?" - любуясь Аллиным лицом, внезапно подумал я.

- Кстати, а почему Андрея на вечере нет? - напряженным голосом спросил я. От ответа Аллы зависело многое, если не все. Алла посерьезнела, испытывающе взглянула на меня:

- Я попросила его не приходить. А что?

- Ничего, - я был счастлив. Главное выяснилось: сегодняшняя встреча Аллы с Андреем представилась моему воображению в радужных для меня и печальных для Андрея тонах.

Танец закончился. Алла, оставив меня, поспешила к матери, о чем-то заговорила с ней. Настойчивость - мать всех побед, и, попросив Павла Сергеевича поставить любимую Аллину пластинку с песнями Адамо, я вновь подошел к Алле.

- Стасик, так нельзя, - с упреком посмотрев на меня, проговорила Алла. - Я здесь не одна: видишь, девушки сидят, потанцуй с ними. Я отдохну немного.

- Ладно, - с беспечным видом согласился я и, развернувшись, пошагал к устроившейся в сторонке Наташе. "Разрешите?" - спросил я. Наташа, опустив вниз ресницы, кивнула головой.

"Ах, так, Алла, - мстительно размышлял я, быстро и жестко ведя Наташу в ритме мелодии. - Вы хотите отдохнуть от меня? Что ж, и я отдохну от вас! Буду до конца вечера кружить голову Наташе, - интересно, как вы тогда запоете!"

- Наташа, почему вы от всех держитесь поодаль? - спросил я, чарующе улыбаясь.

- Я здесь самая младшая, - быстро взглянув мне в глаза, ответила Наташа. - Да и дружу только с Аллой, с остальными просто знакома.

- А я думал, вы стесняетесь. Помню, как я на школьных вечерах стоял у стенки, ждал, что кто-нибудь из девчонок пригласит меня на танец. Но никто не приглашал: девчонки, наверное, тоже ждали. Только потом, в университете, я понял: если хочешь быть веселым - весели себя сам, на других не рассчитывай.

- Ко мне это не относится: я жду лишь тогда, когда знаю, что дождусь. В противном случае или перестаю ждать или иду навстречу.

«А она не простушка, - с интересом рассматривая Наташино лицо, подумал я. - Подстать своему поколению: все из того омуты, где водятся черти».

- Завидую я вам! - грустно произнес я.

- Почему?

- У вас все впереди, а у меня уже многое посередине.

- Я в этом не виновата, - тихо произнесла Наташа и опустила голову. Мои слова, однако, взволновали ее. Когда мелодия смолкла, я попросил Наташу остаться, - она согласилась, и следующий танец мы вновь танцевали вместе. Адамо пел о снеге, падающем и падающем, о непришедшей на свидание девушке; я кружил Наташу и, задыхаясь от жалости к себе, рассказывал об одиночестве - когда идешь сквозь толпу и, словно собака, вымалливаешь взглядом улыбку, о вечерах тоски, о потерянных надеждах, о серой, беспросветной жизни, лишь изредка освещаемой праздниками чужого счастья

- Вам сейчас восемнадцать, - говорил я широко раскрытым глазам Наташи. - В таком возрасте кажется, что будущее - это загадка, которую нужно решать каждый день. А загадки нет, все повторяется, и ваше будущее - это прошлое предыдущих поколений. Хотите знать, что вас ждет? У вас будет любовь, семья, мелкие и случайные радости, вы окончите институт, станете ходить на работу, дожидаться выходного и отпуска, растить детей, стоять в очередях. Вы будете существовать пустяками; ваши мечты сотрутся, ограничатся надеждами на получение квартиры, повышение зарплаты, лотерейный выигрыш. Вы попадете в круговорот обыденности и останетесь в

нем навсегда; вдруг выяснится, что вашей жизнью распоряжаются не вы, а другие, - вы от всех зависите: от настроения начальства, от условий работы, от вздорных соседей, от погоды, от ассортимента магазинных товаров. Первое время будете пытаться что-то изменить, станете расшибать голову о запертые двери, потом устанете, привыкнете, махнете на себя рукой и начнете жить работой и заботой о детях, надеясь, что на их долю выпадет больше счастья, чем на вашу. Но надежды эти напрасны и ваши дети повторят общую человеческую судьбу, которую мудрец выразил когда-то тремя словами: люди рождаются, страдают и умирают.

Я замолчал. Танцы закончились; все усаживались за стол, собираясь приступить к десерту. Наташа стояла, вцепившись в меня руками: мне показалось, что в ее глазах блестят слезы. "Зачем тогда жить?", - чуть слышно прошептала она. "Не знаю", - ответил я. Действительно - зачем?

- Стас, Наташа, садитесь за стол, - закричал нам Павел Сергеевич. Наташа опустила руки, посмотрела на меня. "Пойдемте", - предложил я и повел ее к столу. Хмель в голове прошел; мне стало неловко за мои сентиментальные излияния - в то же время я чувствовал удовольствие при мысли о том, что еще способен увлечь и заинтересовать собой восемнадцатилетнюю девочку.

- Наташа, возле меня есть место, иди сюда, - позвала Алла. "Ага, заревновала!" - обрадовался я и, изящно откланявшись Наташе, опустился на стул рядом с Васей.

- Так ты за которой ухаживаешь: за той или за этой? - ухмыльнувшись, фамильярно спросил меня Вася. Я заметил, что он изрядно пьян.

- Многоуважаемый Вася! - промолвил я покровительственным тоном. - Я - человек современности, а современный человек, да будет вам известно, ухаживает только за самим собой.

- О, молодец! - обрадовался Вася. - Я сразу понял, что ты свой парень.

На столе возвышались вазы с фруктами, виноград, блюда с мороженым, конфеты, печенье, два ореховых торта. Тоня расставила чашки, принесла чай, - я уже знал, что она работает вместе с Марией Тимофеевной, и не удивлялся ее почти родственному, бережному отношению к Аллиной маме.

- Товарищи! У нас вино не все выпито! - взволнованно закричал Вася. - Давайте разольем его по бокалам, а именинница пускай тост скажет.

Предложение имело успех: все наполнили бокалы. На долю мужчин выпало допивать водку; я попробовал отказаться, но безрезультатно.

- Аллочка, очередь за тобой, - напомнил Павел Сергеевич. Алла приподняла бокал и, оглядев всех, произнесла:

- За осуществление сна Веры Павловны!

Несколько секунд царила тишина.

- Это какой Веры Павловны? - недоуменно спросила Мария Тимофеевна.

- Из "Что делать?" Чернышевского, - серьезно объяснила Алла.

- А-а, классика! - воскликнул Вася. - Припоминаю: что-то про коммунизм и электрификацию всей страны. Ну, ладно: поехали!

Водка обожгла мне горло, я быстро закусил яблоком. Мария Тимофеевна разлила по чашкам чай, разрезала и разнесла торт.

- Вот так бы каждый вечер! - прихлебывая чай, блаженно подумал я. - Жить здесь, после работы читать умные книги, беседовать с Аллой и ее подругами, пить чай с Павлом Сергеевичем и Марией Тимофеевной Для чего я куда-то рвусь?

- У нас работа конвейерная, - внезапно забубнил возле меня чей-то голос. Я повернул голову: пьяный Вася, навалившись на стол локтем, силился исповедоваться мне в условиях и принципах своего врачебного существования. - Нам не столько от болезней избавиться, сколько от больного: чтобы не шастал, не надоедал. Выпишу ему пилюльки - и пусть катится к чертовой бабушке!

- А что ты думаешь?! - уловив мой насмешливый взгляд, возмутился Вася. - Сейчас врачу - весь почет: не зря нам квартиры в первую очередь дают! Заходишь в поликлинику: все кланяются, заискивают - знают, что в моих руках их здоровье, то есть жизнь по сути. Их здоровье - это лекарства, которые я прописываю; а прописать я могу разное!

Вася замолчал, переводя дух. Вокруг все болтали, пили чай; на наш разговор никто не обращал внимания.

- Ученые изучают природу, а врачи - людей, - продолжал разглагольствовать Вася.

"Навязался же ты на мою голову!", - сердито подумал я.

- Мы наслаждаемся знанием как тайной властью: идет этакая королева - все стелись перед ее взором! - а мне известно, что у нее геморрой, да и печень пошаливает

- О чем беседуете? - Люда переставила свой стул вплотную к нам. - Васек, ты, кажется, заболел птичьей болезнью?

- Чем, чем? - переспросил я.

Люда засмеялась:

- Это я недавно в троллейбусе услышала. Поменяй в слове "перепел" последнюю букву "е" на "и" - получишь "птичью болезнь".

- Людмила! - Вася сделал попытку гордо выпрямиться. - Что ты меня обзываешь незнакомыми словами! Я человеку о своей работе рассказываю.

- Точнее: о своем безделье! - съязвила Люда, с тревогой присматриваясь к Васе: очевидно, его состояние внушало ей опасения. - Вы там ничего не делаете, только животы отращиваете.

- Где? Что ты выдумываешь?! - возмутился Вася, проводя руками по чуть заметно выступающему брюшку. - Женщина, учти: у мужчины все, что выше пояса, считается грудью.

- Хватит! - оборвала его Люда. - Собирайся, пойдем домой.

После двухминутного препирательства Вася подчинился, попрощался со всеми за руку и, конвоируемый Людой, поплелся в прихожую. В последний раз послышалась оттуда напеваемая им песенка: "Темная ночь. Помоги поросенка волочь!", хлопнула входная дверь - и Вася вместе со своей спутницей исчезли из мирка нашего праздника, напоминая гостям о том, что все в жизни имеет конец - и этот уютный вечер тоже близится к завершению.

- Девочки, давайте читать стихи, - предложила Алла. - Я первая буду, хорошо?!

Никто не возражал. Алла сосредоточилась и, глядя прямо перед собой, звонким мелодичным голосом стала декламировать стихотворения Мандельштама. Я вслушивался в ритм фраз, думал о судьбе этого поэта, брошенного в пасть Молоха социализма, смотрел на Аллино лицо, затем перевел взгляд на Наташу. "Симпатичная девочка! - и глаза такие задумчивые, вопрошающие. Кто-то будет ее целовать, обнимать: кто-то - не я! Или, может быть, я? Нет, мне хватит и Аллы". На протяжении последнего часа Наташа несколько раз посматривала на меня, но я отворачивался или принимал надменную позу "лишнего человека". Нельзя объять необъятное: как указывает народная мудрость, в охоте за множеством зайцев обычно проигрывает охотник.

Алла смолкла. Стихи начали читать Нина, Наташа, потом Вера. Мария Тимофеевна и Павел Сергеевич вначале сидели смирно, но когда Мила медленным речитативом принялась декламировать Аполлинера - они не выдержали и, незаметно поднявшись, тихонько удалились на кухню. Таня тоже заерзала на стуле, и лишь только Милино чтение окончилось, быстро проговорила: "Я стихов Аполлинера не понимаю, но есть одно стихотворение о нем - оно мне очень нравится. Я вам его расскажу, пока не забыла:

Он не хотел стреляться.
Но порою
Вся жизнь -
как у виска
Холодный револьвер

Я вздрогнул: знакомые стихи! Где я их слышал? Ах, да - Коля. Он говорил, что эти стихи вели его в прошлую осень к самоубийству.

Вот так,
Аполлинером быть
уставший,
Под сердце выстрелил тоской
Аполлинер:
"Я жил безумцем,
Потерявшим время"
Да, жизнь сама порой -
как револьвер.
А впрочем, кто
поймет поэтов племя?
Не будь безумцем,
Потерявшим время,
Он не был бы -
Гийом Аполлинер.

- Странный у вас вкус, - обращаясь к Тане, заметил я. - Чем привлекло вас стихотворение?

- Оно несколько раз соответствовало моему мироощущению. - Таня задумалась. - Наверно, это в нем оказалось для меня главным. Обычно стихи читаешь для приятного времяпровождения, они приходят и уходят, а тут: как будто частицу тебя высказали!

«Интересно, не ее ли имела в виду Алла, когда говорила о схожей со мной своей подруге?» - подумал я, разглядывая Таню. Обычная девушка: худенькая, остроглазая, с быстрыми, нервными движениями.

- Ну что, девочки, будем расходиться? - вставая со стула, проговорила Мила. - Мария Тимофеевна и Павел Сергеевич уже спать пошли, и нам пора по домам.

- Нужно со стола убрать, - забеспокоилась Тоня.

- Вы пока посуду убирайте, а я со Стасиком потанцую, - неожиданно объявила Нина. - Весь вечер сидела, ждала, когда он меня пригласит, а ты, Стас, даже смотреть в мою сторону не захотел. Вот так всегда: выходишь замуж - и для всех мужчин сразу превращаешься в старуху.

Я поставил пластинку, слегка приглушил громкость и протянул Нине руку.

- Ты не рассердился на мою настойчивость? - спросила Нина, приноравливаясь к моей танцевальной походке. - Я года полтора не танцевала, а когда-то без ума была от танцев.

- Значит, сейчас ум появился, - засмеялся я. - А где твой муж: или ты его с дочкой сидеть заставила?

- Его заставишь! - Нина недобро усмехнулась. - Как он всем говорит, на нем где сядешь, там и слезешь. Дочку я матери отнесла, а Сергей телевизор остался смотреть - он с Аллой в плохих отношениях.

- Да, семья - штука сложная, - философски заключил я. - Ждешь роз, а получаешь одни шипы. У тебя какой стаж семейной жизни: года полтора, наверное? Или у тебя, как на Севере, год за два считается?

Нина рассмеялась:

- Мы в позапрошлый декабрь расписались, так что скоро год и десять месяцев будет. А что у тебя с Аллой: я вас тогда совсем поженила мысленно, и вдруг: ты исчезаешь, появляется Андрей

- А потом: исчезает Андрей, появляется моя личность, - дополнил я весело. - Не знаю, Нина. Все как в темном лесу: тропинка не видна, приходится сидеть и ждать рассвета.

- Ох, Стасик! - Нина озабоченно покачала головой. - Мужчина обязан наступать, а не ожиданиями заниматься. Иначе уведут у тебя Аллу, из-под носа уведут.

- Пожалуй, ты права, - согласился я, твердо решив сегодня же объяснить с Аллой. Пластинка зашуршала и выключилась.

- Желаю удачи, Стасик! - подбадривающе проговорила Нина и, улыбнувшись мне, присоединилась к выходящим в прихожую гостям; я

последовал за ней. Надев плащи, девушки попрощались с выглянувшими на шум Павлом Сергеевичем и Марией Тимофеевной и с веселыми шутками и смехом заторопились на улицу; я и Алла отправились их провожать.

Было поздно; фонари высвечивали пустоту тротуаров, отражались блестками в застывшем стекле окон. Взявшись под руки, девушки негромко запели: "Ночью в тихих улочках Риги", я подпевал им, шагая между Верой и Таней, думал о предстоящем разговоре с Аллой.

Дойдя до улицы Гагарина, мы остановились, ожидая троллейбус; когда он подошел, девушки, крича "До свидания!", повскакивали в открывшиеся дверцы. Троллейбус, ускоряя ход, помчался прочь; последнее, что я увидел в его окнах, были глаза Наташи, пристально, не скрываясь, глядевшие на меня.

- Заморочил ты девочке голову, - поворачиваясь, чтобы идти домой, сказала Алла. - А зачем, спрашивается? Или просто так, от безделья?!

- Это нечаянно получилось, - догоняя Аллу, покаянно произнес я. - Не виноват же я, что у нее романтический возраст, всюду героев ищет. А кто ищет, тот находит.

- Только не обязательно то, что ищет, - дополнила Алла, засмеявшись. - Ох, Стасик, Стасик, чтобы ни случилось, ты всегда оправдан, всегда в стороне Ну, ладно: тебе Таня понравилась?

- Обычная девушка, - удивившись Аллиному вопросу, сухо сказал я. - Правда, беседовать с ней мне не довелось, но уверен, что не ошибаюсь. Это ее ты на меня похожей считаешь, да?

- Угадал, - кивнула головой Алла. - Странно, что ты с ней почти не познакомился: много у вас общего, даже родственного. Кстати, когда она в Ленинграде училась - она институт имени Репина закончила, искусствоведческое отделение, - то участвовала в нечто подобном вашему КНМ. Они там теорию сюрреализма разрабатывали - недолго, впрочем, их КГБ быстро разогнал.

- Занятно, - восторженно сказал я. - Что ж ты раньше об этом не сказала.

- Не знаю. Мне казалось - ты ее сам заметишь и выделишь. - Алла помолчала, задумчиво добавила. - Видно, не судьба. Жаль, очень жаль! - и, взяв меня под руку, спросила. - А остальные гости: кто из них наиболее интересен?

- Мила, наверное, - думая, как заговорить на нужную мне тему, рассеяно ответил я. - Но и другие не плохи, тоже довольно интеллигентны, вот только Вася и Люда слегка на отшибе были. Между прочим, почему Люда пришла тебя поздравить - ты ведь с ней не дружишь?!

- Вероятно, захотела продемонстрировать свою жизненную удачу, - Алла язвительно засмеялась. - Она не догадывается, что я ее специально с Васей познакомил, и уверена, что отбила у меня выгодного кавалера Пройдемся еще: мне необходимо серьезно с тобой поговорить.

- Хорошо, - согласился я, удивляясь совпадению наших планов.

Миновав Аллин подъезд, мы через боковой переулок вышли на соседнюю улицу. Ночь была звездная, прозрачная; пахло осенью. Деревья неподвижно

вытянулись вдоль черного, уткнувшегося в дома тротуара. Все спало - лишь изредка проносился стороной гул мотора.

- Я расскажу все с самого начала, - прервала Алла молчание. - Ты один из немногих, кто способен меня понять; к тому же твоя судьба в чем-то переплетается с моей и я обязана с тобой объясниться.

Алла волновалась: это чувствовалось и по напряженности ее голоса, и по паузам, свидетельствующим о тщательном подборе слов. Я слушал Аллу с тревожным холодком в сердце.

- Наверное, каждый мечтает в юности о необыкновенной жизни, - продолжала Алла. - Позже, не найдя возможности реализоваться, эти мечты тают, разбиваются об обыденность. Но у меня получилось иначе: на третьем курсе университета я встретила человека, который жил не так, как все. Он принадлежал к числу создателей одесского Самиздата; я тогда многое прочитала и поняла, начала помогать ему, мы подружились, - однако, получив предложение стать его женой, я осознала, что не решусь его принять, потому что не имею ни воли, ни желания разделять опасности, могущие выпасть на его долю. Я хотела необыкновенного, а не рискованного; к тому же чувство новизны, опьянявшее меня раньше, уже исчезло, и я увидела, что Самиздат - не краеугольный камень нашего века, а маленькое подводное течение, созданное кучкой интеллигентов и важное только для этой кучки. В нашей стране культурным человеком можно стать и без чтения Самиздата - достаточно просто читать русскую и зарубежную классику.

Я не верил своим ушам: неужели аристократичная и чопорная Алла могла когда-то заниматься Самиздатом?! Это походило на чудо; я вглядывался в ее лицо, думая, нет ли здесь мистификации - и все более убеждался в Аллиной искренности и серьезности.

- Мы расстались. Я навсегда отошла от политики, зато углубилась в литературу, начала расширять свой духовный мир. Через год я познакомилась с вами; КНМ оказался интересным, но чуждым для меня образованием, - впрочем, я говорила тебе об этом. После университета я вернулась в Николаев; постепенно у меня появилась хорошая работа, подруги - но подобное имелось у многих, а я искала оригинального, нового. Это желание оказалось настолько сильным, что, отнеся вместе с Андреем заявление в ЗАГС, я на следующий день решила бежать, уехать отсюда. Замужество поставило бы точку над всеми моими мечтами, иссушило бы их, превратив меня в обычную добропорядочную хозяйку. Поэтому я написала письмо Рите с просьбой приютить меня

- Какой Рите? - перебил я растерянно.

- Как "какой"?! Кленовой, - ответила Алла и, взглянув на меня, воскликнула. - Ах, да: ты ведь ничего не знаешь! Я обещала Рите, что ничего вам не скажу, но сейчас, наверное, можно. В позапрошлый май я была в Одессе и от Красновского узнала о Ритиной беде; найдя Риту, предложила ей помощь. Рита собиралась куда-нибудь уезжать; я дала ей адрес своей калининской подруги. Через месяц Рита написала, что живет в Калининке,

нашла там работу и квартиру. Мы начали писать друг другу, а после моего решения перебраться в Калинин наша переписка стала постоянной.

- Почему ты раньше ничего не говорила? - спросил я с отчаянием. - Мы волновались, не знали, куда она исчезла. Неужели она к нам не могла за помощью обратиться?!

- Ты удивляешь меня, Стасик, - сухо произнесла Алла. - После того, как вы ее предали, устроив этот эксперимент, она разговаривать с вами не хотела - и я ее вполне понимаю.

- Но это все Юра! - воскликнул я. - Это все он - я, Коля, Гриша здесь не причем!

- Гриша - возможно! - пожала плечами Алла. - Он просто умыл руки. А ты и Коля принимали непосредственное участие: Рита писала, что Юра из Николаева выслал ей на прощанье блокнот с надписью "Операция "Рита", большая часть которого заполнена твоими и Колиными доносами. Она ведь не лгала?

- Нет, не лгала, - ошеломленно прошептал я, чувствуя кружение в голове. - Продолжай, пожалуйста.

Несколько секунд Алла с тревогой присматривалась ко мне, потом, успокоенная моим молчанием, вновь принялась рассказывать:

- В Калинин я собиралась отправиться в июле, но отъезд затягивался, нужно было многое предварительно подготовить. В конце августа пришлось съездить в Одессу, объяснить профессору Мельнику, почему я бросаю соискательство: я сказала ему, что хочу попробовать, на что способна, проверить свою индивидуальность и самостоятельность. И вот, когда все было готово к отъезду, я вдруг поняла, что никуда не уеду, - и написала об этом Рите, изложив причины своего отказа.

- Что за причины? - безразлично спросил я. Мою голову неотступно сверлила мысль о подлой уловке Юры с блокнотом "Операция "Рита".

- Одна из них: в Ритином увлечении политикой. Рита рассказывала мне в письмах о том, как познакомилась в Москве с людьми, ставшими ее друзьями, как эти люди спасли ее от тоски и отчаяния, дали цель и смысл жизни, - но я лишь смутно догадывалась о действительном положении дел, пока в последний приезд в Одессу не встретила случайно с Вациком

- С кем? - переспросил я.

- С тем человеком, который на третьем курсе приносил мне самиздатовскую литературу - я тебе говорила о нем.

- А-а! - изумленно протянул я: поистине это был вечер сюрпризов!

- В беседе с Вациком выяснилось, что он знаком с Ритой и с теми людьми, о которых она пишет, - кстати, если ты сл-шаешь радиостанцию "Свобода", то тоже о них знаешь. С политикой я связываться не хотела и поэтому призадумалась, а когда Вацик рассказал о Ритином быте, мне стало страшно: представляешь, Рита живет в полуподвальной сырой комнатенке, где каждый день нужно топить печку. Зимой там настолько холодно, что Рите приходится спать в одежде. Питается она в дешевой дрянной столовой, а на работу - она в детском садике няней работает - ездит на другой конец

города. Поставив себя на Ритино место, я поняла, что такую жизнь выдержать не смогу - и честно написала об этом Рите. Ее ответ уже должен прийти, но его почему-то нет.

- Он у меня в сумке лежит, - чуть не сказал я, но, вспомнив о своем обещании Марии Тимофеевне, промолчал.

- Впрочем, Ритино письмо ничего не изменит, - Алла остановилась и повернула назад; я зашагал рядом. - Все решено!

- Так и будешь между двух огней метаться? - утвердительно спросил я, гадая, смешным или своевременным покажется сейчас мое предложение руки и сердца. - Рано или поздно выбор придется сделать, и чем раньше, тем лучше: зачем терять дни жизни?!

- Ты прав. Но я этот выбор уже сделала и, между прочим, благодаря тебе, - спокойно проговорила Алла. - Странно: если бы ты не приехал в Николаев, то я, возможно, отправилась бы тебя разыскивать.

Аллины слова почему-то не обрадовали меня, а насторожили; я слушал с удвоенным вниманием.

- Так получилось, Стасик, что мои воспоминания о последнем полугодии в университете и первых месяцах в Николаеве оказались связанными с тобой. Что скрывать: ты мне нравился, даже очень, но что-то меня удерживало, и я только сегодня поняла, что именно. Ты, Стасик - перекати-поле, которое каждый может толкать туда, куда хочет. Постарайся не обижаться, я говорю то, что думаю. В тебе нет твердой основы, ты не знаешь, из какой среды вышел и куда идешь. КНМ уничтожил впитанные тобой в школе идеалы, заменив их честолубием и рассудочностью. Наука освободила тебя не только от предрассудков, но и от достоинств морали. Твой эгоизм возвышается в тебе, как скала в море. Ты обречен на несчастье - и ничто тебя уже не спасет!

- Ну и ну! - поежился я от ледяного душа слов, вылитого на меня Аллой. - Ты меня словно заживо хоронишь! Чем ты докажешь истинность своих аргументов? Ты высказываешь то, что думаешь, а не то, что есть: какое же я "перекати-поле", если уже несколько лет стремлюсь к одной цели, иду прямо к ней?!

- Однако прямота твоя несколько странная, - насмешливо промолвила Алла. - Ты ругаешь советскую власть, не позволяющую тебе сделать карьеру - и тут же вступаешь в партию, обязуясь тем самым эту власть поддерживать. Считаешь себя порядочным человеком, а Риту, которая тебя любила, бросаешь в пасть Юре

- Подожди, подожди! - я остановился: на миг все в глазах качнулось и исчезло. - С чего ты взяла, что Рита меня любила?

- Я так всегда думала: да и остальные, мне кажется, тоже. А ты разве не знал?

- Нет! - потерянно пробормотал я.

- Впрочем, может быть, я и ошибаюсь, - задумчиво проговорила Алла. - Извини, Стасик, я не хотела тебе делать больно!

- Да, да, конечно, - глухо ответил я. Отчаяние душило меня; я проклинал эту поездку, КНМ, Одессу и вообще все-все. - Ты что-то о себе собиралась рассказать?

Алла помолчала, решительно тряхнула головой:

- Хорошо, буду договаривать до конца! Твой образ удерживал меня от единственно оставшегося решения, будил несбыточные надежды. Но ты приехал, и все стало на свои места. Понимаешь, Стас, мы очень разные люди: наши дороги пересеклись, чтобы потом разойтись дальше и дальше. Завтра ты уедешь, и я на-деюсь, что мы никогда не встретимся: во всяком случае, я этого не допущу. Я должна многое забыть: в том числе и тебя. Лишние знания - лишние горести, а я хочу стать счастливой.

- Каким образом? - по инерции заполняя паузу, спросил я. Голова раскалывалась от боли; я брел, механически переставляя ноги.

- Миную перекресток и пойду по одной линии. Хватит колебаний! Я не хочу быть отщепенцем, человеком без родины. Вокруг меня люди и я буду жить вместе с ними: писать статьи, диссертацию - но не между прочим, как раньше, а всерьез, по-честному. Никакой Самиздат не поколеблет для меня идею коммунизма! За эту идею боролись тысячи людей, этой идеей сейчас живут миллионы. Пусть у нас правительство негодяев, но народ остается, и в трудную минуту нужно быть вместе с ним, - а нынешнее время сложнее, чем сорок первый год.

Мы подошли к Аллиному дому, остановились у подъезда.

- Так-то, Стасик: прости, если обидела! - Алла вздохнула. - Мне тоже нелегко: грустно со многим расставаться, больно вырезать из себя кусок прошлого - но надо! Первые шаги самые трудные, потом станет легче. Андрей, судя по сегодняшнему разговору, отчасти меня понимает, обещает поддержку. Возможно, я все-таки выйду за него замуж, но это не обязательно. Я тебе говорила, что счастье и любовь у меня отдельно находятся, а счастливой я могу быть, лишь став цельной, лишь зная, для чего жить в завтрашнем дне Пойдем домой?

Словно лунатик по проволоке, поднялся я по ступенькам, вошел вслед за Аллой в квартиру. Алла приготовила постель, пожелала доброй ночи; сидя в кресле, я молча кивнул головой, смотрел, как закрывается за Аллой дверь, изо всех сил сдерживая готовые хлынуть рыдания. В мозгу кружились обрывки мыслей, какая-то мелодия, прорезался ритм стихотворения - уловив его, я зашептал: "Порою наша вся жизнь - как у виска холодный револьвер Порою - как у виска Наша вся жизнь" Стало легче дышать; я вдумался в смысл стихотворения и горько усмехнулся: наша - моя, Колина, Ритина и других - вся жизнь действительно скользила под револьверным прицелом смерти, и любая ошибка в людях, любая ненужная поездка или фатальная встреча могла заставить нажать курок.

Вспомнив о Рите, я вздрогнул. "Как же так получилось, девочка? - прошептал я. - Были мы рядом - и я тебя не заметил, сам в беду толкнул, - и ты пошла молча, мне ничего не сказала. Увидеть бы тебя, стать перед тобой на колени"

"Да, именно так, - размышлял я. - В Одессе у Вацика узнать адрес Риты - и отправиться в Калинин. Рита должна все понять и простить А если не простит?! Какая она стала, в кого выросла?"

Я поднялся, прошелся по комнате. Сейчас Рита заслонил для меня все: мои проблемы, вопрос о КНМ, Аллу; мне стало казаться, что Рита - это та живая вода, которая спасет меня от всех болезней и заблуждений.

"У меня есть ее письмо!" - мелькнула мысль. Вытащи письмо из сумки, я быстро надорвал конверт. О том, что он адресовано не мне, я забыл, подгоняемый желанием припасть поскорей к целительному источнику.

Рита писала: "Сегодня воскресенье - день стирки и бытовых забот, освободилась я только вечером: вместе с солнцем, убегающим от нас в Америку. Помахала ему рукой, попросила передать привет одному из своих знакомых - он там, в далеком ненашем. Было грустно - думала, что опять тоскую по морю и Одессе, но нет: просто вспомнилось о твоём письме и необходимости на него ответить, а отвечать не хотелось, потому что это означало еще одни похороны, а их у меня так было много. В последние месяцы я свыклась с твоим будущим приездом, у меня гостил Вацик, и мы часто о тебе говорили, - но все кончилось, и на одного человека в моем мире стало меньше.

Ты права: разрывать нужно навсегда. Я тоже не выношу арканов, набрасываемых прошлым, тоже боюсь мест, где мертвый может схватить живого (наверно, и в Одессу потому не езжу). Маме через Вацика письмо переслала: рассказала, чем занимаюсь. Это не требование выбора: я или ее убеждения, - хочу предохранить ее от стресса, если переселят меня вдруг (не по моей воле) куда-нибудь к морю Лаптевых.

Ты напрасно меня жалеешь. Я горжусь дружбой с людьми, к которым ты так иронично относишься. Впрочем, ты их не знаешь - и это тебя извиняет. С ними я согласна быть отщепенцем, - с ними и с Мандельштамом, Цветаевой, Ахматовой, Бабелем, Белинковым Пусть бревно, от которого нас отцепили, гниет на берегу - мы поплывем дальше

Нет, обманываю. В том-то и беда, что плыть сами по себе мы не можем, и приходится возвращаться и уговаривать бревно спуститься с земли на воду (а оно нас - топором!).

Странно, что тебя не удивляет благодушие наших сограждан. Черное перепутано с белым, зло с добром, слова с делами, Земля на волоске от катастрофы (термоядерной, информационной, демографической и т. п.) - а они ходят спокойно по магазинам, читают газеты, играют в догонялки со Штатами, растят детей - для чего растят: войны? тюрьмы? суммы?.. Или просто так, по привычке? Вырастить - и бросить в тот котел, в котором варимся сами.

Я больше всего думаю о них, о детях. Вожу их на прогулку, утираю им носики, - а вспомню, что они станут взрослыми и будут торчать у ларька "Вино", гоняться за деньгами, кого-то давить и плакать от чьих-то ударов - и в сердце все застывает.

Но тебя это не волнует - или я ошибаюсь? Меня всегда поражало совмещение правильности (но не праведности!) твоей жизни с бунтарством, анархическими поступками: словно две Аллы в одной упряжке тянули в разные стороны - и неясно было, игра это или фатальность. Сейчас я уверена: игра, брожение молодости. Ты дружила с людьми, для общения с которыми оригинальность оказалась необходимой, - но началась работа, и в твоей жизни старое стало ненужным. И вот ты освобождаешься от него, чтобы строить коммунизм. Прости: я смеюсь. Зачем прятаться за чужие слова вместо простого: хочу благополучного существования. Ты все-таки не наше государство, оправдывающее Марксовой мечтой о "царстве свободы" подлость и деспотизм настоящего, ты - умнее. И должна понимать, что азбучная истина - рвут с тем прошлым, которое опасно для будущего - известна не только тебе.

Что ж, ищи свое счастье. Мы были рядом, а теперь ты в другом мире - в том, что дальше от меня, чем Америка. Но здесь ничего не поделаешь: людей разводят не дороги, а цели - и кто виноват, что они у нас оказались различными?!".

Я прочитал письмо один раз, другой, сложил, сунул в конверт. Отчаянный человек Рита: впрямую пишет, будто и знать не знает о перлюстрации! Не миновать ей, видимо, моря Лаптевых!

Я сел в кресло, прикрыл глаза. Тихо в доме, тихо. Рита жесткой стала, беспощадной: раньше она так - прокурорски - писать не умела. А сейчас: словно пощечину в конверте прислала. Алла меня хлестнула, Рита - ее: во имя истины? самолюбия? дела всей жизни?

Я открыл глаза, вздохнул: что же теперь мне делать? К Рите ехать - с прошением о помиловании? Стать на колени легко - вставать трудно! Да и стыдно просить помощи у того, кто имеет все основания считать тебя подлецом.

Остается - Одесса. И я остаюсь: двадцать пять лет, офицер запаса, высшее образование, бывший член КНМ, нынешний член партии - все, что ли? Ах, перспективы - тоже, наверное, есть?!

Я поднялся, упаковал вещи в сумку: завтра - в путь. Странно: метался по прошлому, метался - Юра, Алла, любовь, наука, - а вернулся туда же, откуда начал - к самому себе. Начало всех начал - мое "эго". Когда-то все дороги вели в Рим, к другим людям, сейчас они упираются в тебя, в твое тело - что хочешь, то с ним и делай: направь к какой-нибудь цели, брось под чьи-то колеса или Иди, подобно мне, уложи в кровать: пусть отдохнет для нового дня и движений.

Спал я плохо, беспокойно. Снились сны: суматошливые, обрывочные; я был рад, когда Мария Тимофеевна меня разбудила.

Завтракали долго. Павел Сергеевич попробовал шутить, но, не получив поддержки, замолчал. Мария Тимофеевна вздыхала, участливо поглядывала на меня и Аллу; я представил, какие мысли возникают у нее при виде наших похоронных лиц - и чуть не рассмеялся. Алла собралась меня провожать; я

пробовал отказаться, но она настояла на своем и вскоре мы ехали в троллейбусе, изредка посматривая друг на друга. Разговор не получался: вероятно, ей, как и мне, все слова казались сейчас лишними.

На автовокзале было многолюдно. Мы прошли на перрон. Автобус уже стоял у платформы.

- Прощай, Алла! - я протянул ей руку.

- Подожди! - Алла вынула из сумочки два конверта, сунула мне в ладонь.

- Возьми: здесь письмо к моей одесской знакомой - ты можешь снять у нее комнату. Другое письмо передай Красновским: я надеюсь, они помогут тебе с аспирантурой.

- Ты уверена, что я ими воспользуюсь - я взглянул ей в глаза.

- Я этого очень хотела бы. - Глаза она все-таки опустила. - Мне кажется: для тебя это лучший выход.

- Увидим! - я бросил письма в сумку, пожал Аллину руку. - Спасибо, Алла! Будь счастлива!

- Постараюсь! - она слабо улыбнулась.

Я поднялся на верхнюю ступеньку автобуса. Контролер закончил проверять билеты, соскочил на перрон, захлопнул дверь. Заурчал мотор и автобус начал медленно поворачивать в противоположную от вокзала сторону. Сквозь стекло я видел Аллу: она стояла неподвижно, глядя на уходящий автобус; ветер взметнул листья, колыхнул полы ее плаща; потом автобус завернул за угол и, вклинившись в ряды бегущих машин, увеличил скорость.

- Иди садись, парень - крикнул мне водитель.

- Да, конечно, - я нашел свое кресло, поставил под ноги сумку, уселся поудобней; отдернув штору, принялся разглядывать мелькающие дома, улицы, машины. Через десять минут Николаев останется позади и будет только дорога, дорога А что дальше?!

1977-1978 г.г.

г. Александров - Киржач.

СТАСИК О СЕБЕ

Нечто вроде вступления

Эссе, помещенные здесь, не претендуют на литературную и тем более научную значимость. Основная их часть была написана в чрезвычайно острых для автора и сжатых временем ситуациях, спрашивавших: "Как будешь жить дальше?". И от ответа на них, от выбора одного из множества вариантов существования зависело, каким ты будешь и что увидишь в дне завтрашнем.

Главное в выборе: не изменить судьбе, не взять ориентиром болотный огонек или звезду чужой дороги. Иначе ты потеряешь себя - один раз и на всю жизнь! Ведь в прошлое не возвращаются, оно не принимает к себе обратно и нельзя нам, взрослым, снова стать маленькими

Я всегда боялся ошибки - да и сейчас ее призрак заглядывает в мои мысли. И мне вдруг кажется, что я занимаюсь не тем, чем нужно, что я давно прошел мимо своего "звездного часа", и только сила воли, смешанная с упрямством, держит меня на каменном гребне, обрывающемся пропастью. Не знаю, честное слово, не знаю: может быть, я действительно занят, подобно глупому богу, созданием камня, который никогда не смогу поднять. Но если это так - то что делать дальше?

Я продолжаю идти - пока хватит энергии и упрямства. Когда же они закончатся? Что ж, возникнет новая ситуация, и я сделаю свой выбор - если он будет возможен.

Повторю, повторяясь: не ищите в данных эссе теорий или социальных истин - их нет. Все, что есть: мысли и рассуждения человека, решавшего в эссеистской форме проблемные ситуации личной жизни. Легче всего понять себя со стороны, что можно сделать, только вложив свою суть в предмет, доступный обозрению: картину, статую, здание Я предпочел: в буквы. Вот они выстроились, читайте

ЗАМЕТКИ Часть первая

"Завтрашний день не таков, чтобы он пришел сам по себе, просто с течением времени. Свет, слепящий нас, представляется нам тьмой. Восходит лишь та заря, к которой пробудились мы сами. Настоящий день еще впереди. Наше солнце - это только утренняя звезда".

(Генри Дэвид Торо).

Есть только "Я". То, что вокруг - земля, деревья, дома, люди, книги - существует только через меня. Как универсальное предметное существо, я живу ими: чувствую, трогаю руками, люблю, отталкиваю, переставляю с места на место, разрушаю и создаю. Я переезжаю из города в город, меняю профессии, прохожу мимо, останавливаюсь. Все, что есть вокруг,

действительно до тех пор, пока действителен я. Когда я умру, все исчезнет. Будут города, деревья, прогулочные лодки, люди, сидящие на веслах, - но это будет что-то другое, какая-то трансцендентная объективность, задернутая шторой неизвестности

Но я еще есть. Читаю книги, ем, разговариваю, улыбаюсь и говорю "Здравствуйте!" знакомым. У меня есть то, что называется "Прошлое": цепь случайных необходимостей, обстоятельств, отношений, радость и горе, опыт ошибок. Чтобы прикоснуться к нему, не нужно ходить далеко, - оно всегда здесь, со мной и во мне: греет меня воспоминаниями, поправляет ориентиры, определяет возможности Я ненавижу свое прошлое. Оно тянет меня назад, к себе, просит остановиться, подумать, оглянуться, что-то учесть, чего-то не забыть. Прошлое заставляет любить себя, уважать свои миражи, ценить свое существование. Оно успокаивает, прошлое, обещая возможность возвращения, указывает мне шаги, совершив которые и убедившись в неудаче, я всегда смогу повернуть обратно.

Я стараюсь не думать о прошлом. У меня есть цели - маленькие и большие, конкретные и абстрактные, и есть главная цель: чтобы все это непрерывно менялось. Линия "Настоящее - Будущее" давно сливается для меня в единую полосу Слова и Дела, Желаемого и Возможного, Средства и Результата.

Иногда я мечтаю. Это обыкновенные мечты среднего человека, в которых сказки детства перемешиваются с трезвостью сегодняшнего дня, расчетливость - с фантасмагорическим сумасбродством, а осторожная скупость ума - с непомерной расточительностью сердца. В мечтах я всегда хочу большего, чем могу, - может быть поэтому я так стремлюсь увеличивать свои возможности.

Для чего я живу? Уже много лет преследует меня этот вопрос. Попытки разрешить его приводят лишь к другим, не менее сложным загадкам: что такое жизнь? что такое "Я"? для чего мне сам ответ?..

Оглядываясь вокруг, я вижу, что я не один. Совсем рядом дышит, беспокойно ворочается во сне, звенит трамваями и коптит дымовыми трубами МИР: огромный, страшный, удивительный. Он манит меня, обещает, зовет Я вхожу в неоновые огни его улиц, любуюсь гигантскими небоскребами, останавливаюсь у зеркальных витрин, и вновь иду, иду Сады Семирамиды, трепетная музыка Брамса, статуи Торвальдсена. Ах, как здорово!.. Но однажды я попадаю в кривой переулок с грязными водосточными канавами, потом еще раз, еще и вдруг понимаю, что вижу тот же мир, и даже не с другой, обратной стороны. И мне становится скучно Зачем я живу? Что такое жизнь?

Люди Я натолкнулся на них неожиданно. Конечно, они были и раньше: серые фигурки толпы, обслуживающий персонал, мои знакомые - "Здравствуйте!" "До свидания!", - но я не понимал их как людей. Есть рабочие, построившие мою однокомнатную квартиру, кем-то был испечен этот хлеб, а на полях тракторы убирают пшеницу - должен же кто-то управлять тракторами! И вдруг: я - такой же, как они, а они - такие же, как я!

По ночам они запираются в своих комнатках, слушают музыку, боятся смерти и не хотят прожить жизнь напрасно. Утром, встав с постели, они уходят строить дома, пекут хлеб, ремонтируют дороги. "Зачем вы живете?" - спросил я у них Одни молчали, другие не понимали вопроса, третьи что-то говорили: "Чтобы строить! Для потомков! Увеличивать количество материальных благ! Чтобы завтра было лучше, чем сегодня! Оставить след в истории!" И еще: "Для детей! Получить максимум наслаждений! Достичь духовного совершенства! Осуществить мечту!" Я вслушивался, примеривал их слова для себя, но все это казалось посторонним, чуждым мне. У каждого из этих людей была правда, своя правда, и я завидовал им, потому что они знали, зачем живут. Впрочем, может быть, они только верили в это?!

Я пытался забыть: в удовольствиях, в напряженной работе Мучившие меня вопросы исчезали, но вместе с ними исчезал и я; дни, мелькавшие однообразной лентой, напоминали пустоту гроба: мертвую, четырехугольную, неподвижную И я понял: нет, я не такой, как все. У меня что-то свое, но что?..

Долгое время я верил книгам. Верил и ждал: не в этой, так и той мне откроется вдруг истина, и я пойму самое главное: смысл своей жизни. Но дни шли за днями, страницы перелистывались, менялись титульные листы - а во мне все оставалось прежним. Роясь в вопросах, казавшимися мне надуманными, или перебирая ориентиры - никуда, на мой взгляд, не приводящие, - я наталкивался иногда на что-то близкое мне, обещавшее успокоить боль сердца, - но лекарства, приготовленные по указанным рецептам, не приносили успокоения.

Пытаясь понять, откуда я вышел, я уходил в глубь Истории - нет, не музейной, настоящей, - и видел, что там тоже жили люди: добрые, злые, богатые, бедные, глупые и умные, что-то творившие, о чем-то мечтавшие, во что-то верившие. Другими словами, на разных языках они задавали те же вопросы, что и я - но их ответы не задевали и не касались моей жизни.

Потом я занялся наукой. Чертил логические схемы, искал философский камень, строил эмпирически проверенные и аргументированные теории - но все было напрасно. Наука пожирала время и отвлекала мысли, заводила в тупики ложных проблем и иллюзорных результатов - и наполняла душу отчаянием. Жизнь представлялась вереницей наукообразных занятий, бескончаемых споров с оппонентами, толкучкой в коридорах карьеры, иссушающего однообразия строго определенной линии развития.

Я бросил все и остался один. Темными вечерами, слушая стучащий в окно дождь и ветер, я садился у камелька, набросив на плечи старый пиджак, - и думал, думал Брал книгу, читал: о подвигах, о людях, умиравших по приказу, о муках новостроек. Может быть, правы они, эти люди, жившие не рассуждая и пытавшиеся сделать как можно больше? Да, МИР существует только через меня, но я ведь лишь частица этого МИРА, который выше, огромнее, важнее моего мелкого единичного существования. И долг мой, наверное, воплотится в него через построенные улицы, написанные книги

Оставив колебания, я растворил себя в коллективе. Четкий ритм работы, сладкое ощущение своей принадлежности к чему-то могучему, великому. Тысячи сердец бились в унисон с моим, повинуюсь неумолимой необходимости развития результата. Стальными клещами сжимала нас Логика Производства, возводя уходящие за облака небоскребы и тысячепудовые паровые молоты. "Вот она - История!" - восхищался я. Моя проблема решалась, казалось, сама собой. Но так только казалось. Однажды, очутившись в ситуации, требовавшей моего выбора и решения, я вдруг осознал, что сам ничего не могу сказать, потому что ничего своего не имею. Ту проблему, которой я жил и которая делала меня когда-то индивидуальностью, я как-то незаметно потерял, оставил в стороне. Коллектив Коллектив был всего лишь организацией, четко налаженной машиной, производившей для потребления и потреблявшей для производства Коллектив - множество индивидов, связанных общими идеалами сытой, благополучной старости и плеткой руководителя Громадная, бездушная организация, с одинаковым безразличием строившая и разрушавшая.

Тогда, в тот страшный час исчезнувшей надежды, я понял, зачем живу. Да, это так: я живу для того, чтобы всегда и всюду задавать себе этот вопрос - и отвечать на него: делами, выводами, пониманием и, если понадобится, смертью. Моя жизнь есть моя проблема, моя антиномия, и только разрешая ее (а не осознавая и подстраиваясь к каким-то внешним Необходимостям и Законам) - я ЖИВУ. В этом моя Истина, мой Ответ, мой Поиск!

- Здравствуй, Мир! - говорил я, бродя по рассветающему городу. - Я понял тебя, и теперь ты - МОЙ. Твои боли и раны, твои загадки и недоумения, воплотившись в мою проблему, станут ее болью и ранами. Я буду лечить их как можно тщательнее - ведь от этого зависит моя жизнь, - и ты поможешь мне в этом, не правда ли?!

Тогда все казалось простым и ясным. Мир открыт, я - в Мире, и Мир - во мне. Обогащая себя предметностью, культурой, я увеличиваю свои творческие возможности, становлюсь все более активным субъектом, изменяющим, строящим РЕГNUM ХОМИНЕЗ. Но первые же шаги, первая же осознанная проблема наполнили меня безотчетным ужасом вечной дороги
8 декабря 1971 года.

ЗАМЕТКИ

Часть вторая

Сейчас не уходят из жизни.

Сейчас из жизни уводят.

А если кто-нибудь даже

Захочет, чтоб было иначе:

Бессильный и неумелый

Опустит слабые руки,

Не зная, где сердце спрута,

И есть ли у спрута сердце.

(Б. и А. СТРУГАЦКИЕ).

Что могу сделать я для людей, я, гражданин одного из моментов истории, воплощенной сейчас во мне, в моих соседях, в жителях Земли 20-го века? Я знаю, что должен что-то делать, потому что "общественная история людей есть всего лишь история их индивидуального развития" (К. Маркс), потому что от моего действия или бездействия зависит жизнь других людей: тех, кто есть, и тех, которые будут.

Но что должен я сделать? Индивидуальная жизнь принимается другими, становится их критерием и нормой только тогда, когда она становится той необходимостью, без которой не может расцвести их свобода. Что необходимо людям?

Я пытался узнать об этом у живших поблизости, но их ответы не поднимались выше потолка забот о насущном хлебе и самодовольном отдыхе или были мелкими необходимостями их личной жизни. Газеты трубили про общественное благо, вычерчивали его размеры и намечали пути к достижению, но я-то знал, что официальное благо общества никогда не бывает благом всех его граждан. И я отбрасывал прочь газеты, потому что то, что может решить задачу только наполовину, не является ее решением. Должно быть одно, главное и самое нужное - мне и всем!

А, может быть, это неправильно: вопросы, сомнения, обязательные ориентиры? Не лучше ли просто приняться за работу: читать умные книги, беседовать с людьми, думать? Теоретические знания уберут лишнее, прояснят путь. Да, но подобная работа - уже выбор, начало пути, потому что сразу спрашиваешь: какие книги - умные, с которыми из людей нужно общаться, о чем думать? Конечно, средства определяют достижение цели, но только цель может определить, а потом скорректировать первоначальный выбор средств. И поэтому: какая цель человечества должна стать целью моей жизни?

А вдруг я не прав? Неужели каждое поколение рождается для того, чтобы их потомкам жилось немного лучше? А потомки живут для своих внуков, и так дальше и дальше. А когда же люди будут жить для самих себя? В каком-то Золотом веке? Но зачем страдать мне для будущего веселья довольных собой и миром потомков?.. Не лучше ли подумать о себе, своей жизни, которая дается мне только один раз.

Наверное, я смог бы жить только для себя. Читать приятные книги, спорить об интересных кинофильмах, помогать друзьям и просто хорошим людям. Не все ли равно, кем ты умрешь - Ван-Гогом или безвестным ремесленником, - если ты у м р е ш ь ?!

Да, я могу жить для себя, просто счастливым человеком. Что для этого нужно сделать? Совсем немного. В начале забыть, что вещи, которыми ты пользуешься, которые ты ценишь - пьесы Шекспира, например, или картины Рембрандта - и которые составляют самое приятное в твоей жизни, были когда-то выстраданы в муках творчества их создателями. Нужно забыть о том, как жил Джордано Бруно и где писал свою утопию Томмазо Кампанела, забыть о суде над Галилеем и о гонениях на Стендаля. Впрочем, забыть об

этом не трудно: ведь сделали это почти все знакомые тебе люди. И - еще одна плата за счастье: закрой глаза на все, что не соответствует мирку твоего блаженства, на все, что может нарушить гармонию твоего пищеварения. Подлость, насилие, крики о помощи - можно заткнуть уши ватой или пройти мимо, а еще лучше: привыкнуть и найти в этом приятное разнообразие. Чтобы стать счастливым в мире, где существует Добро и Зло, нужно привыкнуть к последнему, сделать его приятным для себя, трансформировать Зло общества в свое личное Благо. Почти закон, что в хаосе противоречий человечества личная гармония может быть построена только на фундаменте подлости.

Это не мой путь, не моя жизнь. И я не завидую потомкам - это бессмысленно, как бессмысленна была бы зависть к моему времени жителя Древнего Египта. Блаженство невозможно, потому что основная характеристика человека - творчество, а оно существует только в муках, в страдании. И жители будущего Золотого Века будут также терзаться над своими проблемами, как я, пытаюсь найти главную цель своей жизни.

О потомках можно забыть, нужно помнить о том, что есть: твои соседи, жители соседней страны, население Земли. Войны, насильственный труд, боль и ложь - то, что ты ненавидишь, то, от чего погибают любимые тобой люди, то, что поддерживает жар печей крематория и обносит проволокой концлагеря. Это - твой враг, и враг тех людей, которых ты считаешь лю д ь м и.

Цель, должная определить выбор средств, ясна. Теперь очередь за средствами, от подбора которых целиком зависит результат - результат моей жизни.

Можно начать с простого: лечить тех, кого можно вылечить. Выручать из беды, протягивать руку помощи, делать приятное. Это будет наглядно и действенно, потому что добро порождает добро. Пусть оно не значительно, не огромно, но ты ведь не собираешься прославиться, не собираешься вписывать золотыми буквами свое имя в картотеку поколений. Смысл действия - не в этом. Если бы Ван-Гог перед смертью сжег все свои картины - разве не перестал бы он быть для нас Ван-Гогом?!

Но - таким путем всех не спасешь, не сделаешь всех счастливыми. А значит: не сделаешь счастливыми и не спасешь никого. И добро - не всегда порождает добро. И в картотеку великих людей история вписывает не тех, кто стремился к славе, а тех, кто оказался ее достоин. Да и Ван-Гог известен нам не как человек с такими-то датами жизни, а как создатель картин, ставших плотью, частицей жизни многих и многих людей. Ван-Гог без картин - это просто шесть букв имени давно умершего человека плюс интересные воспоминания о нем его современников.

Нужно что-то создать Но что? Написать картину или книгу? Пойти по стезе Че Гевары? Создать еще одну теорию исторического действия?.. Выбор должен быть серьезен, потому что он полностью определит меня - выбранная цель дает только одно направление, отсекая все другие.

А какая у меня цель? Изменить жизнь своей страны к лучшему? Как это - "к лучшему"? Построить здесь Золотой Век? Но это невозможно, потому что страна твоя - только одна из клеточек пульсирующего организма, именуемого Человечеством. А уровень благосостояния одной клетки полностью зависит от уровня жизнедеятельности всего организма в целом. Страна, резко улучшившая (или ухудшившая) свое положение, выбивает из равновесия всю земную цивилизацию. И последняя, естественно, делает все, чтобы "заблудшую овцу" вернуть на положенное ей место: путем мировой войны, или экономическим кризисом. Этот процесс столь же необходим, как колонизация: втягивание малоразвитых стран более передовыми государствами в систему своего обмена веществ.

Золотой Век в одной стране невозможен. Начавшееся строительство неизбежно остановится из-за нехватки материала, наличия воинственных соседей, вынуждающих сохранить армию плюс государство, еще по каким-нибудь причинам. Золотой Век может быть ВЕКОМ всего человечества: целиком, без реликтов и исключений! И моя цель должна быть выверена и направлена только по этому ориентиру.

Но как дойти к нему? В какую форму нужно облечь свой выбор? Став писателем, я никогда не стану художником, так же как военная тропа Че Гевары навсегда уведет меня от письменного стола К. Маркса. Что выбрать?

Не знаю. Где-то вкралась ошибка, но где? Может быть, вот она: думая о мировых проблемах, я занимаю странную позицию по отношению к миру: позицию "Я - и мир". Я - спаситель человечества, с волнением ожидающего, когда я начну его лечение. Мир для меня: всего лишь сумма задач, средств и ненайденных решений, не считая снующих рядом бездельников, завистников и потребителей. Странная позиция, странная и страшная, потому что она может привести не только к обрывистым облакам утопии, но и к гибели на полпути, к гибели от истощения и одиночества. Необходимо помнить, что где-то должны быть люди, ищущие то же, что и ты, и этих людей нужно отыскать, стать их другом, соратником, потому что великая цель требует для своего достижения громадных усилий, невозможных для одиночки.

Но это - в будущем. А сейчас: холодные стены, этажерка с книгами, тишина пустой комнаты Мысли, устало бродящие вокруг закутанного в скучную тайну вопроса: что выбрать?

Я смотрю на стопки книг, лежащих на стареньком столике. Книги - это люди, через книги я разговариваю с ними. Больше всего мне нравятся старинные книги, написанные людьми, умершими задолго до моего рождения. Качественный отбор веков доносит только лучшее, главное, определяющее, и, открыв одну из книг, задумываюсь я над поиском и выбором древних, создавших мою цивилизацию.

История Она оживает, заполняет комнату, что-то шепчет мне Люди, люди Как много их! Кто они, что хотели, зачем жили?.. Хотя бы эти

Рыцарь крестовых походов, цирюльник Оливье, Робеспьер, народники России Между ними не эпохи, не годы и даже не километры, потому что живут они на одной Земле, живут с о з н а т е л ь н о, т.е. - сознавая свою

жизнь, выбирая ее, пытаюсь изменить к лучшему, только к лучшему. Все-таки история человечества - не линия, уводящая от начала куда-то вдаль, к концу или новому началу, не спираль непрерывной саморефлексии, отбрасывающей и оставляющей в стороне, как ненужный хлам, свое прошлое. История едина, история - это труд и страдания людей, объединенных общей мечтой настоящей жизни - пусть и не для себя, но хотя бы для потомков! Должно же когда-нибудь все это кончиться: ложь, жестокость, страх, одиночество!..

История едина. И если Оливье-Дьявол травил врагов Франции, мешавших расцвету ее славы и величия, мешавшие королевской власти установить справедливость и покой на истерзанной войной территории, то он повторял цель жизни безымянного рыцаря крестовых походов, несшего на острие меча своего учение Христа - заветы Высшей Любви - в языческий, противящийся установлению Божьего Царства, Иерусалим. А не в этом ли видел свою цель подписывающий указ о терроре Робеспьер, не били ли в ту же мишень пули народников!

Путь за мечтой, за лучшей жизнью. Путь истории. Выложенный костями и надеждами, политый кровью и верой, посыпанный пеплом и отчаянием. Кто мог, подымал меч или пистолет и шел на прорыв: к Утопии, берегам Вест-Индии, к Атлантиде. В этом, наверно, и было их счастье, потому что только в горящем огне стремления живет, не гаснет Мечта и Надежда. Но могли не все. Забитые, задавленные горем и невежеством, не смеющие - под страхом голодной смерти, виселицы или презрения морали - оторваться от своего плуга, станка, от замка, должности, от мелких утех семейного счастья, от предрассудков своей деревни, от обычаев страны - жили другие: слабые, малодушные, богатые, властвующие, нищие, мещане, купцы, граждане Эти могли только - верить! В загробную жизнь, где все будет лучше, в приход мессии, в чудо, в сказки, и теорию очередного "изма", в иллюзии, в идеологию Верить и ждать. И что-то делать, потому что за все, даже за вечное блаженство и Золотой Век, нужно платить: работой, праведным образом жизни, покупкой индульгенций Соблюдением законов Нации, честным исполнением долга, трудом на благо Родины

Восстания, революции Когда решалось: жить или умирать, когда жить по-старому было невозможно, а новое - вот оно, рядом. Исторические эпохи, скрученные временем Революции, вмещались в годы, месяцы, дни. Надежда, Вера, Мечта пытались осуществить себя, стать правдой, реальностью поюстороннего мира. Становились, воплощались Но: как-то боком, грубо и - не полностью. А если от Правды остается только половина, другая половина заполняется Ложью. И день сегодняшний только чуть-чуть отличался от дня вчерашнего Понявшие это переставали верить, надеяться, мечтать, потому что старая Вера, Надежда, Мечта себя не оправдали, а новой еще не было. Наступала полоса безвременья - полоса исторического отчаяния.

Рыцарь крестовых походов, цирюльник Оливье, художник Брегель, Робеспьер, народники революционной России Решавшие, как и миллиарды

других людей, одну и ту же проблему истории - проблему человеческого счастья. Решавшие - и не решившие Средства уводили не к цели, а к результату, потом вдруг оказывалось, что намеченная цель - всего лишь средство на пути к другой, более главной цели, и все снова кружилось, плыло; прокручивалось. Нет, конечно, многие люди были счастливы, но счастье это было индивидуальным - и потому неполным, мелким. Недалеко от таких счастливицев на земном шаре в это же время страдали другие люди, братья по разуму и роду - и вместе с ними страдало все человечество.

Я закрываю книгу Комната пустеет, становится холодно и неудобно. Сгущаются сумерки Я встаю, подхожу к окну Падает снег Почему люди никогда не достигали счастья?..

Выбор сделан. Ученый, художник, писатель - это формы, подчинившие и закупорившие в себе свое содержание. Они определены своим ремеслом, и суть их не в оригинальности, а в различии. Это - батраки, не видящие ничего дальше своего огорода. Поэтому формой моей деятельности должно стать отсутствие любой определенной социальной формы. И выбор мой - быть человеком.

Это - просто? Да, потому что такова моя сущность. И - сложно? Да, потому что нечеловеческие условия существования отрицают ее.

Быть человеком Значит: не быть какой-то, пусть даже и сверхидеальной, данностью, не быть чем-то застывшим, остановившимся. Какой бы благодатной ни была нива, на которой ты собираешь сейчас плоды, ты должен, собрав необходимое, пуститься в дальнейший путь, иначе тебе грозит заточение в тюрьму уже ненужного изобилия. Забудь предрассудок, делящий мир на духовное и материальное: для асфальта твоей дороги может оказаться одинаково необходимым как изящность логических теорем, так и вязкая грубость физической работы. От тебя потребуется не только настойчивость, воля и вера, не только гибкость, талантливость познавательной способности, но и умение быть человеком в каждом твоём поступке, в каждом отношении, в каждой ситуации. Потому что, приняв что-то, от чего-то отвернувшись и чего-то не заметив, ты придешь к тому, к чему шел - не в этом ли беда всех твоих исторических предшественников?!

Но это уже правила. Как все правила, они действительно до тех пор, пока оправданы результатом.

И все же: с чего начать, что делать? Ответ будет парадоксальным: начать нужно с конца. Стоит цель: Золотой Век человечества. Цель абстрактна, поэтому ни о чем не говорит. Каждый понимает Золотой Век по-своему, потому что люди столь же неодинаковы, как и их представления о счастье. Но где-то должна быть та историческая точка, в которую при определенных условиях сольются линии мечты каждого отдельного человека. Это и есть Золотой Век, потому что "общество не может освободить себя, не освободив каждого отдельного индивида" (К. Маркс), потому что только тогда, когда будет счастлив каждый, будут счастливы все.

Начав с человечества, я перешел к человеку: существу предметному, "живущему миром", образываемого культурой. При каких внешних

условиях человек может быть счастлив - каждый человек? На этот вопрос можно ответить только через ретроспекцию культуры всей цивилизации.

История - это процесс. Будущее в нем всегда детерминировано настоящим. Но поскольку история - это люди в "пламени труда", то именно они детерминируют будущее истории.

Но люди - слабы. Они отдают свое право на выбор будущего в бездушные руки государства, единственная цель которого: сохранить себя таким, какое оно есть. Прогресс для него - не развитие, не переход в иное, а всего лишь улучшение, укрепление своего нынешнего положения Государство - это тоже люди. И все революции, стремящиеся свергнуть общественный строй, защищаемый государством, всегда были междоусобной войной людей Война породила войну, на место одного государства приходило другое Круги инферно, по кото-рым катилась история Будет ли конец этому? Когда?

Я отвлекся. В пути, который я выбираю, начинать нужно с проблемы человека, потому что человек лежит в основании пирамиды цивилизации. Он строил, страдал, охранял тюрьмы и сметал их революцией, мечтал о бессмертии и убивал себе подобных Странное, загадочное существо Кто ты, человек? Откуда пришел, куда идешь, куда можешь прийти? И придешь ли?..

3 февраля 1972 года.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Так и приходит зрелость - строгая, беспощадная,-приходит и задает вопросы, самый страшный из которых: как будешь жить дальше?.. Когда-то казалось, что все решено раз и навсегда, что будет моя жизнь упорной погоней за точно намеченным результатом, искупающим все и вся, но так только казалось, и вот я вновь на перекрестке, только сейчас у меня двадцать три разменянных года, и слишком большой опыт беды, и нет доверия к людям, да и вообще ничего нет, кроме ярости - а ей нельзя доверять решение.

Вокруг меня люди. Они будут всегда: жалкие, злые, сомневающиеся, пьяные от тоски, намертво вцепившиеся руками в свою земную синицу - и все-таки ищущие глазами поднебесного журавля. Да, они будут всегда, и мне не уйти от них - никуда, даже в лес, - и страна та, о которой мечтал я в детстве, так и останется кубиками воздушных замков с навсегда закрытыми для других и меня крепостными воротами. Веривший когда-то в свою любовь к людям, я слишком поздно догадался, что любил в них только себя и свои идеи, а людей, какие они есть, любить трудно: зла их любовь и много в ней боли. Тогда, поняв это, я не нашел другого выхода, как попытаться превратить себя в машину, знающую только цель и работу. Но тщетными оказались усилия, и остался я человеком - среди людей,-и снова должен, сцепив зубы, открывать себя для новой любви - и боли!

Сейчас мы живем рядом: я и люди. У каждого свои потребности, свои цели, свои заботы; я сталкиваюсь то с тем, то с другим, что-то советую, кому-то помогаю, о чем-то забочусь. К большей части важных для них проблем я отношусь снисходительно - слишком мелки они в почитаемой мною

аксиологической шкале - но запрещаю себе презирать их, потому что это люди, и именно вместе, сочетая свои необходимости и волнения, мы осуществляем тот мир, которым "живем" и в котором умираем, - а презирать мир бессмысленно. Просто нужно делать то, что можешь, потому что камень, из которого выложена история, называется действием. Мысли, сколь бы аксиоматичными они не были, живут только в поступках: твоих, окружающих тебя или тех, кто будет дальше. Действуя, мы соприкасаемся друг с другом, и принимаем или отвергаем. Принятие означает любовь и доверие, за жестом отрицания стоит страх и ненависть, и человек, которого отвергли и который теперь будет мстить. А что сделаешь, если нельзя совместить в себе в один и тот же момент времени высоту и низость, чистоту и подлость, жадность и бескорыстие. Приходится выбирать: между целями действий, а значит - между людьми, а значит - между лагерями, направленными друг против друга. И ты, пытающийся возродить в людях то, что считаешь лучшим, вынужденно вступаешь в борьбу с теми, кто верен знамени твоего презрения. И вот снова бои, и снова вороны кружат над бранным полем истории, а кто-то, упившийся вчера кровью и победой, мечется сегодня в похмельной тоске и кричит: "Неужели я ошибся?!"

Но только вороны летают над головой: они еще не наелись досыта и хотят новой крови. И она будет, потому что время рождает мстителей, потому что все возвращается на круги своя и каждую минуту кто-то выбирает, на чью сторону стать.

Подставляя другую щеку, быть овцой в волчьей стае? Исповедовать всепрощение и жалость к людям? А не есть ли это то же презрение, только в другой форме? И во что превратится беззащитное тело твое и дух под ударами и плевками твоих сородичей и братьев? Да и что может сделать жалость в царстве жестокости и силы? Смягчить сердце? Для чего? Чтобы легче было протыкать их мечами?.. В мире есть только действие, а для него необходимы сила, усилие. А жалость Чаще всего она стоит и смотрит, или плачет, или утешает. Это не так уж плохо, особенно последнее - оно согревает, что так нужно иногда в морозные ночи жизни, - но жалость только успокаивает боль, помогает восстановиться для очередного действия. А дальше вступает в свои права и правила сила.

Когда-то я заполнял собой весь мир. Тогда мне еще верилось, что где-то, в каком-то волшебном дворце или зачарованной шкатулке, есть Истина, до которой надо добраться - и осчастливить человечество. Потом, после долгих будоражающих поисков, я понял, что Истины нет, - да и вообще ничего нет, кроме людей и их жизни, что так есть и было всегда. Вопрос о смысле жизни, волновавший меня прежде, превратился в бессмыслицу, и я почувствовал себя пойманной в ловушку мышью. Расплывались, пропадали в тумане сомнения самые ясные и твердые из берегов моих надежд. Устойчивость и определенность того мира, для достижения которого я и так отдал слишком много из детства, исчезла. Оставалось просто жить свою жизнь: немножко лучше или хуже, чем у других, но в целом так, как всем Отвыкнув в странствиях от людей, я грустил, видя только одну тень на занавеси своего

будущего - тень одиночества. Но потом, со временем, в русло моих дней сквозь щели случайных разговоров, недомолвок, непредвиденного участия стали проникать люди. Здесь, в отсвете заповоночной беседы, они представлялись почему-то странными, загадочными: не теми размеренными статуями, снисходительно кивавшими мне головой при встрече на улице, и не теми испуганными спинами, спешащими по настороженности ночи к приятному и уютному домику, а какими-то третьими, или четвертыми: больными, с усталой, разбитой судьбой, застывшей в равнодушии безверия. Выяснилось вдруг, что многие из них думают и бьются над теми же проблемами, и ответы у нас часто оказывались одинаковыми. Так, потеряв мир истин, я нашел истинных людей и, как надеялся, дружбу. Они не были со мной постоянно: приходили и уходили, я забывал их имена, сталкивался снова, бежал к ним в минуту тоски, грустил над их поражениями, верил в них, сомневался, искал их улыбки, не подавал руку - и так все шло, шло. Одно время мне казалось, что именно так следует жить: вместе с людьми. Помогать им, проверять в них себя, светлеть под взглядом их понимающих глаз, работать плечом к плечу. Но однажды я обнаружил, что общение с друзьями не приносит мне радости: их взгляды и мысли как-то заранее укладывались мной в структуру будущих разговоров и становились шаблоном, скороговоркой попугая, слушать которого - значит попросту терять время. Чувство новизны и неожиданности, главенствовавшие в наших встречах, исчезло, его заменила привычка - сгорбленная надзирательница тюрьмы Безразличие. Пытаясь уйти от неизбежного, я обвинил друзей в том, что они только такие, какие есть. Поступок был не нужен, - я понял это, слушая их ответы, начиненные знакомой правотой аргументов. В таких случаях нужно вставать и уходить - я читал об этом в книжках, - и сейчас мне предстояло самому почувствовать тишину взглядов, оставляемых за спиной твоих приклеивающихся шагов, тяжесть закрываемой двери и недоуменное состояние последней поставленной точки.

Я сделал все, что мог, что хотел. Теперь предстоит доказать себе и другим - но прежде всего себе, - что произошедшее было необходимым, что мой курс верен, и моя воля еще способна вести фрегат моих действий сквозь сумеречный ураган невозможного. И, как в старые времена обычаев, усевшись перед дальней дорогой, я молча всматриваюсь в себя, пытаюсь понять человека, задумавшего так много и ничего еще не исполнившего.

Говорят, что я умен. Но так говорят те, кто не знает, что ум - это глубина, а как раз ее мне всегда не хватало. Давно пора определить себя, выбрать единственную линию, но я не могу, не решаюсь остановиться на одном, - может быть, потому, что всегда боялся определенности. Мне чудится в людях четкой ориентации (профессионалах) скованность и оцепенелость: обреченность раба, до скончания веков должного вертеть жернов своей мельницы. Я не желаю быть рабом, а тем более - господином. Иногда мне кажется, что главное: не быть чем-то, а просто быть. Но я не вижу путей к этому. Сейчас я просто хочу жить так, чтобы между моим словом и делом не было дистанции, пусть даже малого размера, чтобы то, чем я занимаюсь, не

превращалось в работу, не становилось средством для приобретения социального значения или укромным двориком, благоухающим в цветах приусадебного лукоморья и самодовольной тесноты тесанных закровов с замками. Сбудется ли это? Слишком многое против меня, и, чтобы выстоять, необходимо иметь в себе определенность, иметь то, на что всегда можно опереться. Сейчас я поддерживаюсь немногим: верой в свои силы, желанием жить до конца, до предела, и еще - чувством истории: так называю я не оставляющее меня ощущение своей нужности отдельным людям - тем, которые есть, и тем, которые будут.

Проще всего было бы создать свой мир и заселить его придуманными судьбами: со своим течением будней, своими Елисейскими Полями и речкой Непрядвой, со своим началом и концом. Этот мир не оставит тебя при любой беде и неудаче, ты всегда сможешь уйти в него: гостем, или властителем, или задумчивым странником. Все, в чем отказывает тебе земная жизнь, ты получишь там: и персидские сказки, и мудрую отрешенность Индии, и разгульность средневековой ярмарки, и простоту ужина древних греков. Есть этот путь, но он закрыт для меня: слишком я посюсторонний, здешний, слишком хочу жить действительной, а не иллюзорной жизнью. Все-таки история - это действия, и от моего сегодняшнего дня зависит завтра других поколений. Когда-то они спросят: что делали вы, прадеды, - и моему имени придется отвечать за каждый шаг, пройденный мной по своей дороге.

Начиная писать, я предполагал, что, очертив мысли рядами букв, легко смогу уловить из сектора возможностей наиболее необходимые ориентиры - и выверить по ним, как по компасу, маршрут грядущего времени. Но цель далека и не приближается; значит, ложен был замысел, покинем его. То, что есть во мне и что будет вокруг, само подскажет, что делать. Я знаю, что буду писать; стихи, трактаты, эссе, просто письма. Это станет моим способом фиксации, моим разговором с собой и вечностью. Еще я знаю, что никогда не буду принимать действительность такой, какая она есть - в каких бы разумных и необходимых формах она ни утверждалась, - потому что не хочу останавливаться. И еще я буду сражаться: за себя, за тех, кто мне дорог, за то, во что верю. В мире идет война, и она объявлена не мной. Люди и обстоятельства постоянно толкают нас в ситуации, где нужно или отходить в сторону, или сдаваться, или обнажить меч, отбросив ножны как можно дальше. Я не конкистадор и постараюсь не искать победу там, где хватит перемирия: я не хочу трупов врагов и плача их близких, мне не нужны пряности наград и листики лавра - оставьте их для домашнего соуса! Я поднимаю свой меч потому, что есть храмы, требующие защиты от варваров, что в нашей жизни можно что-то сделать, только поняв и приняв ее зов вечного боя. Да, жизнь - это борьба, это битва, в которой все решает сила, какую бы форму она ни принимала: слабости, жестокости, расчета, удивления И потому: есть время - цепь ситуаций, - и есть я, человек, в каждой из ситуаций должный остаться человеком. И больше ничего нет, даже смерти

28-30 июня 1972 года.

ПИСЬМО САМОМУ СЕБЕ

*"Самой большой опасности
подвергаются люди, которые ждут".
(Эрих Мария Ремарк).*

Может быть, ничего и не было: ни тех вечеров в городе Белогорске, когда я писал стихи и думал над смыслом жизни, ни тех захватывающих споров у моря, когда вплетала наша четверка в свою судьбу конфликты и трагедии всего века, ни той остроты воли и разума, которыми, как скальпелем, резал я в майский период и в одесские дни расставания свое тело и душу?.. А что было? Октябрьская ночь, когда я, стоя в маленькой роще на Амундсена, слушал вой ветра, смотрел на раскачивающиеся деревья, на серп месяца, ежесекундно забрасываемый тучами, и плакал: над только что погибшей мечтой о союзе единомышленников, над своим завтрашним днем, почему-то оказавшимся в грязных лапах мундирообразных людей, над одиночеством, тоской и над этим непрерывным раскачиванием жизни, в которой все ненадежно, хрупко и где нельзя доверять никому и ничему, даже самому дорогому и верному? Поезда, увозившие от меня мальчиков и девочек моей юности, поезда, открывшие мне боль разлук и невозвращений и то странное ощущение звенящего пустотой времени, когда понимаешь, что все проходит - и твоя жизнь тоже где-то на середине? Или и это - ложь, а есть только то, что есть: вот оно, рядом и за окном, в твоём распорядке календарного существования, а остальное - дым, туман, недоступный рукам и глазу, и безразлично даже, было что или не было - все равно ничего не осталось

Впрочем, остались люди. Когда-то я называл их друзьями, соратниками. А сейчас это просто хорошие знакомые, вступившие каждый в отдельности в свой собственный поединок с судьбой. Каждый в отдельности - как и я

Развилки путей То, что раньше намечалось, проглядывалось в отдельных словах и поступках, сейчас проросло и выросло, оказавшись своим, самобытным. Многие еще под сомнением, еще не решена для каждого из нас внутренняя проблема: куда и зачем плыть? - но уже раскрыты не желающие ждать лоцманские карты выбора, шумит вода за кормой и дрожит схваченный ветром парус, и плывут суда: пока еще рядом, близко, но в любую минуту готовые, повинувшись курсу, отвернуть в сторону, все далее уходя друг от друга. Счастливого им плавания!

Удивляет, что нет в нас ничего нового. В разных веках, говорящие на разных языках юноши и девушки организовывались в общества, мечтали о счастливом будущем, посвящали свою жизнь служению идеалам И ничего на земле не менялось, и деятельность жалкого городского магистрата приносила иногда большую пользу, чем героические усилия нескольких смельчаков. Но, может быть, я заблуждаюсь? Может быть, и вправду без веры в другую лучшую жизнь люди никогда бы не смогли жить в этой, реальной?! Тогда христианство - лекарство, спасающее мечтателей от самоубийства.

Сейчас у меня армия - тяжелая и скучная пора, похожая на безвременье. Я знаю, что ее грустный след останется во мне на всю жизнь, что я никогда не смогу восстановить в себе утраченные здесь качества: доверие и любовь к людям, чистоту, искренность. Никогда! Это грустное слово - "никогда" - как последняя точка в конце прощального послания.

Чем страшна для меня служба? Нет, не работой, бессмысленной и жестокой, не бессонными караульными ночами - а непрерывной одурманивающей пошлостью. День за днем, как капля за каплей, бьет по моему сердцу густой влажной смрад грубого невежества, малоразвитости, нечистот языка, гнилое испарение мелких и трусливых мыслишек. Одиночество, мечты о другой жизни, тоска эмигранта - вот единственные мои спутники в этих душных ночах Флорешты. Как ненавижу я город, виновный лишь в том, что принял на свою территорию клоаку грязно-серых казарм!

Осталось десять месяцев до окончания службы. Потом будет другое - надеюсь, что лучшее, - но до него надо дожить, потому что десять месяцев - большой срок для человека с истрепанными нервами и все более безнадежным взором. "Но надо плыть"..., и мы поплывем, и все кончится хорошо, не так ли, Станислав Владимирович? Надеюсь, что так. А пока завтра с утра вновь наденем зелено-лягушечью форму с четырьмя звездочками, проверим, все ли уложено в карманы, перебросим через плечо полевую сумку - и вперед, к новому рабочему дню, где ничего не изменилось и не изменится. С равнодушным видом и болью в сердце будем слушать и отдавать приказания, бегать, суетиться по пустякам и ждать вечера, когда можно будет, придя на Свердлова, 85, осторожно проверить мыслями, не умерла ли спрятанная внутри тебя спящая царевна Мечта. Хоть за тридевять земель она ото всех, хоть и окружает ее колючая изгородь моей непробиваемо-утонченной интеллигентности - но по-прежнему и всегда реальна опасность вторжения в ее хрустальный замок свинцовых лучей обстоятельств, превращающих все и вся в скучную пыль обыденности. Но я сражаюсь за нее: с собой и со всем миром, и хотя исход неясен, я уверен в себе - вот только с рудниками добычи уверенности становится сложнее и хуже. Исчезло чувство флорештской новизны, почти полностью растворилась в памяти Одесса, и все уже смыкается во мне круг армейских проблем, превращающихся почему-то в оскорбительно насущные и привычные. Нельзя быть таким, я знаю - поэтому так радуюсь свободному времени, позволяющему с книгой или без нее уйти вглубь себя, к своей драгоценной царевне, дарящей мне иногда упоительные минуты вдохновенья.

Мое будущее: туманное и неопределенное. В него вмещается все: и отчаянная, шикарная жизнь, и возможность тюрьмы, и ночи, заполненные разговорами, встречи и расставания, лампа на письменном столике, муки невыписывающейся строчки, работа для куска хлеба и просто работа, мгновенья счастья. Что-то чередуется, что-то оказывается главным, стержневым. Я верю в него, в свое будущее, в его счастливость и

удачливость, глубину и наполненность, и знаю, что только эта вера не раз и не два была моей единственной опорой и поддержкой в пыточных камерах армейской службы.

Уже ясно, что я не буду писателем. Тогда кем же? Политиком? Философом? Или всем вместе? Скорее всего - последнее. Я нахожусь в социальном периоде, опасном для практических действий; все, чего я хочу - заложить фундамент будущей, не здешней и иной эпохе. То, что будет, не должно быть таким, какое есть, - иначе оно окажется продолженным во времени настоящим.

Нужно много знать и уметь. Задачи, стоящие передо мной, громадны, требуют усилий, мужества и силы воли - и все это необходимо найти в себе или самому воспитать. Человек определяется через скорость и качество решения сдавивших его проблемных ситуаций, через способность ставить и реализовывать цели, через умение выбора главной линии в хаосе направлений.

Когда-то я был уверен, что человек создается страданием. Сейчас я знаю, что страдание не только создает, но и разрушает, что человеку необходимы хотя бы краткие минуты счастья, удачливости. Страдание и счастье в равной мере является источником творчества: чем глубиннее они, тем ослепительнее и ярче вдохновение, - поэтому беречь их надо, используя продуктивно, при необходимости создавать искусственно, пускаясь на авантюры и жертвы, - вот только с допингами, вредными для здоровья, нужно быть осторожнее - я обязан дожить до своих пятидесяти лет бодрым и здоровым.

Допинги Многие из них потеряли свою остроту. Все более слабо отзываются мои чувства на случайные столкновения с детством, все менее воспламеняет меня трагедия или радость любви, почти ни одной проблемы не дали мне за последний год друзья, и даже неожиданность нового все чаще превращается в обычное коллекционирование скучающего путешественника. Может быть, это и есть старость сердца: когда безразлично все и сам ты себе безразличен, когда с одинаковым равнодушием встречаешь любой поворот судьбы, когда нет жажды и желания жить?! В такие минуты я вспоминаю Мартина Идена, зашедшего в тупик жизни, и думаю: неужели у меня то же самое? Нет, не верю, не все потеряно мной и не все приобретено; будут впереди битвы и штормы, которые мы одолеем, будет счастье и удача и вообще многое-многое будет: у меня и у тех, кто со мной

Любовь - странная штука. Совсем недавно она была где-то близко; я пытался ее разглядеть, но ничего не получилось: проехала она стороной гордой принцессой, и только колеса ее золотой кареты, поскользнувшись на апрельских камнях Николаева и сойдя с колеи, задели случайно меня, нерасторопного ротозея. Быстро произошло это, я даже не успел вскрикнуть от боли; принцесса пронеслась дальше, ничего не заметив, а я остался, растерянный и оскорбленный, и, рассматривая нанесенную рану, пытался угадать, что во мне оказалось раздавленным: нежность? ожидание сказки? искренность простоты?.. Пытался угадать - но ничего не угадывалось!..

Странная штука - любовь, странная и непонятная. Ее не измеришь никакими теоретическими понятиями, не поймешь через исторические и жизненные примеры, не познаешь до конца в собственном опыте. Она есть - и ее нет, она высветлена - и темна, тверда, как алмаз, - и рассыпается под дыханием ветра Нет, не понять мне любовь! Ясно только, что нельзя с нею играть или шутить, потому что во всех случаях участвуют в ней люди, для большинства которых любовь и счастье неразделимы - а я должен, обязан бережно относиться к чужому счастью

Я - не имеющий своего счастья Не имеющий и не желающий иметь, потому что такая дорога моя, в которой все свое ношу с собой, и не должно быть ничего лишнего, тормозящего, оборачивающегося непройденными километрами. Все - с собой, и ничего ненужного - и дорогого: ведь смысл дороги в приобретениях, невозможных без потерь, и нельзя мне бояться что-либо потерять. Не имеющий - да не будет иметь! Так легче, честное слово, легче - и свободнее! Не держась за что-либо в настоящем, ты будешь постоянно стремиться в будущее; твой шаг станет упруг и легок, и ты окажешься неуязвим для окружающих: ведь они не смогут отнять у тебя ничего, чего страшился бы ты потерять - за неимением такового; они не смогут держать тебя в узде, стреноживая веревкой зависимостей; только от себя ты зависишь: себя и своего выбора!

Таков путь. Только он, по моим теперешним убеждениям, может привести меня к цели. Не иметь семьи, домашнего очага, родины; скитаться по временам и людям, нигде не останавливаясь и не задерживаясь; быть волком: старым и одиноким волком, живущим без стаи.

Впрочем, не всегда и не во всем. Волком - среди собак. А как быть с людьми? Ведь они есть, они будут, и на что окажешься способен ты без их поддержки и единомышления? Волк живет для себя - но у меня совершенно другие цели!

Вопросы, вопросы Вопросы, остающиеся без ответа. Нет его, правильного и истинного решения раз и навсегда; все зависит от ситуации и именно она подскажет очередную жизненную роль. Нужно просто носить в себе различные варианты качеств, чтобы при необходимости суметь оказаться не только человеком, но и волком - все-таки волк в центре собачьей своры выглядит достойнее, чем заяц-трус или беззащитная овечка. Не умеющий защитить себя никогда не сможет защитить другого - а все доброе и нежное требует обыкновенно защиты.

Нет, не самбо и не бокс - мужество воспитывается через психологию, через моральную готовность бить и принимать удары, через установку на победу, позволяющую смеяться даже при поражениях. Если при неудачном исходе ты готов продолжать битву, если по-прежнему веришь в себя и спокойно смотришь в будущее - тебя нельзя назвать побежденным, какая бы сумма проигранных сражений не устилала твою вчерашнюю дорогу. Еще будет "завтра" - помни, что в любой ситуации всегда остается "завтра", - и мы посмотрим, кому из нас протянет руку переменчивая фортуна.

Кто мой противник? Власть имущие? Обыватели? Злобствующая повседневность?.. Сложнее все, сложнее У меня нет ясновидимых, доступных органам чувств, врагов, я не мизантроп и не противопоставляю себя человечеству. Это бессмысленно: противопоставлять себя человеку, полностью определенному социальной ситуацией. Общество, современное мне, состоит из ряда культур, исповедующих те или иные принципы. Культуры взаимопересекаются, сосуществуют и уничтожают друг друга, и все это рельефно изображается как процесс жизни людей, поскольку именно через деятельность последних выражает себя цивилизация. Каждая будущая эпоха определяется в главном по параметрам той культуры, которая победит и возобладает в настоящем, поэтому так сильны и яростны междоусобные схватки противников.

Я - представитель культуры, постоянно терпящей поражения. Я стремлюсь к бытию, где на пути свободного развития человека никогда не станет другой человек, где основными линиями существования окажутся дружба, любовь и доверие друг к другу. Кажется, что просты и доступны эти принципы, что трудно найти не желающего их исповедовать, - но пока что имевшиеся условия общества превращали в большинстве жизненных ситуаций данные желания в утопию, открывая путь совершенно другим ценностям и идеалам. В истории не раз и не два предпринимались попытки установления на престол всеобщего господства принципов моей культуры - но ничего не получалось или получалось удивительно мало. И сейчас я, один из многих, шагая по следам, но не ошибкам своих предшественников, пытаюсь жизнью своей установить над рейхстагом Сегодняшней Обыденности гордый флаг Нездешнего Будущего.

У меня много противников. Здесь и собственность, насилие, подлость, невежество, овеществление личности - и еще, и еще Многочисленны мои противники, крепка и незыблема их основа, заложенная в шкале культурно-бытовых ценностей и конфигурациях производственно-государственной машины и, что самое страшное, впечатанная в человеческие души. Именно поэтому то тот, то другой из человеческого рода будет возникать на моем пути как стена, которую необходимо или обойти, или разрушить - или использовать в целях своего движения. Убежденный в своей правоте, я должен передавать эту убежденность другим - тем, кто способен ее принять. Конечно, не надо метать бисер перед свиньями - но только в том случае, если там действительно нет ни одного человека!

Сейчас я, в соответствии со своей теорией необходимых побед, установил для себя период, в течение которого должен одержать хотя бы несколько побед над обстоятельствами, а значит - над собой, над своей установившейся привычкой к поражениям. Только тогда я смогу приехать в город Одессу не просителем, а дающим и требующим. Царство мое внутри меня, но я забыл о нем. Пора вспомнить о своих наследственных владениях и, заново открыв и покорив их, вновь предстать гордым и непоколебимым владыкой. Пора быть, а не пребывать!

А для этого уметь надо, товарищ лейтенант, и многому учиться. Жернова армии размололи в прах большую часть когда-то интересовавших меня проблем, почти не ориентируюсь я в науке, да и литература волнует меня все меньше и меньше. Стираюсь я, несмотря на отчаянные попытки сохраниться - и сумею ли восстановить себя в будущем?

Грустный итог, хотя и обогащенный золотиносными крупинками опыта. Думал ли я, к примеру, что так важно и необходимо для человека прошлое, что оно - стержень его сегодняшней жизни? Да, не понимал я многое, и только сейчас мне становится ясным, что прошлое решает, каким ты увидишь и что успеешь сделать в настоящем.

Чего я хочу? О, немного: создать новую аксиологию, выработать нездешние формы организации в качестве основы будущей культуры, наметить пути воплощения теории в действия. Мне потребуются книги, люди, соответствующая деятельность, потребуется конкретизация существующей систем для нахождения в ней точки самоизменения, потребуется воля и талантливость. Каждый мой выбор должен быть разумно рассчитан: нельзя отдаваться на произвол пусть и попутной тебе ситуации. И еще: нельзя ничего и никого бояться. Все, даже самое страшное, оканчивается всего-навсего смертью - вряд ли могущей испугать человека, живущего только для реализации цели. А потом: хоть потоп! - и нет разницы, какой листок календаря окажется для тебя последним.

Откуда начинается прошлое? От стрелки часов, перечеркнувшей ушедшие сутки? С констатации исчезновения еще одной секунды собственной неповторимости? Или с воспоминаний, преследующих твои мысли?

Здесь, в армии, я почувствовал власть прошлого после его утраты. Университет, друзья, разговоры, книги, идеи, вынесенные оттуда, остались внезапно позади, в стороне от сегодняшних потребностей, несущих злость, ожесточение, бессмысленность проживаемого дня, где, если что и приобретаешь, то за счет потери того, каким ты был раньше. Пустота службы давит и угнетает, не верится в спокойную жизнь, в действительность бытия когда-то сдававшего госэкзамены мальчика, и кажется нереальным срок в десять месяцев - нет, наверное, больше: десять лет, или даже десять тысяч. Пробираешь восстановить себя музыкой, книгами, стихами, а в голове одно: "Уехать бы туда, где жизнь другая" Куда? Да и возможно ли? Уже столько пытаешься уехать, и все не получается, потому что, даже выехав, вновь возвращаешься в точку, откуда когда-то начал движение.

Я знаю, что такое прошлое. Это - люди, которых нет и не будет рядом, это - места, закрытые для тебя обстоятельствами, это - опыт действий, не могущих найти себе применения. И еще это тоска по тому тебе, который когда-то жил в найденных тобой старых письмах и записях, в запыленных дневниках и сморщенных, пожелтевших фотографиях. Он далеко, этот мальчик с удивительно чистыми глазами, может быть, он уже умер или улетел, как принц Экзюпери, к своей звездочке - но иногда ты чувствуешь

его в себе, слышишь его звонкий голос, спрашивающий: "Ты все успел? Ты исполнил свои мечты? Ведь ты уже взрослый, да?".

Я уже взрослый. И поэтому я опускаю голову и молчу, потому что нет исполненного, забыты многие ориентиры и все смешалось и разлилось по сугробам и половодью пролетевших куда-то назад временам года. Не вернуть ничего, потому что не возвращается прошлое, начинающееся для тебя всегда с ясного осознания потери людей и событий, имевших когда-то громадное значение в твоей жизни - да и создавших в основе эту вчерашнюю жизнь. А сегодня все другое: и люди, и обстоятельства, и сам ты, лейтенант гвардейского 176-го полка; хоть не рад ты этому, но жить надо, и именно той жизнью, что вокруг тебя - другой-то нет! И будешь ты жить, Станислав Владимирович: слушаться начальство, жалеть или ругать солдат, увиливать от работы, с неохотой расписываться в книге нарядов, не спать караульными ночами - и только иногда, в качестве минутной передышки, позволять себе с болью и тоской провожать глазами пассажирский поезд "Кишинев - Одесса", который когда-то, через десять оставшихся месяцев, увезет тебя навсегда из двухгодичного ада офицерской службы!..

8-14 сентября 1973 года.

ПОЧТИ ИТОГИ

*"Жить - значит медленно рождаться".
(Антуан де Сент-Экзюпери).*

Кто я?.. Где я?.. Сны ли закружили меня по своим дорогам, память ли черной кошкой пересеклась с моими раздумьями Как я здесь оказался? Что завело меня в эти места, пропахшие дымом воспоминаний? Было время, когда уезжал я отсюда с надеждой не возвращаться, когда прощался с переулками города, где родился и вырос, и верил в свою оригинальность и удачливость, и были у меня цели и средства, - это потом многое потерялось, как и чувство этого города, поднявшегося передо мной химерами будущей здешней моей жизни.

Неужели они замкнуты, круги человеческих судеб, и мы обречены вечно вращаться вокруг какой-то точки, называемой то родным домом, то твоими возможностями, то пределом действительности?.. И, как полководец, потерпевший поражение, ты будешь вновь и вновь приходить туда, откуда когда-то вышел, исполненный сил и уверенности, чтобы сейчас, усталый и потерявший веру, собирать новую армию для очередного похода, - ибо поздно искать другой смысл жизни

То, к чему я стремлюсь - хочу только я. Немало и немалое понадобилось мне для усвоения этой истины - но вот она есть, громадная и нелепая, как камень, загородивший дорогу - не обойти его, не объехать. Много людей вокруг, но за каждым стоит его Дело, его Судьба, его Цели. А линия общения, связывающая всех в целое, не выходит за рамки вечной деятельности и штампованных общеизвестных представлений. Даже люди

одной со мной культуры, так много и хорошо понявшие - уже определены (или ограничены): знанием материала, условиями работы, логикой цели, законами семейного счастья, привычкой к сложившемуся способу существования. И наши истины, даже пересекаясь, остаются чужими - как и наши жизни.

Я понимаю, в чем смысл работы для будущего. Результаты моей деятельности, необычные и опасные для настоящего, станут когда-нибудь элементом культуры общества, воспитывая и превращаясь в социальные качества далеких потомков! И сотни истин, загнанных сейчас авторами в уголки индивидуальных тюрем, окажутся когда-нибудь штампом и преградой для новых рождающихся

Катится история, катится Вращаются круги инферно Что ж, здравствуй, мой круг, моя дорога - вечная дорога одиночества! Я твой, я иду по тебе, сквозь мрак и боль, и свет далекой звезды - по белому лезвию тайного ужаса обреченности

Шаг, еще шаг Туманом оседают на земле прожитые годы, и вырастают контуры города, где я встречу двадцать пятый год своего рождения. Сошедший с подмостков борьбы, я превратился в зрителя, рассматривающего и оценивающего игру жизненного театра. А в антрактах буду стараться многое вспомнить, и забыть, и понять в заполнившем мою память калейдоскопе событий. Так и не ставший учителем, буду учеником, верящим в час ученичества. Где-то брезжит рассвет, и нужно отдернуть одну из штор, чтобы открыть для своих глаз солнечный свет другого мира.

Цель может и не исполниться. Сколько их, искателей вечного двигателя, занесло песком времени?! Но разве храм мой в конце, а не по сторонам дороги? И неужели там, где я пройду, пусть даже и вопреки намеченному маршруту, не найдется места для привала и чистой воды источника?.. А если жизнь завершится тупиком? Тогда она станет сигналом опасности, заставляющим идущих позади выбирать новое направление. Впрочем, кто знает: может быть, наши тупики - это двери, ключ от которых еще в будущем?

Читаю старые письма. Сквозь очертания букв и запутанный лабиринт смысла проступают лица людей, связанных когда-то со мной оттенками бытийственных отношений; я вдумываюсь в них, в их судьбу, в проблемы, заставившие нас тогда обменяться этой исписанной бумагой Многие из них далеки - кто в памяти, кто в расстоянии, - и, задумавшись, я пытаюсь представить, какими мы будем, когда станем солидными взрослыми, у которых есть и сложившаяся духовно-материальная жизненная позиция, и энная часть осуществленной мечты, и вполне надежная перспектива - какие мы будем для тех, кто сейчас близок? Чужими? Родными? Врагами? Или просто забудем, как забывают о том, что не нужно?..

Все определяется местом, где ты живешь, работой, интересами. Когда-то был город детства, и в нем друзья - школьные и просто так, а потом это исчезло, растворилось, потому что поступил ты в одесский вуз, где все другое, и оказалось, что для того, чтобы продолжить, надо начать все заново,

и появились новые приятели, соответствовавшие данной жизни, а старые ушли, оставив память и грусть о том, что могло быть, но не получилось. И при встречах мы улыбаемся и молчим, или говорим незначащие слова, не зная, есть ли что-нибудь общее между этим прохожим, одетым в куртку, и похожим на него парнишкой, с которым ты играл когда-то в одной футбольной команде, бегал на танцы и жег костры на ночной рыбалке

Чтобы продолжить - себя, - нужно начать все заново. И где-то стоят города, в которые мы когда-нибудь приедем и попробуем жить в соответствии с отсеянными от старых ошибок намерениями, и появятся люди, раньше незнакомые, а сейчас помогающие тебе в жизни, а старое вновь уйдет, куда-то в туманную даль, откуда не возвращаются

Новое - не обязательно лучшее, новое - просто другое. И в нем иногда бывает очень плохо, и часто ты знаешь об этом наперед. И все равно идешь, так как остановка равносильна добровольному отказу от будущего, от обещаний неизвестности - т. е. от лучшего в нашей жизни. Вот только нельзя путать остановку с ожиданием - последнее бывает необходимым: хотя бы для восстановления сил или выжидания попутного для действий времени.

Периоды ожидания и движения, потерь и приобретений То ли сами они приходят, то ли создаю я их своим выбором направления Что у меня сейчас? Доживший до возраста, когда с удивлением замечаешь в других не плохое, а хорошее, я склонен рассчитать варианты потерь. Последнее, впрочем - не самое худшее, особенно если удастся потерять часть прошлого. Мне давно кажется, что именно оно, прошлое, мешает мне выплыть из потока поражений, преследующих меня последние годы, что это его копоть, клубясь облаками, скрывает тот горизонт, где раньше вставало солнце. Я должен забыть прошлое, снять эту грудку камней, лежащих на сердце!

Но разве забудешь? Разве снимешь этот груз головных болей и бессонницы, громадным пушистым зверем падающей на тебя ночью? Нет, не получится. Все, что позволяет ситуация: вспомнить и искупить грехи, чернеющие в твоей памяти. Ибо иначе грехи прошлого нашего находят и приходят к нам однажды, чтобы убить - и нет от них спасения!

Я не переоцениваю свое социальное значение. Для большинства святые мне истины - смешны и ничтожны, потому что оно, большинство, живет в другом измерении, которое я называю «обыденностью». Там, в этом мире, есть свои титаны и пигмеи, своя правда и ложь, и четкие идеалы, за которые эти люди пойдут на смерть. Наши миры так далеки друг от друга, что, разговаривая с кем-нибудь из них, я зачастую чувствую себя чужеземцем, попавшим в незнакомую Галактику. Впрочем, в обыденности есть много прекрасного: хотя бы то, что только здесь возможно реальное, невыдуманное счастье, и нет этого жуткого ощущения себя вечным прохожим.

С людьми моей культуры меня объединяет поиск - и разъединяют наши истины. Поэтому я стараюсь быть терпимым к нашим теоретическим разногласиям - они не суть главного в нашем общении. Создавшая нас культура сроднила нас способом жизни - он то и должен быть центром нашего благожелательного внимания.

Нельзя требовать от людей героической идеальности. Мы живем в ситуациях, а не бронзой на площади, и, сильные в одних, всегда можем быть раздавленными другими обстоятельствами - если не предпочтем погибнуть. Наученный жить только по законам добра, я сам часто спотыкался в армии - особенно первые месяцы!

В соседней комнате отчетливо стучат часы Минута, еще минута Где-то во мне что-то ветшает, что-то падает и разбивается И когда-нибудь это станет заметным

Я все время спешу, будто куда-то опаздываю: спешу прочитать книгу, прожить день, потерять дружбу Что-то заставляет меня ускорять события, заглядывая туда, в окончание: что там? Все то же, все те же И вновь волнение и суматоха отъезда, вновь тороплюсь навстречу неведомому. Читаю, пишу письма, какие-то статьи, единственный смысл которых - в оправдании результатов истекшего времени. Боюсь ли пройти мимо своего звездного часа? Или делами и фразами пытаюсь скрыть беспокойство пассажира, начинающего подозревать, что сел не на тот поезд? А, может быть, просто старею, и с уменьшением энергии и жажды деятельности все резче обозначается вопрос: успею ли что-нибудь сделать - для себя, для других, для вечности?

Жизнь для результата, жизнь, состоящая из черновых, перечерканных мыслями и поправками недель ради одного дня, дающего долгожданное чистовое произведение Я привык к ней, и только иногда, в минуту творческого кризиса, вдруг ощущаю приступ тоски и мученической зависти к своим сверстникам, поглощенным пафосом будничных конкретных забот Да, они лишены волнующей игры интеллекта, им неведома высота, на которую свободно взбирается мой разум, - но у них нет и бессонных ночей, и боли падения, и этой слепой тоски

Что потеряно - то потеряно навсегда! Останемся каждый на своих вершинах, поменьше думая об их карто-географических значимостях. Вернемся: кто к своим овцам, кто к счастью, кто к истине - и продолжим вкладывание себя в лотерею истории.

Где пожнешь то, что посеял когда-то? И то ли пожнешь, что сеял? Что сказали бы люди прошлого, рассыпавшие "вечное, доброе, честное" по полям разума, доведись им увидеть зазеленевшие всходы? Радостны были бы их глаза и светел лик - или сползали бы слезы отчаяния по их склоненным ресницам, старающимся отвернуться от того, чем стали лучшие порывы их жизни?!

Бойтесь же замыслов ваших, о ищущие - ибо они исполняются; бойтесь своего знания, ибо семя его, падая в землю, произрастет плодами - и вдруг горьки окажутся эти дары трудов ваших! Гибнет мечта, прорастая, стареют ее создатели, и только ветер, собирая годы, кружит от севера к югу, и руки преемников тянутся к огню чужой мудрости: кто первый зажжет факел? Кто станет владыкой?! И вот горит огонь, в домах и на площади - кострами ли, уносящими жизни, вспышкой прицельного выстрела или ваттами тюремной лампочки - горит огонь.

Бойтесь же истины вашей, добытой ночами сомнений, ибо другие ночи - страха и ненависти - может взрастить она, попадая в чужие судьбы. Нет ничего для нас, кроме бывшего - а что там, в грядущем? И порождает Адам Каина, называя его "сыном", и молится апостол Иуда, восторженно слушая Иисуса И падают, падают семена чьих-то дел и мыслей в рыхлую землю сегодняшнего, льется дождь, пропитывая их солью смысла, восходит и заходит солнце, и кружит ветер, от севера к югу ЧТО в тебе, грядущее?!

1 - 4 сентября 1974 года.

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ СТАСИКА

* * *

Сознаюсь, я упрям, как прежде,
Не живу по законам моды.
Гасит время мои надежды,
Не прощаясь, уходят годы.
В каждом дне я теряю что-то
И не часто бываю весел
Мчится тройкой моя дорога,
Позади - девятнадцать весен!

* * *

Отодвинута дверь кинозала.
Фильм окончен. На улице - мгла
Вновь о чудной мечте застонала
Заключенная в будни душа.
Как уйти? Где найти избавленье
От машинной усталости дня?
Неужели всегда в безвременье
Мне шагать по пути в никуда?!
Я останусь! Я должен остаться
В этом веке - для новых веков.
Только б к жизни другой мне добраться
Где они? Где ключи от оков?!

* * *

Я шагаю по этим дням.
как по человеческим жизням,
среди которых
и моя собственная.
Я шагаю,
слыша предсмертные крики,
и жду, жду:
когда же
мой сапог поскользнется в стоне -
это
подошла очередь
моего сердца.

* * *

Мир сложен. Думаю о мире.
Туман вокруг, туман, туман.
И смысла нет свергать кумиры,

Чтоб завтра верить вновь в обман.
И мира взрезанные раны
В бессильной злобе обхожу;
За чем-то призрачным спешу -
И снова путаюсь в тумане

* * *

Я ушел по этой дороге
А сзади остались горы
И наша старая хата
Ну что мне смотреть виновато?!
Ушел я Умру в дороге

* * *

Сказалась мысль, в которой - ложь.
Но что сказалось - не вернешь.
И вот, солдат случайной мысли.
Я оставляю пепелища
На той земле, где я когда-то
Бродил, ни в чем не виноватый.
Сказалась мысль, в которой - ложь.
И не изменишь, не уйдешь

* * *

Все прошло, все покрылось туманом
Пожелтевших от старости дней.
Бродит память по сонным курганам.
Что-то ищет в надгробьях теней.
Я спросил ее: "Что тебе надо?
Мир прекрасен: ты только всмотрись.
Брось грустить! Нет ни рая, ни ада,
Есть сегодня, и в этом - вся жизнь!"

* * *

Мой жребий ясен.
Я сам его выбрал
И, как упрямый грешник,
Иду, становясь ступнями
На тлеющий уголь дороги...

* * *

Никто никого не ищет,
Никто никого не ждет,

И ветер на пепелище
Обрывки от детства несет.
Давно мы обуты, сыты,
И знаем, зачем и что,
И нам никогда не снится
Волшебной жар-птицы перо.
Живем, наполняя время
Работой, заботой, сном.
И близкие все - в отдаленье,
И лучшее все - на потом.
И я, рядовой поколенья
Разбитого бытом солдат.
Бреду по тоске отступленья
Без веры и счастья в руках,

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Скоро полночь.
Сиж у стола,
И листает тетрадку рука.
Я устал, и устали глаза.
А в тетрадке слова, слова...
За окном дышит ночь. Зима.
И дневник мой читают глаза
О заботах, о мелочах дня,
Жил в котором когда-то я.
Я устал, и устала рука,
В дневнике все слова, слова
Что терзали когда-то меня,
Что уже не терзают меня.
На дворе тихо спит зима;
Я читаю свои слова
И не вижу часов, стола, -
Только день, жил в котором я.

***

Мне все равно: ты любишь или нет?!
Я навсегда один иду по кругу.
И чьей бы ни считалась ты подругой,
Я сам держу пред звездами ответ.

Мне безразлично: кто ты, и зачем
Ко мне под вечер ходишь на свиданья.

Ведь я влюблен лишь в идеал желанья,
И ты здесь остаешься не у дел.

* * *

Ну о чем говорить,
И куда уходить коридором?
Рвется памяти нить,
Прикоснувшись к минувшего ссорам.
Ни друзей, ни затей
Сам себя хороню я и плачу.
Там, где тень на плетень,
Забросал я камнями удачу.
Боль вздыхает в груди
Подминая и разум, и сердце.
В этом долгом пути
Невозможно и некуда деться.
Не моя в том вина,
Что любви догорают поленца,
И что ночь коротка,
А на день не могу насмотреться.

* * *

Порозовели тени дня,
Жарой укуталась погода.
И нет уже былой тревоги
В случайных темах сентября.
Что унесло - то унесло
И в дом зашедшие ненастья
Рифмую я со словом “счастье”,
И обещаю им тепло.
Зачем сердиться и жалеть?
То, что случится - пусть случится!
Ведь все когда-то повторится,
Чтоб утвердиться и сгореть.

* * *

Мечта! Прорвись сквозь эти стены,
Сквозь сумрак мыслей, плесень дня,
И принеси мне звон капли
И чудо-песню соловья.
Чтоб хоть на вечер стал я прежним,
Поверив в радость бытия;
И снова жил в святой надежде,

Что ты сбываешься, мечта!

* * *

И это всё когда-то было, было!
Куда-то уплывали корабли,
“За тех, кто в море!” - по тавернам пили,
И жены по погибшим голосили,
И песня чья-то таяла вдали.
А море то ласкалось, то грозило,
И жизнь, как смерть, у каждого одна.
Но длилась вера, в каждом взгляде длилась:
О вечности мерцающего дня.

* * *

Цвети, вечно юная роза
Пусть бродит мороз за стеклом,
Скалясь гололедною прозой -
Нас греет огонь лепестков.
И лето, проснувшись, с надеждою
На улицу смотрит в окно,
И я, не такой вот, а прежний,
Иду с юной феей в кино.
И, жизнь повторяя с начала,
Наученный болью потерь,
Я больше не стану, играя,
Срывать лепестковую сень.

* * *

Ты вновь меня манишь, море,
Туманами, парусами,
Злым ветром в седом просторе,
Подводных сирен голосами.
Забывшись твоею красою,
Плыву я в мечтах нездешних -
И стонет волна прибоя
О сини закатов прежних.

НАДПИСЬ НА ОТКРЫТКЕ

Здесь тоже рассыпана осень,
И чья-то врисована жизнь,
И кто-то отчаянно хочет
Вернуться в июньскую высь.
Но нет, не сбывается чудо.
Зима впереди, и тоска,

И вера, что будет, будет
Горящая краской весна.

УТРОМ В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Замерзшие бледные руки,
Стук сонных вагонных колес,
И просится чувство разлуки
При взгляде на чашу берез.
И памятью зелени летней
Случайные мысли больны,
И осень угрюмой, последней
Уносит листвой мои дни.

ОСЕННЕЕ

А на улице дождь, дождь.
Я смотрю из окна в дождь.
Я молчу и смотрю в дождь,
Как в чужую судьбу - в дождь.
Я молчу и грущу в дождь:
И пытаюсь понять дождь:
Чем похож он на жизнь, дождь,
На безликую жизнь - дождь?
Моет улицу дождь, дождь,
И не видно людей - дождь
Скучно быть без людей в дождь;
Ты один и с тобой - дождь.
Что печалит меня в дождь?
За стеной слышен смех Дождь.
Я смотрю сквозь стекло в дождь
И не вижу людей Дождь.
Люди где-то в домах в дождь.
Разговоры. Дела. Дождь.
Кто смеется, кто плачет в дождь,
Кто молчит. Шелестит дождь,
Что-то долго идёт он, дождь!
Солнца нет. Только дождь да дождь?
Люди в стенах своих в дождь.
Пустота Чей-то смех Дождь.
В чём-то каждый своим в дождь.
Каждый чем-то чужой Дождь,
Он стучит по стеклу, дождь,
И по мыслям моим - дождь.
Я молчу. Я смотрю сквозь дождь.

Жду я солнца - не вечен дождь!
Жизнь без солнца тускла, как дождь,
Как слепые глаза Дождь.
Я продрог. Не понять мне дождь,
И ту жизнь, что в домах в дождь
Для себя и в своем - в дождь
Где же солнце?! Лишь дождь, дождь.

* * *

Память памятью убив,
Я о прошлом не заплачу.
Пляшет чертик неудачи,
Выбирая путь судьбе.
Мне никто не будет сниться.
Перепутаны границы
Клятв, ошибок и тоски.
Я сейчас не принц из сказки
И не славный добрый мальчик,
Кто платил чьи-то долги, -
Занавесив чувства маской,
Стал я лживым и опасным
Гражданином суеты.

* * *

Пожалей меня, пожалей,
Закружил мои сны апрель,
И зовут, не зовя, поезда,
Может быть, в никуда, в никуда.
Пожалей меня, пожалей,
Отвори мне доверия дверь,
Научи обещать навсегда,
Научи уходить в никуда.
Пожалей меня, пожалей,
Видишь, падает в ночь апрель,
А со мной лишь мои слова,
Поезда и пути - в никуда!

* * *

Зима. Пустынный синий снег
Да елок заспанные ветки.
Лес грезит о разливах рек
И смотрит вдаль: весны там нет ли?

* * *

Погода холодом пугала
И ничего не сообщала
О днях грядущих на земле:
Что остается, что пропало,
И чьи забрезжили начала
В готовой к восходу вышине.

* * *

Как глубока осенняя вода!
В ней, как в тебе, не все и всем понятно.
В ней, как на солнце, тоже свои пятна.
Свои мечты, и память, и беда

* * *

Короче - март.
И тень, и сон короче,
Но почему
Вместо любви зияет синий прочерк,
Словно в счету
Кутилы, промотавшего наследство?
Вместо сердца
Стучит мотор для подогрева крови.
Лишь боли
Мне объясняют, что еще по воле
Своей, чужой
И чьей еще - не знаю,
Бреду,
Живой сейчас, а не в преданьях,
Как мамонт,
Потерявший век и стадо.

* * *

И больше ничего
Случайный вскрик
Меня догонит в перекрестках буден.
Не оглянусь.
Лишь прошлому подсуден.
Я будущему вряд ли пригожусь.
Что моя жизнь? Сценарий для кино,
Где роль прохожего играю я давно.
Да, я - один из сотен поколенья,
Убитого в подвалах безвременья
Карьерою, тюрьмой и просто бытом.

Я не прощу, и мною не забыта
Россия, позабывшая меня.
Смотри: она седлает вновь коня!
За кем, куда готовишься в погоню?!
Неужто раздадутся снова стоны
И мальчиков, похожих на меня,
Опять сожрет российская земля

* * *

Все –
к разлуке.
Тянутся руки.
Только
не удержать,
Опять
прощанья час.
Жизнь
от встречи к встрече.
Пока
не согнутся плечи.
Буду тогда вспоминать
вас.

* * *

Дождь.
Он пробуждает память.
Ранит
То, что отбросил прочь
И не оставил
Себе, и детям, и грядущим внукам.
В руки
Слетают камни,
Но не видно манны,
И понапрасну ждут поля посева.
Время
Меня несет,
Как половодье щепку,
И заставляет жить с собой в разлуке.
Скуке
Противопоставил пестрый вздор минуты,
Собранье книг
И ложь знакомых женщин.
Меньше
Тревожит зло и радует улыбка.
Скидку

Беру на возраст и на то, что бытом
Я окружен,
Как волк кольцом облавы.
Рога трубят.
Когда ж меня затравят?!

* * *

Выпьем за тех, для кого свет не мил!
Тех, кто в беде, и за тех, кто один,
Тех, кто ушел, как уходят в туман.
Тех, чей на рифы попал караван,

Кто для рассвета себя не сберег,
Тех, кто не понял любви между строк
Видно, такая уж наша судьба:
Жить только прошлым, надежду браня.

Выпьем, дружище, за боль без утрат,
За маяки, что давно не горят,
За облака, скукой брошенных в грязь,
Выпьем за счастье, забывшее нас.

Выпьем, товарищ! И снова нальем:
“Горько!” всегда заливалось вином.
Что же ты хмур и неловок?
Пей, прошлых теней обломок!

Что нам осталось? Лишь злость да тоска
Пей, пока хватит в бутылках вина,
Пей, чтоб забыть и себя и меня,
Пей! Наша жизнь - трын-трава!

* * *

Все это было, в каждом веке было:
Дремала в русле времени страна,
Привычный глас глашатаи трубили:
“Жизнь хороша! Жизнь очень хороша!”
Портрет вождя по праздникам носили,
Молились на спокойный сытый день,
Детей рожали, плакались, любили,
Дрожали в канцеляриях властей,
И умирали, передав потомкам,
Накопленную веком суету,
Страну с ее нехваткой мест под солнцем,
Героикой воспетую войну

Кружилось все и снова продолжалось,
Скрепляя болью каждый счастья миг
Другой судьбы мне, видно, не досталось,
К другой стране я просто не привык!..

* * *

На ком вина? Молчит о чем прощенье?
Сгорали молодые поколения
На сложенных из принципов кострах.
Их идеалы разносил в веках
И превращал в песок усталый ветер.
И не было надежд на этом свете -
Все в будущем иль где-то в облаках.
Но вырастили в новой вере дети,
Не зная про расставленные сети:
О том, что из бульжных баррикад
Легко построить крепостной ГУЛАГ.
Куда спешит история слепая,
То в яму, то в болото попадая?
И где та удивительная цель,
Что станет оправданьем всех потерь?
Дни и века бездумно гложет время,
Трудом корежа человечье племя.
Бессмысленно вращается Земля.
В чем их вина? Ведь упрекнуть нельзя
То, что живет И плачет, уходя
По сумрачной дороге в никуда.

ЭКСПРОМТ

Бывает странно, мне поверь,
Когда прихлопнутая дверь
Тебя от мира заслонит.
И время не стучит - стоит,
И мыслей прежде четкий ход
Вдруг ударяется вразброд.
И кажется, что жизни нет,
Что за окном - не белый свет,
А лишь причудливый мираж,
Устроивший тебе шантаж.
И станет страшной тишина.
Вскочив, бежишь. Скорей, где дверь?
Тепло живительных лучей
Бьет, ослепив, тебе в лицо
И на душе легко, легко.

ПЕРСОНАЖАМ КАРТИНЫ К. ЛОРРЕНА

Что им до смерти -
Еще живым,
До нас, не родившимся!
Им, верящим в бога
И вечность:
Себя, детей своих
И той сладкой истомы
Остывающего от жары вечера,
Когда понимаешь,
Что все проходит,
Не проходя

ПОСЛЕДНЕЕ

Прощай, мой стих!
В последний раз пером
Я жизнь свою перевожу на рифмы.
В последний раз!
Манящим тупиком
Он стал уж для меня.
Сей путь к Олимпу, к нимфам
Но я ушел!
Я вышел из тюрьмы
Изящных поэтических волнений.
Где смысла нет!
Где бедствия Земли -
Лишь хлебное сырье для краснопений!
Другой Мой путь.
Полночною порой
Я, как Колумб, отплыл искать свой берег,
И ту звезду,
Что людям даст покой
И счастье даст двумстам земных Америк!
Быть может, не найду
Ну что ж, еще одно
Поглотит Стикс безымянное тело.
Не первый я
Ложусь брусчаткой в дно -
А поиск мой продолжит чья-то вера!

Письма влюбленного наставника

ВСТУПЛЕНИЕ

Это была встреча, о которой Наставник (студент четвертого курса исторического факультета Одесского университета, 21 год) мечтал с восьмого класса школы: он увидел Ее (работает на фабрике в г. Прилуки, готовится поступать в медицинский институт, 17 лет) на новогоднем студенческом вечере, куда она приехала по приглашению сестры Люды (филфак, четвертый курс), услышал ее несколько умных фраз, сказанных всем и никому - и влюбился. Люда согласилась дать адрес: и появились письма.

Сейчас, с высоты других поколений, эта переписка кому-то покажется смешной и наивной - как гриновская Ассоль, бегущая по воде к паруснику, - но от этого она не перестает быть серьезной и значительной для тех, кто жил в том далеком, наполненном миражами и верой, мире. Далеком, как мамонты.

Потом была встреча: в июле 1971 года в ночной Одессе. И был разговор, в котором она, семнадцатилетняя девочка, имеющая за плечами скудный багаж средней школы и стопку прочитанных библиотечных книг, не понимала его, одолевшего Гуссерля и Гегеля, а сейчас возмущенного тем, что она, получившая шесть посланных ей писем, не сумела подняться до их уровня, стать такой же умной. Эта встреча оказалась последней, и на ее письмо, пришедшее из Прилук с сообщением о провале вступительных экзаменов, он не ответил. Наставник всегда был беспощаден: к себе, к другим, - за что и получил от судьбы все, кроме счастья.

Вячеслав Килеса

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Здравствуй, Надя!

Я долго думал, стоит ли писать это письмо - мы ведь так мало знакомы, если вообще можно называть знакомством несколько мимолетных разговоров, а потом решил: в конце концов, что я потеряю от того, с какими мыслями ты окончишь читать данное «школьно-нравоучительное» послание.

Прежде всего, мне хотелось бы спросить, ясно ли ты представляешь тот путь, по которому собираешься направить свою жизнь? Врач - самая мирная профессия на земле, по международным законам врачам запрещается в период войны принимать участие в военных действиях; на поле боя они обязаны перевязывать не только своих, но и вражеских солдат. Каждый день врач приносит пользу людям: кого-то вылечивает, кому-то спасает жизнь, - у него нет врагов, ему благодарны все. Что еще нужно человеку, решившему посвятить себя благу человечества?!

А теперь посмотрим на это же с другой стороны. Ты будешь излечивать людей, но люди сами по себе - разные. Представь, что где-то на улице в тяжелой междоусобной схватке ранили друг друга дружинник и бандит. Их привезли к тебе, доверили твоему мастерству, и вот ты с одинаковым, обязывающим тебя, рвением оказываешь помощь обоим. Ты вылечила. «А для чего ты их вылечила?» - спрошу тебя я. Чтобы когда-нибудь они снова встретились на человеческом фронте Добра и Зла, вдаль от которого всегда стоишь ты, и снова целились друг в друга?! И кто из них тогда окажется победителем? И что почувствуешь ты, прочитав в газете о смерти вылеченного тобой дружинника?..

Не подумай, что пытаюсь поколебать твою веру в нужность профессии врача. Нет, слишком уж часто я пил с надеждой лекарства, приготовленные по рецепту «человека в белом халате», чтобы так грубо противоречить своим прошлым воспоминаниям. Я пытаюсь сказать тебе совершенно другое: врач - нужная профессия, но это всего лишь профессия. Если ты это поняла, продолжим наш разговор.

Представь, что ты окончила медицинский институт, работаешь в больнице, честно относишься к своим обязанностям, тобою все довольны и ты довольна своей работой. Представила? А дальше я тебя представлять не хочу, не желаю, и, может быть, именно из-за этого нежелания сел писать тебе письмо. Будет лучше, если я совершу «представление» на примере одной из своих знакомых.

Она тоже мечтала в школе отдать себя борьбе за счастье человечества. Она окончила с отличием вуз, на пятом курсе вышла замуж за хорошего, умного парня, готовившегося защищать кандидатскую. Они получили квартиру, по утрам уходили на работу, вечером - в кино или на танцы, или просто сидели друг около друга, делясь впечатлениями дня. На работе у них все было благополучно; оба аккуратно платили профсоюзные взносы, выступали на собраниях, числились на хорошем счету у начальства и т. п. Вскоре их стало трое; соседи знали о них как о счастливом семействе - да так оно в сущности и было.

Однажды, встретив ее на улице с малышом на руках, я спросил: «Счастлива ли ты?», получив удивленный ответ - «Конечно!». Тогда я задал вопрос по-другому: «Ты осуществила то, о чем мечтала в школе?». Она задумалась. Она знала, что быть хорошим специалистом (врачом) и быть настоящим человеком - это не одно и то же, и она поняла мой вопрос: сумела ли она построить свою человеческую жизнь так, как мечтала, прочитав «Как закалялась сталь?» и «Овод»?

Я не услышал ответа, да и не нужен он мне. Я вижу ее будущее, напоминающее затухание большого костра - вначале он, пылая, пытается озарить все человечество, потом блекнет, слабеет и в конце концов его огня с трудом хватает на то, чтобы согреть свою частную индивидуальную квартиру. «Все мы в юности гении, а потом - простые работники» - писал К. Маркс. Ты спросишь: «Откуда берутся гении?». Я отвечу: из числа тех, кто не превратился в «простые работники».

Не знаю, сумела ли ты меня понять. Обычно ответы считаешь правильными только тогда, когда они отвечают на какие-то вопросы, не раз безрезультатно задаваемые самому себе. А я не уверен, задумывалась ли ты над теми проблемами, которые я только что пытался создать в твоём воображении. Юность хватает все подряд, она уверена, что в пути пригодится все, и только через много лет понимает, сколько лишнего груза она пронесла на себе все годы, и, кто знает, насколько затормозила этим свое движение вперед.

Твоя старшая сестра, Люда, сказала мне, что ты замкнулась в себе, растерялась, не поступив в вуз. Тебя можно понять. Не сомневаюсь, что в школе о тебе говорили как о будущей студентке, и ты настолько свыклась с подобным официальным мнением, что сейчас чувствуешь себя виноватой, как будто кого-то обманула.

Не спеши чувствовать себя несчастной. Посмотри вокруг, на окружающих тебя людей. Всмотрись, что интересует их, чем они живут. Хочешь, скажу? Первое - заработная плата, деньги, с помощью которых можно обеспечить себя и своих близких значительной суммой материальных благ: еда, платье, телевизор. Чем они живут, что является важнейшей темой их разговоров? То же самое: деньги (кто больше получает), платье (какое пальто нужно будет приобрести к Новому году), машина (эх, вот счастлив тот, кто ее имеет) и прочее. Свою судьбу и судьбу своих знакомых они тоже рассматривают в таком плане: выгодно устроился в жизни или нет («А вот Валька за инженера замуж вышла, вот повезло»). Вторая тема после материальных благ - новости. Это не обязательно сплетни, пусть новостями служит свежая газета, или разговор со знакомыми - сущность не меняется, главное - услышать что-то новое. Третья существенная сторона людей, которая всегда приводила меня в изумление, это - умение спокойно и как можно с большими удобствами убивать свое время, стремление растратить свой двадцатичетырёхчасовой день на пустяки. До сих пор я нашел только одно объяснение подобно человеческой странности: люди стараются как можно меньше самостоятельно думать, боятся заглянуть поглубже в свою жизнь, потому что вдруг может оказаться, что у них нет жизни, что они не живут, а существуют. Даже книги для них - не источник знания жизни, а сборник новостей или еще один, интеллектуальный, способ убивания времени.

А между тем представь себе, что все эти люди когда-то мечтали. И в мечтах они видели свое будущее ярким и загадочным, как блеск падающей звезды. Спроси у них, что помешало им осуществить мечту? Ты услышишь перечисление неприступных препятствий, преградивших им дорогу к настоящему счастью. Не верь им. Начиная разрушать внешнюю преграду, человек должен вначале разбить преграду внутри себя. А на это ни у кого из них не хватило сил.

Теперь скажи мне, кто должен чувствовать себя несчастным: ты со своими семнадцатью годами, могущая при желании построить свое будущее по своему усмотрению, или эти люди, навсегда утратившие такую

возможность? Подумай, Надя! Подумай и над тем, чем сможешь ты сейчас помочь им, часто даже не подозревающим о своей трагедии. Да, именно сейчас! Диплом даст тебе право и возможность лечить физические болезни людей, а духовные, гораздо более страшные боли, нельзя излечить ни скальпелем, ни знанием учебников по медицине. И для лечения их нужен человек, обладающий двумя качествами. Первое - самая горячая любовь к людям, настолько большая, что она часто поднимается до ненависти, до умения любить человека, каким он должен быть, ненавидя его таким, каков он есть сейчас. Второе - знание людей, понимание той жизни, в которой они живут, улавливание общественных закономерностей и использование их для человеческого блага.

Путь к этому труден, очень труден, Надя. И дело даже не в том, что тебе придется много читать, употребляя для этого каждую свободную минуту, много и глубоко думать, отказываясь от привычных удобств и удовольствий. Уходя все дальше и дальше по нарисованной мной дороге, ты будешь терять одного за другим своих сегодняшних товарищей, потому что ты будешь идти, а они - стоять на месте, хотя со стороны все может показаться наоборот. Ты познаешь в пути и горечь тоски, и злость одиночества, и насмешку непонимания. Возможно, от тебя отвернутся те, которые сегодня приветливо кивают тебе головой. Ты приобретешь, конечно, новых друзей, и в числе первых - автора этого письма, но все это - в будущем, а оно еще так для тебя неопределенно. Подумай, Надя, обо всем подумай. Решать должна ты сама, здесь тебе не помогут ни мама, ни сестра, ни товарищи.

Вот и все. Я не знаю, ответишь ли ты мне, но вот мой адрес: г. Одесса, ул. Довженко, 5, общ. ОГУ-4. Мне.

До свидания.

3/11 - 1970 год. г. Одесса.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Здравствуй, Надя!

Я сижу сейчас с авторучкой в руках и думаю, с чего начать. Пожалуй, ты права: мы незнакомы друг с другом. Поэтому начну с себя.

Вчера мне исполнилось двадцать один год Двадцать один. А было время, когда я не мог представить себя двадцатилетним

Странные мысли приходят в голову человеку, у которого сегодня день рождения. Настолько странные, что кажется, будто они только и ждали этого дня, чтобы постучаться и войти: «А вот и мы!». И я встречал их, стоя у дверей, рассаживал вокруг себя, стараясь, чтобы им не было тесно и они не перессорились между собой, потом вглядывался в их лица и начинал листать книгу памяти, пытаясь понять, с какой именно страницы пришли они ко мне в гости.

Вот аккуратненький мальчишка торопится в школу, бережно прижимая к себе портфель и осторожно обходя осенние лужи. Он - шестиклассник, вот он стоит у доски и старательно отвечает на все вопросы учительницы. Класс

спокоен и равнодушен, у доски - отличник, ответ завершится пятеркой Это было Боже мой, как давно это было!

Вот я в девятом классе средней школы № 1, с репутацией способного, но ленивого ученика и замкнутого человека. Почетное звание отличника отошло в прошлое, стало реликвией, в классном журнале пятерка соседствовала с двойкой, в четвертные по средней линии выводилась четверка или тройка. «А хороший был ученик!» - вздыхали преподаватели. «Печорину подражаешь?» - в упор спрашивали одноклассники. Я писал стихи, допоздна засиживался над книгами и мечтал стать следователем. На выпускном вечере расстался со своими одноклассниками равнодушно-приветливо - мы так и не поняли друг друга.

Ремонтно-строительный участок - сокращенно РСУ. Я пошел туда устраиваться на работу сразу же, как только получил по почте посланные в Харьков документы - на юрфак принимали только с двумя годами стажа.

Я проработал на стройке один год. Это было трудное время, но, знаешь, только потом, оглядываясь назад, я понял, насколько оно трудно. А в тот год я просто жил, жил взахлёб, пытаюсь схватить и понять как можно больше. Ты, наверно, уже узнала, как относятся рабочие к новичкам, вчерашним школьникам. Обычно над ними подсмеиваются, считают мальчишками на побегушках и т. д. Но это «обычно», потому что со мной такого не было. Я пришел к ним чужаком, а ушел «своим», они избрали меня в профком, я стал заведующим клубом и библиотекой предприятия, а потом еще и комсоргом. И мне не было еще семнадцати лет, я готовился в вуз, вставал в половине шестого и до семи утра сидел над учебниками, потом шел на стройку и работал, не щадя сил, - не потому, что был комсоргом, а потому, что иначе не мог. По закону я имел право на короткий рабочий день - я отказался от него, не желая иметь какие-то льготы перед другими, - я хотел быть равным со всеми во всем. Рабочий день заканчивался, я забегал домой, переодевался и шел в клуб: открывал его, включал телевизор, доставал из шкафов шахматы, организовывал очередность на биллиард. Закрывал я клуб в 9, иногда в 10 или 11 часов - в зависимости от телевизионной программы или количества посетителей. Приходил домой, раскрывал учебники - а в час ночи автоматически ставил будильник на половину шестого и валился на кровать.

Я и сейчас удивляюсь своей тогдашней энергии. Я помню только одну неделю в первый месяц работы, когда у меня мелькнула мысль, что ведь все это тяжело, можно найти что-нибудь полегче, и своим упрямством я никому ничего не докажу. Но тогда мне повезло: я познакомился с книгами Виллиса Лациса и понял, что теперь смогу выдержать все. Я не читал, и не буду читать Лациса после того года, потому что боюсь потерять то впечатление, которое произвел он на меня тогда.

В этом же году я поступил на второй курс вечернего университета марксизма-ленинизма, сдал экзамены за первый курс экстерном. Занятия здесь шли один раз в неделю, и я был самым молодым и активным из слушателей. До сих пор улыбаюсь, когда вспоминаю, как я критиковал убеленного сединой директора какого-то предприятия. А один раз я вышел

выступать с сообщением, посмотрел в зал и почему-то испугался: все взрослые, умные, и все на меня смотрят. Стою и молчу. Преподаватель догадался, в чем дело, и минут пять уговаривал меня вместе с сидящими в зале - стесняться никого не следует, все свои (а там сидел и директор моей школы), пока я не открыл рот и не заговорил.

Конечно, не всегда все шло гладко. Были тяжелые обиды, огорчения, один раз в клубе произошла кража, а отвечать пришлось мне, иногда я ссорился со всей бригадой по какому-нибудь принципиальному вопросу и дня два ходил один. Впрочем, все уже прошло, и единственное, что осталось: теплые разговоры при встречах, несколько товарищей, разбросанных сейчас по разным уголкам Советского Союза, и много-много воспоминаний.

Потом я сдал экзамены в вечернем университете, рассчитался с работы и июнь - июль готовился к поступлению. С юридического документы снова вернули, и я подал их на исторический. Причина: а) меня могли забрать в армию; б) я собирался потом перевестись на юрфак.

Ехал поступать равнодушно (может быть, именно поэтому и поступил), главное, считал и считаю я - это быть человеком, а звание человека присуждает только один вуз - Жизнь. Вот такой я был, Надя, до поступления в ОГУ. Добавлю только: мне невероятно повезло, что я попал именно на истфак,- на первом курсе была возможность перевестись на юридический - я ею не воспользовался.

О моих четырех годах студенческой жизни я расскажу тебе когда-нибудь потом, может быть, когда ты поступишь. А в том, что ты поступишь, я не сомневаюсь.

Поэтому даю тебе несколько практических советов.

Биология (наука, которая мне очень нравится).

Возьми календарь, потом учебник, и распиши каждый параграф на определенный день календаря на 6-7 месяцев вперед. Тоже самое - с учебниками по физике и химии.

Постарайся прочесть биографии ученых, работавших в этой специальности (есть такая серия: «Жизнь замечательных людей»), читай популярную литературу, по интересным вопросам - и специальную. Учись писать грамотно, у тебя очень много ошибок.

Пускай тебе из учебника кто-нибудь продиктует одну-две страницы, а ты запишешь, потом сверишь написанное с текстом, исправишь ошибки и выучишь на эту тему правила. Таким путем ты хорошо запомнишь учебник и повысишь на 50-60 процентов свою грамотность. Договорились?

Еще один совет: постарайся найти другую работу, где было бы меньше шума и больше свободного времени.

Иногда читай хорошие книги. Вот мои советы:

М. Анчаров - «Сода - Солнце», «Теория невероятности», «Это синий апрель».

Генри Дэвид Торо - «Уолден, или жизнь в лесу».

Богат - «Бессмертны ли злые волшебники», «Удивление».

Стругацкие - «Хищные вещи века», «Трудно быть богом».

А. Лебедев - «Чаадаев», «Чтобы быть человеком».

Если тебе понравятся предложенные мной книги, я напишу тебе потом еще несколько названий.

Как видишь, это письмо отличается от первого: я писал в основном о себе. Надеюсь, ты сделаешь тоже самое.

Ты спрашиваешь: счастлив ли я? Отвечаю: наверно, нет. Может быть, когда-нибудь ты поймешь, почему, а сейчас я просто приведу слова одного умного человека.

«Чтобы идти в этом мире верным путем, надо жертвовать собой до конца. Назначение человека состоит не в том толь ко, чтобы быть счастливым, он приходит в мир не за тем только, чтобы быть честным, - он должен открыть для человечества что-то великое, утвердить благородство и преодолеть пошлость, среди которой влачит свою жизнь большинство людей». (Ренан).

Я кончаю, Надя. За окнами уже ночь, в комнате сонная тишина, а завтра у меня трудный день.

До свидания.

26/11 - 1970 год. г. Одесса.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Здравствуй, Надя!

О чем тебе писать? Может быть, о том, что уже вечер, небо за окном темно-синее, без единого пятнышка. Я смотрю на стекло, и мне кажется, что темно-синее оно, а не небо.

Уже вечер. Через несколько часов он кончится. Потом будет ночь, потом утро, день и снова - вечер. Так и идут они, дни нашей жизни. И все время кажется, что главное - впереди: через год, через два, через день, вот за этим поворотом, нет, за другим Аттестат зрелости, первая зарплата, любовь, вуз. Но это не главное, главное все не приходит. Может быть, и нет его?.. И только потом, через много лет, когда тебе уже многое безразлично и многое надоело, ты вдруг понимаешь, что главное у тебя было, хотя ты не замечал его, и что главным было чувство ожидания.

Я немного заболел. В такие минуты меня тянет на философствование, благо читать что-либо серьезное не под силу, а легкое наводит скуку.

Знаешь, Надя, я не получил от тебя ответа на свое письмо. Бог его знает, почему так получилось: ошибка почтальона, нелепая случайность или еще что-нибудь. Если у тебя будет время, постарайся, пожалуйста, еще раз воспроизвести текст утерянного письма.

Я ведь не знаю тебя, Надя. Что ты думаешь, в чем смысл твоей жизни, что любишь, что ненавидишь, умеешь ли любить и ненавидеть.

Тебе сейчас трудно. Я не хочу тебя жалеть, и не стану выражать сочувствие. Помни, что сталь закаляется в огне. Свинец и медь в этом же огне плавятся.

Ты столкнулась на работе с такими вещами, о которых в школе почти не упоминалось. Сейчас ты просто всматриваешься, брезгливо морщишься при

виде воровства, молчишь на комсомольских собраниях, когда говорят заведомую ложь, стараешься отойти от всего подальше, зная только одно: тебе нужно учить. Ты многое не понимаешь, просто фиксируешь факты, разделив мир на две половинки: это хорошо, а это| плохо.

Когда-нибудь, познакомившись поближе, мы поговорим обо всем, и я немало расскажу тебе, если ты, конечно, будешь спрашивать. А пока что оставляй глаза свои широко открытыми, не бойся, что туда попадет соринка, запоминай все, что видишь. Пойми: жизнь рабочих твоей фабрики более или менее повторяет жизнь рабочих всей страны, да и не только рабочих.

Кстати, я посоветую тебе читать книги из серии «Жизнь замечательных людей». Постарайся брать книги о революционерах: людях, отдавших свою жизнь другим.

Кто твой любимый поэт, писатель? За что ты их любишь?

Послушай, ты вообще понимаешь мои письма? Может быть, я пишу то, что не нужно, отнимаю у тебя время для чтения письма и обдумывания ответа? Может быть, она вообще не нужна, эта переписка? Отвечай честно, так, как думаешь.

А за окном - дождь. Стекла стали черными, и в них отражается полка с книгами и настенная карта с нарисованными материками и океанами. Ты любишь стихи, Надя? Наверное, любишь. Я хочу, чтобы ты любила стихи. Они помогают иногда открывать в мире то, чего не встретишь ни в каких учебниках.

Если тебе что-нибудь будет неясно - безразлично, в какой области, - пиши мне. Я постараюсь ответить. Договорились?!

Вот и все. До свидания, Надя, до следующего письма.

19/2-1971 год.

Р. Я.

У меня к тебе просьба. В моих письмах, конечно, нет ничего таинственного, и скрывать мне нечего, но все же я пишу их тебе, а не твоим родственникам. Люда, конечно, твоя сестра и мой друг, но лучше было бы, если бы она моих писем не читала.

г. Одесса.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Здравствуй, Надя!

Спасибо за письмо. Я его уже не ожидал, ты права. Трудно привыкать к слову «конец», но постепенно привыкаешь. Все кончается - рано или поздно. Я думал, что у нас - рано. Послушай, так ведь нельзя: больной ходить на работу. Я понимаю: вопрос - выдержи ли? Но это может иметь, как говорят в Одессе, плохие последствия. Не сейчас - позже. Ведь все, что с нами было, остается в нас, никуда не исчезает. И та болезнь, от которой умирает человек - это только последняя болезнь, что-то вроде последней капли, переполнившей сосуд с водой.

Ты, наверно, привыкаешь жить по будильнику, привыкаешь ценить и уважать время. Это необходимо. Только знаешь, того времени, к которому ты привыкла и которое ассоциируется у тебя с механическим стуком часов - его нет. Когда-то оно было выдуманно людьми, желавшими упорядочить свою жизнь, потом превратилось в привычку, еще позже - в закон. Привычно - значит удобно, а раз удобно - значит правильно.

А времени - нет! Есть изменение, непрерывное, вечное изменение. Помню, два года назад в каком-то стихотворном наброске я писал: «Есть сегодня, и в этом - вся жизнь!». Это правда, Надя. Есть только сегодня, будущее - это то сегодня, которое будет, прошлое оно всегда в нас, Надя, не с нами, а в нас Каждое твоё движение, каждый твой поступок - он остается в тебе, и когда-нибудь станет причиной других твоих движений и поступков. И любой твой шаг по земле - это твой шаг, Надя, и ты отвечаешь за него не только перед своим настоящим, но и перед будущим.

Если человека лишить его прошлого - он перестанет быть человеком, его стадия развития будет где-то на уровне младенца, только что привезенного из родильного дома. А откуда берет человек свое прошлое? Ты, конечно, знаешь, откуда: поглощая, усваивая культурное прошлое человечества и вырабатывая новую культуру. И чем в большей степени индивид усвоит прошлый опыт человечества, тем более он будет достоин звания человека настоящего.

Помнишь, я писал тебе, что мне здорово повезло с выбором факультета? История как наука - это история создания человеком, впервые взявшим в руки (если их можно было назвать руками) каменное рубило, современного нам мира, в котором мы должны и будем жить. Орудия труда, наука, математика, медицина, биология, театр, литература - все это создавалось и создается человеком для улучшения условий жизни, а эти лучшие условия жизни должны превратить его из животного, борющегося за возможность биологического существования, в Человека с большой буквы, в человека, освобожденного от необходимости борьбы за материальное обеспечение. И сражение за такого человека еще не кончено, Надя, может быть, оно еще только начинается. По-прежнему, как и много веков назад, в основе существования человека лежит принцип эгоизма (перевод с латинского - «я есть»), и этот принцип заставляет человека отбирать кусок хлеба для себя не только у природы, но и у своего собрата - человека. Отобрать нечто у более слабого всегда легче, чем создать данное нечто самому. Так и вошло в лексикон человечества слово «война». Страшное это слово, Надя. За историю человечества было на земном шаре всего несколько мирных лет, когда не бряцало оружие, не звучали походные марши и люди не шли убивать людей, оправдывая убийство патриотизмом, долгом, национальными интересами и прочими словами, обязанными заглушить напоминание о том, что все они - люди.

История - это не учебники, которые ты просматривала в школе, и не ученые монографии, конспектируемые нами на факультете. История - это жизнь людей, создавших нашу жизнь и оставшихся в ней как в результате.

Мы ведь тоже, Надя, отнюдь не венец создания, а какая-то ступень, какой-то момент истории, устремленной в будущее. И наша жизнь, все, что мы создадим за 60-80 лет, отведенных нам для сознательной земной деятельности, воплотится в жизнь наших потомков, станет их жизнью. Понимаешь, в настоящем мы создаем не только свое будущее, но и будущее других будущих людей. И их жизнь зависит от того, как мы проживем свою жизнь.

...Наверное, я отвлекся. Я хотел только подчеркнуть, что, не зная прошлого человечества, не зная его истории (которая есть по сути твоя собственная история), ты никогда не поймешь настоящего. Ты будешь жить, не понимая своей жизни и жизни других. Другими словами, ты будешь существовать, пользоваться готовым миром и этот мир, ничего не изменив в нем, ничего не улучшив, передашь своим потомкам. Вряд ли они скажут тебе «спасибо», как мы не говорим «спасибо» тем миллионам мещан и обывателей, населявших (и населяющих) нашу планету. А ведь ты учти: каждый из этих обывателей честно служил, работал, может быть даже кое-что изобрел (там, новый принцип делопроизводства или усовершенствование структуры сената), так почему же мы считаем его обывателем? Подумай над этим, Надя.

Не знаю, понимаешь ли ты то, что я пишу. Наверное, не совсем. Я сам понял многое не так уж давно. Поэтому прими мой совет: сохрани мои письма. Когда-нибудь ты прочтешь их совершенно по-новому.

Будет очень плохо, если из всего, что я написал тебе выше, ты поймешь только, что я агитирую тебя стать историком и бросить медицину. Нет, это не так. Я просто хочу сказать, что и историк, и врач, и филолог и пр. - все это только профессия, специальность, средство для существования. А это не главное, Надя. Можно быть отличным специалистом, окруженным уважением товарищей по работе, а дома, закрыв окна, чтобы никто не слышал, избивать свою жену. Очень даже можно. Теперь напрашивается вывод: значит, необходимо быть хорошим человеком? И я задаю тебе вопрос: что такое в твоём понимании «хороший человек»? Ответ мне на него, ладно?

Сейчас, когда я пишу это письмо, ты на работе. Шум цеха, необходимость автоматических движений и мысль: когда кончится

Ненавидеть людей А за что их ненавидеть? За то, что они не могут быть людьми? А что им мешает это сделать? Как ты думаешь: что? А, Надя?

Ненависть бывает разная. Один ненавидит другого за то, что тот, другой, раньше него успел схватить кусок хлеба. Еще ненавидят те, у кого кусок хлеба отбирают. Есть ненависть, которой сильный ненавидит слабых за то, что они, слабые, сплотившись, не позволяют сильному проявлять свою силу, уравнивая его таким образом со слабыми. Разная бывает ненависть, очень разная.

Ты никогда не слышала такие слова: «Любовь через ненависть»? Это когда человек любит людей потому, что они в потенциальности люди, и ненавидит их за то, что они не умеют и не хотят стать людьми, предпочитая

превращаться в животных. Такой ненавистью любили людей революционеры. Вот еще тебе один вопрос: откуда появляются революционеры и что это такое - революционер?

Наверное, хватит, многоуважаемая Надежда Владимировна. Как вы считаете? Послушайте, пришлите мне свою фотографию, так мне легче будет писать вам письма. Буду смотреть на нее и разговаривать с вами - письменно.

Между прочим, Надя, я советую тебе вести дневник. Отработаешь четкость мысли, будет с кем делиться впечатлениями и когда-нибудь здорово пригодится в будущем.

Вот и все.

5/4-1971 год.

Р. Б.

Кстати, ты прочла или хотя бы достала те книги, о которых я писал тебе во втором письме?

г. Одесса.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Здравствуй, Надя!

Извини, что задержался с ответом. Как-то очень много и сразу, волной, нахлынули на меня необходимости. Сейчас выдалось свободное время, что-то вроде затишья перед боем, и вот, сел писать тебе письмо.

Что такое искренность? В какой мере нужно быть искренним и нужно ли быть им вообще? Да, это вопрос. Страшный вопрос, Надя. Потому что еще раз указывает на то, как далеки люди друг от друга.

Я смотрю в окно. Идет прохожий; рубашка, сандалеты, шатен, 30 лет. Он меня не видит, да это и не нужно; сейчас он пройдет дальше или я отвернусь от окна - и все. Общение закончилось. У него свой мир, в котором он живет, свои радости и печали.. А у меня - свои. И мне безразличны его интересы и радости, так же как мои - ему. Когда ты идешь по улице, Надя, то видишь прохожих: улыбающихся, грустных, о чем-то думающих, куда-то спешащих. А они видят тебя. И вы равнодушно проходите мимо друг друга, только разве что досадливо поморщитесь при нечаянном столкновении. И - расходитесь.

В общем-то с самого раннего детства приучаешься считать людей вокруг себя - чужими людьми. Делишь их на ранги; эта тетя мне улыбается - она хорошая, дядя дал конфету- от тоже хороший. Мир воспринимается только как мир по отношению к тебе; все, что к тебе не относится, не соприкасается с тобой - тебе безразлично. Так же как и сейчас, со скукой прочитав сообщение в газете о расстреле десяти ангольских партизан, ты можешь взволнованно суетиться вокруг своей кошки, занозившей лапу. Партизаны - это далеко, а кошка - рядом; выстрелов не слышно, зато кошка мяукает даже чересчур громко. Живешь, постоянно деля окружающее на свое и чужое, все время опутанный футляром личной собственности. С другими людьми ты соприкасаешься только тогда, когда они нужны тебе или ты - им. Вот с этим тебе весело, этот много знает и интересно рассказывает, а этот - помогал или

помогает тебе в чем-то. Каждого из них можно оценить: какую пользу он приносит тебе. Так же оценить, как и вещи вокруг тебя. Во время крепостного права помещик менял своих крепостных- таких же людей, как и он сам - на какую-нибудь золотую побрякушку. И по-прежнему считал себя Человеком. А сейчас: девушка выходит замуж за «Москвич», администратор «подсиживает» товарища по работе, чтобы занять его место и т. п. Продают другого человека или человека в самом себе за деньги, удобства, выгоду. Для себя - выгоду, для своего тела - удобства

Ты привыкаешь безразлично относиться к миру. Это становится обыкновением, настолько обыкновением, что какое-нибудь другое отношение к нему вызывает удивление. Так и живем.

Я помню, когда мне впервые расхотелось жить. Это когда я понял, что не только люди безразличны мне, но и я безразличен людям. Все, что мое - нужно только мне, и другим я буду интересен только тогда, когда буду нужен им. Только тогда. Именно в тот день я почувствовал глубину слов одного писателя: «Каждый умирает в одиночку». Пока мир нуждается в тебе, ты живешь, если с тобой что-нибудь случилось и ты не сможешь приносить другим пользу - ты для них как человек умираешь. Хотя сам для себя ты еще жив: дышишь, улыбаешься, слушаешь радио.

Впрочем, это уже скучно. Слишком похоже на нытье. А нытье - это повод к бездействию. Легче всего сидеть сложа руки и жаловаться на жестокость мира, или мечтать о лучшей, красивой жизни, в которой ты никогда не будешь жить. Мир таков, какой он есть. И если он требует человека действующего - значит, ты должен быть таким человеком. Действовать, бороться, сражаться. Только сражаться не за самого себя: это не только противно, но и скучно. И даже бессмысленно- зачем бороться за то, что умрет с тобой.

Ты пишешь, что трудно быть искренним. Да, трудно. «Открытое сердце доступно пуле каждого стрелка» -так, кажется, писал Козьма Прутков. Романтики - это люди, живущие идеалами. Пессимисты - это романтики, увидевшие, во что превращают их идеалы другие люди. У каждого человека есть что-то дорогое, близкое только ему. И все прячут это дорогое друг от друга, боясь насмешки, непонимания, безразличия. Потому что слишком много в мире людей, считающих, что если хорошо вытереть сапоги, то можно свободно топтаться в чужой душе. Помнишь Печорина? Приученный лицемерить, жить только одной половиной души, он пытался остаться честным, сознательно убивая в себе ту, другую, ненужную половинку. Чтобы быть таким, какой есть, без лицемерия.

Мы ведь все время носим маски, Надя. Улыбаемся, когда хочется плакать, киваем головой тому, с чем не согласны. Выполняем «правила социального общения». Маску всегда можно заменить на другую, в зависимости от ситуации, а лицо не заменишь, оно у тебя одно. И если в этом месте тебе быть собой хорошо, то в другом - плохо. Знаешь пословицу: «С волками жить - по-волчьи выть»? Она отсюда.

Где-то еще в конце школы сталкиваешься с тем, что твоя искренность, открытость миру оборачивается для тебя злом: кто-то использовал ее в своих интересах. Вначале не понимаешь, возмущаешься, потом привыкаешь. Не только чужие, но и свои, домашние, все меньше знают твою душу. А ты - их. Потому что в какой мере ты не веришь человеку, в такой мере он не будет верить тебе. И будет прав.

Как ты видишь, я просто пишу. Кое-что объясняю, ставлю вопросы, пытаюсь заставить тебя задуматься. Но нигде не даю советов, ни рецептов. Во-первых, потому что любая истина всегда относительна, во-вторых, я хочу, чтобы ты приходила к ответам сама, своим путем. Если захочешь и сможешь.

А хороших людей - в том смысле, в каком ты их понимаешь - ты еще встретишь. Жизнь только начинается, Надя! И от такой, какая ты есть сейчас, зависит твое будущее. И всегда вокруг тебя будут люди. Разные люди. В том числе и хорошие. Старайся как можно больше узнать и понять. И не только из книг. Рабочие твоей фабрики тебе могут рассказать многое такое, чего не встретишь в книгах. Больше думай. Не отталкивай непонятное или противоположное - старайся его осмыслить. Пойми, что знание в какой-то мере - это свобода.

Я думаю, что ты поступишь в вуз. Не знаю, почему, но думаю именно так. То, что ты волнуешься - это хорошо. Барьеры спокойно, без усилий не преодолеваются. Волнение подготавливает человека к необходимости усилия, отдачи всех сил для броска вперед. Только нельзя, чтобы волнение перешло в страх. Потому что поражение всегда начинается страхом. Именно он заставляет человека отступить или сдаваться.

Ну, вот и все. Напиши мне, пожалуйста, о своем распорядке дня, о том, какую художественную литературу ты прочла за последние полгода, какими темпами идет подготовка к экзаменам.

Всего хорошего. Слава.

18/5-1971 год. г. Одесса.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Зачем ты так, Надя?! «Нехорошее, невеселое получилось письмо», «специально что-то придумывать и сочинять я не умею»? Неужели ты в самом деле думаешь, что мне было бы интересно,, если бы ты умела сочинять, придумывать письма, и они у тебя были бы «хорошие» и «веселые»? Нельзя так, Надя. Быть гордой - это значит быть собой, искренней, не подлаживаться под вкусы других людей. «Я такая, какая есть - нравится вам это или нет - все равно. Я стараюсь стать лучше, если можете - помогите, если нет - отойдите в сторону, ваши скучные советы, здравые слова и примеры, почерпнутые из вашей же серенькой жизни, мне не нужны. Смогу быть полезной - я помогу вам, если только помощь эта сделает вас лучше». Вот так: коротко и ясно.

Будь гордой, Надя! Шагай в этом мире своей дорогой, как бы трудна она ни была. Люди они ведь судят о других по себе: это плохо, потому что не

нравится мне, это хорошо, потому что этим я доволен. То, что человек ценит в себе, он будет ценить и в других. Для чего ты живешь, Надя? Ты никогда не задумывалась над этим вопросом? Счастье человечества, благо народа, подвиг во имя трудящегося - это все так абстрактно, расплывчато, ложно! Под такими лозунгами охотно подпишутся все, даже мещане - они ведь тоже трудятся, и, конечно, на благо народа. А как же еще?! Ты даешь норму - и он дает норму, ты получаешь за работу деньги - и он получает, только у тебя еще есть какие-то туманные идеи о какой-то высшей жизни - ну, а у него идеи гораздо конкретнее: поспать, поесть, отдохнуть. Помнишь чеховского Ионыча, врача Старцева? Он тоже мечтал, тоже хотел принести пользу народу. Пользу он принес, но ту ли, какую хотел? Туманные, абстрактные идеи при столкновении с конкретной действительностью рассеиваются - как дым. Подул ветер - и его нет

Чему учили вас в школе? Впрочем, вас там не учили. Из вас, руководствуясь правилами учебной программы, вытаскивали болванчиков определенного размера: средних учеников средней школы. Система оценок, стадное чувство коллективизма (не товарищества, коллективизма, т. е.: «будь как все, и делай то, что делают все»), шаблонные идеи, стандартные учебники - все было направлено к тому, чтобы подготовить из вас граждан государства: людей, умеющих работать, но не умеющих мыслить. Как поется в песне: «Не надо думать - с нами тот, кто все за нас решит». И не думают. Привыкают от кого-то зависеть, на кого-то надеяться - на кого угодно, только не на себя, - верить пустым фразам, потому что в них верят другие люди.

Человек вносит вклад в дело созидания нового мира самим собой, и чем оригинальнее будет его личность, тем больше и весомее его дар будущему человечеству. В мире было много поэтов, но мы любим Пушкина, затравленного своими современниками, Лермонтова, отвергнутого и убитого своим веком. Мы ценим и понимаем их: почему же не оценила их та эпоха, в которой они жили?..

Все течет, все изменяется, все движется. Новое сменяет старое, само становится старым, чтобы тут же уничтожиться новым. Понимаешь: уничтожиться! Новое, чтобы занять место старого, должно его уничтожить. Это было, есть и будет. В мире идет непрерывная борьба, вся планета опутана сетью баррикад, и каждый человек, осознанно или (что чаще) бессознательно боец фронта истории. У каждого есть своя баррикада, даже у пацифистов. И у тебя тоже, Надя. 19 век ненавидел Пушкина и Лермонтова (их ближайшие друзья - исключаются) за то, что их идеи, их призывы к новому должны были прекратить его существование, уничтожить его. А 19 век не хотел уничтожаться, не хотел сдаваться без борьбы. И поэтому он застрелил Пушкина и убил Лермонтова. Но ничего не мог сделать с их стихами - идеи на штыки не накалываются. И новое поколение, воспитанное на идеях поэтов и революционеров, уничтожило старый век. Так было, так есть, так будет.

Быть человеком - всегда трудно. Не ожидай легкой жизни, Надя, и не ищи ее. Шагать вперед всегда трудно, легче всего лечь и лежать, заостенев в болоте привычек и удобств.

А детство Знаешь, это ведь самое страшное: расставаться с детством. Потерять чувство удивления, красоты, ожидания, потерять интерес к людям и к миру, думать о себе, о своих взрослых заботах. Перестать верить в сказку, в осуществление мечты. Привыкнуть к несправедливости, лжи, злу. Настоящий человек всегда должен быть немного ребенком - хоть в чем-то и хоть чуть-чуть. Такими были все великие люди, все революционеры. Фурье, Сен-Симон верили в придуманную им утопию, мечтали о коммунизме Маркс и Энгельс, старались разбудить безнадежно спящий народ революционеры-народники

Есть зрелость - то, о чем тебе написал, и есть зрелость: умение смотреть правде в лицо, умение до конца сражаться, умение «видеть своими глазами то, что лежит перед ними» (Гете). Зрелость - это когда ты не боишься потерь, когда ты понимаешь мир, и, главное, знаешь о своем месте в нем, знаешь, где твоя баррикада, и кто твой враг.

Детскость очень часто путают с ребячеством, с инфантильностью, с легкомысленным задором молодого теленка. А это - разные вещи.

Сессию я сдаю на четверки. Они мне не нужны, эти сведения из учебников, где правда мешается с ложью, а наука - с «глубокомыслием» здравого смысла. Среди преподавателей есть только несколько человек, знающих и понимающих то, о чем они говорят на лекциях. Готовлюсь к экзаменам я один день - самый последний. Остальные дни читаю.

Погода Идут дожди, длинные и надоедливые, как зубная боль. Впрочем, дожди (в отличии от зубной боли) мне нравятся. Есть в них что-то задумчивое, что-то от вечности.

Шестого июля я уезжаю на практику в Москву. К концу июля (27-28) буду уже дома. Вот мой домашний адрес: Крым, г. Белогорск, ул. Перекопская, № 20, кв. 4, мне.

После первого же экзамена напишешь мне по этому адресу. Ладно?!

Советы: вечером перед экзаменом повтори самое главное. Утром сделай то же самое, но бегло. Обязательно позавтракай, хотя бы даже одним бутербродом, и выпей чашечку черного кофе. Чтобы не волноваться, заходи в числе первых. Возьмешь билет, просмотришь вопросы - и сразу же запиши на бумагу все, что помнишь по каждому из них. А потом уже начинай думать над каждым в отдельности, начиная с самого трудного.

Ну вот, счастливо тебе, Надюша! Желаю сдать все на отлично, очень желаю! И очень верю!

Всего хорошего!

2/7-1971 год. г. Одесса.

СОДЕРЖАНИЕ

НАША ВСЯ ЖИЗНЬ

Наша вся жизнь.....

ПИСЬМА ВЛЮБЛЕННОГО НАСТАВНИКА

Вступление.....

Письмо первое.....

Письмо второе.....

Письмо третье.....

Письмо четвертое.....

Письмо пятое.....

Письмо шестое.....